

М О С К В А
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1 9 8 8

СОФОКЛА ТРАГЕДИИ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
С. В. ШЕРВИНСКОГО

ББК 84(0)3
С68

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией

*С. Аверинцева, С. Апта, М. Гаспарова, А. Тахо-Годи,
С. Шервинского и В. Ярхо*

Вступительная статья

В. ЯРХО

Комментарии

Ф. ПЕТРОВСКОГО И В. ЯРХО

Художник

В. НОСКОВ

С 4703090000-217 192-88
028(01)-88

ISBN 5-280-00324-7

© Вступительная статья, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1988 г.

© Сканирование и обработка: *glarus63*

СОФОКЛ И ЕГО ТРАГЕДИИ

В одном из залов Ватиканского музея, куда лет двадцать тому назад перевели собрание античных памятников из собрания римского собора Сан-Джованни в Латеране, посетителя встречает мраморная статуя Софокла — копия той, которая в 30-е годы IV века до н. э.¹ украшала перестроенный заново в камне афинский театр Диониса. На оркестре (сценической площадке) этого театра в течение почти семидесяти лет предыдущего века ставил свои трагедии Софокл, многократно одерживая победы над противниками. И к концу IV века, когда в политическом отношении Афины давно утратили значение столицы Эллады, но все еще заслуженно сохраняли славу ее культурного центра, трагедии Софокла продолжали ставить в театре Диониса на радость новым поколениям актеров и зрителей, а проживавший тогда в Афинах Аристотель в своих занятиях поэтикой ставил Софокла в пример современным драматургам.

На латеранской статуе Софокл изображен в полный рост, с рукой, заложенной на груди в складки хитона; у ног его — короб с папирусными свитками, на которых он писал свои трагедии. Вся его фигура излучает спокойное достоинство, в чертах лица — задумчивая мудрость.

¹ Поскольку все упоминаемые здесь события относятся к периоду до нашей эры, сокращение «до н. э.» в дальнейшем не употребляется.

Впечатление о Софокле как о человеке, обладавшем удивительно гармоничным складом характера, сохранили для нас его современники; вторили им и поздние античные авторы. И в самом деле, судьба как будто сама избрала Софокла своим баловнем.

Благополучное детство и отрочество в зажиточной семье; прекрасное воспитание, включавшее в себя всестороннее развитие тела и ума, последнее — благодаря широкому знакомству со всей предыдущей поэзией греков, от Гомера до Эсхила. В день Саламинской битвы шестнадцатилетний Софокл (496—406 гг.) возглавлял хор юношей, славивших победу, сопровождая торжественный гимн игрой на лире. В своих ранних трагедиях (первое его выступление на афинской сцене относится к 470 г.) Софокл, сам исполняя главные роли, очаровывал зрителей изяществом телодвижений при игре в мяч и искусством игры на кифаре. Когда поэту было немногим за пятьдесят лет, его избрали на ответственную, требовавшую кристальной честности должность казначея в Афинском морском союзе. Поставив свои драмы в течение всей жизни не менее тридцати раз, он в двадцати четырех случаях удостоился первого места и ни разу не занял последнего. Сохранился полулегендарный рассказ о том, как даже в погребении Софокла сказала милость богов: к спартанскому царю Агису, осаждавшему в конце Пелопоннесской войны Афины, явился-де во сне бог Дионис, повелевший ему не мешать совершению похорон любимца афинского театра, и Агис действительно не стал чинить этому никаких препятствий.

Итак, полный гармонии жизненный облик Софокла и полная трагических коллизий его драматургия, — нет ли в этом необъяснимого диссонанса? Нет ли здесь подтверждения идеалистического тезиса о бессознательности художественного творчества вообще, питаемого не объективной реальностью, а отвлеченными образами и ассоциациями, вторгающимися во внутренний мир поэта из неуловимой стихии божественного вдохновения?

Из античности дошло предание, будто афинянам так понравилась софокловская «Антигона», что на 441-й год они доверили ему должность стратега — одного из десяти ежегодно избирае-

мых руководителей афинской внешней и внутренней политики. Стратегию Софокл отправлял вместе с Периклом — признанным вождем афинской демократии с середины 40-х годов V века. Передавали, что военными талантами природа Софокла не наделила, так что Перикл, бывший примерно его ровесником, в шутку заметил, что поэт он хороший, а стратег никудышный. Это, впрочем, не помешало Софоклу дружить с Периклом, как и раньше. Больше того, Софокл был одним из блестящих умов того времени, которые в течение ряда лет окружали Перикла, не в последнюю очередь содействуя тому, что эпоха высшего расцвета афинской демократии получила наименование «век Перикла». Наряду с Софоклом вокруг Перикла объединились историк Геродот, философы Анаксагор и Протагор, скульптор Фидий. В деятельности, мировоззрении, судьбе этих людей отразились, как в капле воды, мировоззрение и судьба афинской демократии со всеми ее достижениями и противоречиями.

Афинская демократия была самой передовой для своего времени формой государственного устройства: решение важнейших вопросов общественной жизни принадлежало Народному собранию, а для ведения текущих административных дел и судопроизводства ежегодно привлекалось несколько тысяч человек (всего к концу 30-х годов V века в Афинах насчитывалось, как полагают современные историки, свыше 30-ти тысяч полноправных граждан-мужчин; женщины, не говоря уже о рабах, гражданскими правами не пользовались). Таким образом, свободнорожденным афинянам предоставлялся максимум возможностей для развития личности, осознания ее возможностей, проявления ее самостоятельности. Недаром Протагор выдвинул тезис, согласно которому человек является «мерой всех вещей». В то же время свое благополучие афинская демократия считала следствием благодетельного покровительства олимпийских богов. Еще почти за сто лет до рождения Софокла афинский законодатель Солон верил, что над его родным городом распростерла свою длань, защищая его от невзгод, сама могучая богиня Афина. Старший современник Софокла, «отец трагедии» Эсхил в трилогии «Орестея» (458 г.) изобразил учреждение Афиной религиозного судилища Ареопага. По инициативе Перикла в начале 40-х годов на вершине афинского Акрополя началось строительство Парфенона — храма девы Афины, чей божественный облик

был запечатлен в знаменитой статуе из золота и слоновой кости, созданной Фидием.

Вера в олимпийских богов предполагала неуклонное следование их вечным заветам, послушание оракулам, исходившим из дельфийского храма Аполлона. Однако никакие божественные заповеди не могли предусмотреть всех поворотов во внешней и внутренней политике афинян, не могли снабдить их готовыми решениями на все случаи жизни. Эти решения требовалось принимать самим, и если они оказывались ошибочными, возникали сомнения в совершенстве человеческого знания, в его способности постичь замыслы бессмертных. Вера в божественный промысел и необходимость самостоятельных решений, зачастую эту веру колебавших,— таково было первое противоречие в идеологии афинской демократии.

Юридически провозглашенное равенство афинских граждан не многого бы стоило, если бы оно не подкреплялось экономически — платой за отправление выборных должностей и системой всякого рода раздач, обеспечивавшей даже самым неимущим возможность принимать участие в общественной жизни. Средства для этой цели давало афинянам их главенствующее положение в Морском союзе — объединении нескольких сотен городов и островов Эгейского моря, возникшем через год после победы при Саламине для совместной защиты от персов. Со временем, однако, добровольный союз превратился в афинскую державу. Взносы, поступавшие от союзников на содержание флота, способного противостоять персам, афиняне стали расходовать по своему усмотрению — в том числе и на материальную поддержку малоимущих граждан. А чтобы число их не росло за счет приезжих и детей от смешанных браков, Перикл провел в 451 году закон, по которому гражданскими правами в Афинах мог пользоваться только человек, происходящий от таких же свободнорожденных афинских граждан. В результате среди афинян возник своего рода национализм: жителей формально союзных, а в сущности — вассальных городов, как и всех иностранцев, начали считать людьми второго сорта. Отсюда — второе противоречие афинской демократии: всеобщее равенство среди ее граждан покупалось ценой ограничения их числа и эксплуатации подчиненных ей государств.

От недоверия к чужестранцам больше всех страдал, кстати, сам Перикл. Все его ближайшие друзья, за исключением Софок-

ла и Фидия, не имели афинского гражданства. Геродот и Анаксагор были родом из греческих колоний, основанных когда-то на малоазийском побережье, Протагор — из фракийских Абдер; из Милета происходила умная и образованная гетера Аспасия, на которой Перикл женился, разведясь с первой женой из старинного афинского рода. Зачисление сына от второго брака в состав афинских граждан стоило впоследствии Периклу немалых унижений в Народном собрании, а его чужеземное окружение сыграло не последнюю роль в том, что при первых же неудачах в начавшейся в 431 году Пелопоннесской войне Перикл утратил доверие народа и не был избран в стратеги после почти пятнадцати лет безраздельного руководства афинской внешней и внутренней политикой.

Судьба Перикла может служить иллюстрацией еще к одному своеобразному свойству афинской демократии — недоверию к вождям, которых она сама же выдвигала. Избавившись на рубеже VI и V веков от тирании Писистратидов, афиняне опасались возрождения единодержавия и в каждом промахе избранных ими стратегов видели сговор с врагами и попытку захвата власти. Поэтому Мильтиад, победитель персов при Маратоне (490 г.), после неудачной осады о-ва Лемнос был присужден к огромному штрафу и умер в тюрьме, не имея средств его выплатить. Поэтому Фемистокл, вдохновитель Саламинского сражения (480 г.), должен был бежать из Афин, затравленный политическими противниками за то, что он раньше других понял опасность, исходящую для Афин от вечно соперничавшей с ними Спарты. Поэтому Кимон, один из организаторов Морского союза, был приговорен к изгнанию после неудавшейся попытки оказать помощь тем же самым спартамцам в войне против восставших илотов. Наконец, и Перикл явно заслуживал лучшей участи, чем смерть в полном одиночестве через два года после начала Пелопоннесской войны.

Судьба этих людей не могла не ставить перед вдумчивым наблюдателем вопроса о том, как вообще соотносятся народовластие и талант выдающегося вождя. Что требуется предводителю народа для создания авторитета и как этот авторитет удержать? Какое место в мире занимает деятельность, основанная на рациональных предпосылках перед лицом непредвидимых поворотов случая? Разрешимы ли эти и многие другие проблемы, пример которых давало прошлое и

настоящее? На эти вопросы по-разному отвечали такие люди из окружения Перикла, как историк Геродот и философ Протагор. Многочисленные попытки определить возможности человеческого разума, установить нормы поведения, обязательные для личности, оказавшейся в центре общественного и нравственного конфликта, найдем мы и в творчестве Софокла.

2

Театральная практика древних афинян существенно отличалась от нашей. В самом конце VI века установился порядок, по которому три соревнующихся между собой драматурга представляли для показа на празднике Великих Дионисий (конец марта — начало апреля) по четыре пьесы каждый: три трагедии и одну сатирическую драму. Если Софокл выступал перед афинянами тридцать раз, это значит, что за свою жизнь он написал не менее девяноста трагедий (названия и отрывки разной величины сохранились почти от всех), — но дошли до нас полностью всего лишь семь. Время их создания подтверждается документально только для двух, относящихся к последним годам жизни поэта: в 409 году был показан «Филоклет», а «Эдипа в Колоне», написанного незадолго до кончины Софокла, поставил его внук уже посмертно, в 401 году. «Антигону», судя по воспроизведенному выше преданию, надо отнести к концу 40-х годов. О датировке остальных трагедий исследователи спорят, руководствуясь различными внешними и внутренними критериями. При всем том, если откинуть не всегда обоснованные крайности, получится следующая картина: «Аякс», «Антигона», «Трахинянки» составят триаду наиболее ранних из дошедших трагедий Софокла (от середины 50-х до середины 30-х годов); «Электра», «Филоклет», «Эдип в Колоне» — тоже триаду, но относимую примерно к последнему десятилетию его жизни. Посередине окажется «Царь Эдип», чье создание вернее всего датировать первой половиной 20-х годов. Это распределение трагедий Софокла во времени, обязанное своим происхождением в достаточной степени случаю, находит тем не менее подкрепление как в характере конфликтов, составляющих суть каждой трагедии, так и в изображении действующих лиц, — две эти важнейшие

черты трагического искусства совершают определённую эволюцию на протяжении доступных нам десятилетий творческого пути Софокла¹.

3

«Аякс» — самая «гомеровская» трагедия Софокла: подобно «Илиаде», троянский поход рассматривается в нем как возможность приложения богатырских сил для десятков легендарных героев, среди которых Аяксу бесспорно принадлежало второе место после Ахилла. Никакие патриотические цели этих вождей не объединяли; никого из них, кроме Менелая, Парис не задел похищением Елены. На войну под Трою они пошли не как подневольные данники верховного вождя ахейской рати Агамемнона, а как его добровольные союзники, подчиняющиеся только кодексу рыцарской чести: уклонение от похода могло быть расценено их общественным окружением как непростительное малодушие, недостойное благородного героя. Но то же чувство долга, которое привело их под Трою, вызывает к беспощадной мести, если честь героя оскорблена каким-нибудь неподобающим поступком.

Именно в таком положении оказался Аякс, когда доспехи погибшего Ахилла были присуждены не ему, а Одиссею, и потому лишены всякого смысла упреки по адресу Аякса в измене союзникам и даже дезертирстве, — побуждение расплатиться с Агамемноном, Менелаем, а заодно и с Одиссеем, лежит вполне в русле не только гомеровской этики, но и нравственных представлений современников Софокла: все они сходились на том, что нет ничего более естественного для человека, чем желание помогать друзьям и вредить врагам. Трагедия Аякса состоит отнюдь не в том, что, очнувшись от наваждения, он осознал себя отступником от патриотического долга: если бы его месть удалась, он мог бы стать для потомков образцом крайней степени этого чувства, но отнюдь не предметом порицания и тем более осмея-

¹ В переводах на новые языки трагедии Софокла располагают обычно по сюжетному, а не по хронологическому принципу: сначала идут три трагедии, посвященные Эдипу и его дочери Антигоне, затем трагедия о кончине Геракла («Трахинянки») и, наконец, три трагедии, относящиеся к событиям Троянской войны и ее последствиям.

ния. Вечное бесславие Аякс навлек на себя тем, что месть его — из-за вмешательства Афины — приобрела уродливый, позорный характер: меч, перед которым бежали на поле боя враги, он обрушил на стада и беззащитных пастухов.

Как передавали древние, Софокл, по его собственному признанию, изображал людей такими, «какими они должны быть», — благородный герой, несомненно, должен обладать повышенным чувством собственного достоинства и уметь его оберегать любым путем, но также должен уметь осудить сам себя, если вольно или невольно уронил себя в собственном мнении. «Жить прекрасно или вовсе не жить» — таков девиз благородной природы, которому следует Аякс, бросаясь на меч. Нормативность его образа («каким должен быть»), естественно, не в нелепом убийстве скота, а в исполнении долга перед самим собой.

Последняя треть «Аякса» составляет как бы идейную подготовку конфликта «Антигоны»: имеет ли право благородный вождь на погребение, если запятнал свой последний день позорным деянием? Устами Одиссея Софокл дает на этот вопрос однозначный ответ: за последним жизненным пределом вражда должна отступить. Впрочем, если в «Аяксе» Атриды мотивировали свой запрет хоронить героя тем, что он покусился на их жизнь, то в «Антигоне» доводы Креонта как будто бы гораздо серьезнее: Полиник повел вражеское войско на родной город, угрожая ему разорением и гибелью своих соотечественников. Креонт, запрещающий хоронить Полиника, действует, по-видимому, от лица государства, осуждающего тем самым изменника. В свою очередь, Антигона, пренебрегающая этим запретом, исполняет свой родственный долг, приводящий ее к губительному столкновению с государством. Так толковал конфликт в «Антигоне» Гегель, так повторяют уже больше полутора веков его толкование многие более поздние интерпретаторы.

Между тем объективное исследование текста Софокла вместе с учетом конкретно-исторических обстоятельств его времени не позволяет принять гегелевский тезис. Прежде всего, ошибочным является отождествление воли Креонта с законом государства: и сам Креонт, и другие персонажи характеризуют запрет хоронить Полиника как указ, изданный по определенному случаю и отнюдь не наделенный силой закона, которому гре-

ки приписывали непреходящее значение. К тому же Креонт, в чьем поведении все больше проступают черты тирана, пренебрегающего народным мнением, своим указом нарушает естественный и поэтому, с точки зрения древних греков, божественный порядок вещей, согласно которому умерший принадлежит владыке подземного царства и оставить его непогребенным — значит лишить Аид причитающейся ему доли. Еще более противозаконным является приговор Креонта, обрекающего на преждевременную смерть Антигону — юное создание, не выполнившее своего жизненного назначения быть женой и матерью. Наконец, брошенный на растерзание псам и хищным птицам труп Полиника грозит осквернением городским святыням, на которые птицы заносят растерзанные клочья мертвой плоти. Всего этого было бы достаточно, чтобы признать запрет хоронить Полиника противоречащим всем нормам общественной морали и оскорбляющим родственные чувства его близких. Когда Креонт, сломленный грозными прорицаниями Тиресия, отправляется предать земле изуродованные останки мертвеца, он тем самым признает несостоятельность своей позиции, а следующая затем двойная смерть — Гемона и Евридики — делают заблуждение Креонта трагически необратимым.

Добавим к этому, что противопоставление семьи государству в Афинах V века было бы лишено всякого смысла, так как в те времена между двумя этими формами общественных связей существовала еще очень тесная взаимозависимость: государство брало на себя заботу о сиротах и девушках-бесприданницах, а на должность стратега мог быть выбран только человек с достатком, имевший детей от законной жены. Считалось, что гражданин, умеющий заботиться о благе семьи, приложит все силы, чтобы обеспечить процветание государства. Наконец, ни одно греческое государство не мешало родным хоронить своего мужа, отца, брата; даже если речь шла о предателе, который был недостоин покоиться в родной земле, тело его отдавали родственникам для погребения за пределами отчины.

В чем же тогда причина гибели Антигоны, если на ее стороне и божественная и человеческая правда? Афинская демократия, высвободившая огромный интеллектуальный потенциал человека, могла существовать как некое целое только до той поры,

пока эти возможности имели своей целью ее укрепление. Достаточно было индивидуальности почувствовать на себе сковывающее воздействие традиционных религиозных установлений, как единство общего и личного оказывалось под угрозой. Гипертрофированное самоопределение личности, ее стремление противопоставить себя существующим родственным связям, исконным нравственным нормам грозило афинской демократии внутренним распадом — и десятилетия Пелопоннесской войны показали, сколь недолговечным было то равновесие между личным и общественным, которое породило грандиозный взлет Афин в эпоху Перикла. Время создания «Антигоны» было отделено от этих десятилетий еще сравнительно длительным периодом, и признаки назревающего кризиса могли быть восприняты скорее интуицией пронизательного художника, чем аналитическим умом философа. Софокл был таким художником, и он сумел разглядеть, какое глубочайшее противоречие таится под внешним величием афинской демократии, какую опасность для ее существования таят развязанные ею самой силы. Преувеличенное представление о своих возможностях влечет к гибели Креонта, но и самоосознание себя как личности делает Антигону способной на героическое самопожертвование ради спасения тех нравственных устоев, на которых покоится ее жизнь и жизнь каждой афинской семьи. Для того чтобы противостоять самовластию Креонта, нужна героическая индивидуальность, и ее воспитание — такая же великая заслуга афинской демократии, в то время как другое ее неизбежное следствие — индивидуализм, присваивающий себе право говорить от лица государства. Не семейное начало сталкивается в «Антигоне» с государственным, а два типа отношения индивидуума к породившему его целому: стремление подчинить его себе и стремление служить ему до конца. Моральная победа принадлежит Антигоне как личности, не мыслящей себя в отрыве от коллектива, но то одиночество, которое создается в трагедии вокруг ее главной героини, показывает, какую силу ей приходится преодолевать и какой ценой достигается победа.

«Трахинянки», последняя из трагедий, входящих в триаду «ранних» созданий Софокла, по глубине осмысления мира и роли личности в нем как будто бы уступает двум предыдущим. Поверхностный взгляд может разглядеть в ней не больше, чем драму ревности, в огне которой сгорает и сама ревнивица, — что-

то вроде античного варианта «Царской невесты». Между тем такой подход будет глубоко неверен хотя бы потому, что не учитывает специфики семейных отношений древних афинян. В обществе, где браки заключались за детей родителями, меньше всего приходилось ожидать духовной общности между супругами, а затворничество жен только способствовало многочисленным увлечениям мужей на стороне. Софокловская Деянира, признаваясь в своей терпимости к частым связям Геракла, излагает, в сущности, семейное кредо афинянок, — они смирялись с этим не потому, что им это нравилось, а потому, что они были бессильны что-нибудь здесь изменить. Едва ли, впрочем, рядовые афинские жены относились с таким сочувствием к своим соперницам, как Деянира к Иоле, в которой она справедливо видит жертву страсти Геракла, а отнюдь не коварную разлучницу. Да и самому Гераклу Деянира вовсе не собирается мстить; она всего лишь хочет вернуть себе его любовь — желание, которое и в наше время едва ли кто-нибудь сочтет преступным.

Причина трагедии Деяниры — и вслед за ней Геракла — не в ее ревности, а в ограниченности ее и его знания.

Так, Деянире известно прорицание, согласно которому Геракл, вернувшись по истечении назначенного срока домой, найдет здесь отдых от трудов. Конечно, она надеется, что это будет заслуженный им покой в кругу семьи, и в давнем совете кентавра видит средство приблизить столь долго ожидаемый отдых, — мысль о том, что кентавр, насмерть раненный стрелой Геракла, не мог желать ему добра, приходит к ней с роковым опозданием. Известно это прорицание и Гераклу, и он возвращается домой в надежде на отдых, — откуда ему догадаться, что страсть к Иоле станет для него и в самом деле причиной вечного покоя — смерти? Таким образом, божественные прорицания не лгут — только они основаны на более глубоком знании, чем то, которое доступно смертным. Если уж искать ключевое слово, чтобы обозначить заложенную в «Трахинянках» мысль, то этим словом будет заблуждение, составляющее удел людей перед лицом всеведущих богов. За действиями смертных скрывается некая непостижимая воля, которая реализуется, однако, без всякого вмешательства божества, в результате совершенно самостоятельной и субъективно обоснованной деятельности смертных. Установив этот важный момент в миро-

пока эти возможности имели своей целью ее укрепление. Достаточно было индивидуальности почувствовать на себе сковывающее воздействие традиционных религиозных установлений, как единство общего и личного оказывалось под угрозой. Гипертрофированное самоопределение личности, ее стремление противопоставить себя существующим родственным связям, исконным нравственным нормам грозило афинской демократии внутренним распадом — и десятилетия Пелопоннесской войны показали, сколь недолговечным было то равновесие между личным и общественным, которое породило грандиозный взлет Афин в эпоху Перикла. Время создания «Антигоны» было отделено от этих десятилетий еще сравнительно длительным периодом, и признаки назревающего кризиса могли быть восприняты скорее интуицией пронизательного художника, чем аналитическим умом философа. Софокл был таким художником, и он сумел разглядеть, какое глубочайшее противоречие таится под внешним величием афинской демократии, какую опасность для ее существования таят развязанные ею самой силы. Преувеличенное представление о своих возможностях влечет к гибели Креонта, но и самоосознание себя как личности делает Антигону способной на героическое самопожертвование ради спасения тех нравственных устоев, на которых покоится ее жизнь и жизнь каждой афинской семьи. Для того чтобы противостоять самовластию Креонта, нужна героическая индивидуальность, и ее воспитание — такая же великая заслуга афинской демократии, в то время как другое ее неизбежное следствие — индивидуализм, присваивающий себе право говорить от лица государства. Не семейное начало сталкивается в «Антигоне» с государственным, а два типа отношения индивидуума к породившему его целому: стремление подчинить его себе и стремление служить ему до конца. Моральная победа принадлежит Антигоне как личности, не мыслящей себя в отрыве от коллектива, но то одиночество, которое создается в трагедии вокруг ее главной героини, показывает, какую силу ей приходится преодолевать и какой ценой достигается победа.

«Трахинянки», последняя из трагедий, входящих в триаду «ранних» созданий Софокла, по глубине осмысления мира и роли личности в нем как будто бы уступает двум предыдущим. Поверхностный взгляд может разглядеть в ней не больше, чем драму ревности, в огне которой сгорает и сама ревнивица, — что-

то вроде античного варианта «Царской невесты». Между тем такой подход будет глубоко неверен хотя бы потому, что не учитывает специфики семейных отношений древних афинян. В обществе, где браки заключались за детей родителями, меньше всего приходилось ожидать духовной общности между супругами, а затворничество жен только способствовало многочисленным увлечениям мужей на стороне. Софокловская Деянира, признаваясь в своей терпимости к частым связям Геракла, излагает, в сущности, семейное кредо афинянок, — они смирялись с этим не потому, что им это нравилось, а потому, что они были бессильны что-нибудь здесь изменить. Едва ли, впрочем, рядовые афинские жены относились с таким сочувствием к своим соперницам, как Деянира к Иоле, в которой она справедливо видит жертву страсти Геракла, а отнюдь не коварную разлучницу. Да и самому Гераклу Деянира вовсе не собирается мстить; она всего лишь хочет вернуть себе его любовь — желание, которое и в наше время едва ли кто-нибудь сочтет преступным.

Причина трагедии Деяниры — и вслед за ней Геракла — не в ее ревности, а в ограниченности ее и его знания.

Так, Деянире известно прорицание, согласно которому Геракл, вернувшись по истечении назначенного срока домой, найдет здесь отдых от трудов. Конечно, она надеется, что это будет заслуженный им покой в кругу семьи, и в давнем совете кентавра видит средство приблизить столь долго ожидаемый отдых, — мысль о том, что кентавр, насмерть раненный стрелой Геракла, не мог желать ему добра, приходит к ней с роковым опозданием. Известно это прорицание и Гераклу, и он возвращается домой в надежде на отдых, — откуда ему догадаться, что страсть к Иоле станет для него и в самом деле причиной вечного покоя — смерти? Таким образом, божественные прорицания не лгут — только они основаны на более глубоком знании, чем то, которое доступно смертным. Если уж искать ключевое слово, чтобы обозначить заложенную в «Трахинянках» мысль, то этим словом будет заблуждение, составляющее удел людей перед лицом всеведущих богов. За действиями смертных скрывается некая непостижимая воля, которая реализуется, однако, без всякого вмешательства божества, в результате совершенно самостоятельной и субъективно обоснованной деятельности смертных. Установив этот важный момент в миро-

воззрении Софокла, перейдем к вершине его творчества, трагедии «по преимуществу», как называл ее Аристотель,— к «Царю Эдипу».

4

Традиционное толкование «Царя Эдипа» чаще всего связывает эту трагедию с представлением о власти рока, якобы присущим всей классической древности. Между тем все неумолимые совпадения, в которых современный читатель привык видеть действия рока, в огромной степени являются нововведением в миф, принадлежащим самому Софоклу.

Миф о Эдипе в древнейшей его форме знал о долгой бездетности Лая и о предсказании, полученном им в Дельфах: Аполлон исполнит его просьбу, но родившийся сын станет убийцей отца. Соответственно, новорожденного младенца фиванский царь велел бросить в пустынном месте на горе Киферон и считал, что этим он себя вполне обезопасил. По истечении примерно двадцати лет выросший на чужбине Эдип встретился с неведомым ему отцом и убил его в дорожной ссоре, после чего попал в Фивы, освободил их от чудовищной полуженщины-полульвицы Сфинкс и получил в жены овдовевшую царицу. При этом сам он ни о каких грозящих ему бедствиях предуведомлен не был и не мог опасаться от всего происшедшего никаких дурных последствий. Поэтому если бы Софокл хотел продемонстрировать всевластие рока, он должен был бы приурочить действие трагедии как раз к тому времени, когда произошло убийство Лая и женитьба Эдипа на Иокасте.

Но в «Царе Эдипе» дело обстоит совсем иначе: действие в нем происходит примерно через двадцать лет после описанных выше событий. Эдип уже давно женат на Иокасте, имеет от нее двух сыновей и двух дочерей и пользуется славой идеального царя, радеющего о своих подданных как отец о детях.

Именно в этой ситуации ему предстоит невольно разоблачить тайну всей его жизни, и, чтобы это стало возможным, Софокл должен был построить драматическую интригу, продумать в ней все до последнего шага. Это у Софокла его Эдип услышал от пьяного коринфянина правду о том, что он подкидыш, и за

ответом на свои недоумения отправился в Дельфы, где он узнал, что ему суждено. Поэтому, позабыв все сомнения о своем происхождении, он решил не возвращаться в Коринф, а побрел куда глаза глядят и на этом пути встретил Лая. Это у Софокла Фивы постигает моровая язва и Эдип посылает Креонта в Дельфы за советом, как от нее избавиться. Это у Софокла Эдип в поисках убийцы Лая обращается к Тиресию, слышит от него горькую правду о себе и, чтобы развеять все недоумения, просит Иокасту рассказать об обстоятельствах гибели старого царя. Здесь выясняется необходимость вызвать единственного уцелевшего свидетеля, который, по замыслу Софокла, оказывается тем самым пастухом, кому было поручено бросить младенца на растерзание диким зверям и кто этот приказ нарушил. Наконец, опять же только у Софокла, гонец, присланный звать Эдипа на царский престол в Коринф, оказывается в свою очередь тем пастухом, который лет сорок назад принял из рук фиванского раба обреченного на гибель младенца и поэтому один только знает, кем ему в действительности приходились коринфские царь с царицей. Стоило прийти за Эдипом кому-нибудь другому, как правда так бы и не раскрылась, Иокаста не повесилась и Эдип не ослепил себя. Таким образом, все разоблачения в трагедии об Эдипе построены исключительно Софоклом, ведущим своего героя через все ступени дознания к раскрытию его истинной человеческой сущности.

Выслушав рассказ Иокасты, Эдип сам начинает подозревать в себе убийцу Лая, сам велит вызвать свидетеля давнего дорожного происшествия, сам, невзирая на уговоры уже все понявшей царицы, устраивает очную ставку коринфского вестника с фиванским старцем. Сам, не внимая просьбам своего спасителя, заставляет его поведать страшную тайну до конца. Все эти шаги Эдипа, несомненно, разумны, если он хочет узнать правду о своем происхождении. Все они свидетельствуют о его неуклонном стремлении — вопреки всем препятствиям — к истине в последней инстанции. Если все действия Эдипа приводят его совсем к иному исходу, то не потому, что так предопределено роком, а потому, что ограниченное человеческое знание подчиняется другим законам, чем божественное всеведение, заранее видящее все пути и перекрестки человеческих жизней. Придя к концу своего расследования, Эдип восклицает: «Увы, все стало ясно!» Его трагедия — трагедия знания, а не трагедия рока.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Когда невольные преступления Эдипа раскрылись, он обвиняет в них некий таинственный рок, а себя самого, называя себя не просто несчастным, а негодным и нечестивым. Современному читателю все это покажется странным: разве можно винить человека в преступлениях, совершенных по неведению? Между тем древние греки еще с гомеровских времен привыкли судить действия героев не по их субъективным намерениям, а по объективному результату, и с этой точки зрения поступки Эдипа, несомненно, являются тягчайшей виной перед вечными нравственными устами. Именно поэтому она не может остаться нераскрытой — мир вышел бы из колеи, если бы отцеубийца и сын, сожительствовавший с матерью, не понес кары. Но для софокловского Человека показательно, что он не снимает с себя вины, а вершит наказание сам над собой. Так поступали Деянира и Аякс, так поступает и Эдип, и эта объективная ответственность при субъективной невинности снова позволяет говорить о нормативности его образа, которая состоит, разумеется, не в его преступлениях, а в решимости отвечать за них перед богами и людьми.

Среди сохранившихся трагедий Софокла «Царь Эдип» находится как бы на водоразделе. В предшествующих драмах их последняя треть проходит без участия главных героев, хотя эта часть и демонстрирует результат их деятельности. В «Царе Эдипе» центральный герой находится перед зрителем буквально от первого до последнего стиха, и все развитие действия определяется его взаимоотношениями с другими персонажами. Этот интерес к поведению отдельной личности, к ее размышлениям и страданиям остается характерным для Софокла и в трех последних его трагедиях.

5

Как это ни парадоксально по отношению к поэту такой трагической силы, как Софокл, «Электра» и «Эдип в Колоне», по существу, беспроблемны. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить первую с «Хоэфорами» Эсхила и «Электрой» Еврипида, вторую — с софокловским же «Царем Эдипом».

У Эсхила неизбежность убийства собственной матери становится ясной Оресту только в результате длительного раздумья, проходящего под неустанным давлением со стороны Электры и хора, и сам этот акт является новым звеном в ряду противоречий, составляющих содержание «Орестей». У Еврипида с матереубийства снят всякий ореол героического деяния, и брат с сестрой чувствуют себя после его совершения подавленными и разбитыми. У Софокла Орест не испытывает ни малейшего колебания в осуществлении мести, ни малейшего сомнения в ее справедливости; соответственно он выступает не более чем исполнителем божественного приказа и озабочен только подготовкой к его беспрепятственному осуществлению. Трагическим же героем становится Электра — но совсем в ином смысле, чем Деянира или Эдип.

В отличие от них Электра не должна верить свои намерения законами мирового разума, — она абсолютно убеждена в правоте своей ненависти к убийцам ее отца, и Софокл разделяет с ней это убеждение. Трагизм Электры в другом — в понимании своего бессилия исполнить месть, в осознании одиночества перед лицом возникшей задачи взять долг мести на себя, наконец, в беспредельном горе при известии о смерти Ореста и при виде урны с его прахом, лишаящей Электру надежды на появление избавителя. В своем гневе и отчаянье Электра проходит три стадии, которые отмечены возрастающими по накалу диалогами с тремя последовательно сопоставленными с ней персонажами: Клитемнестрой, Хрисофемидой, неузнанным Орестом. Стоит, однако, открыться тайне, призванной притупить бдительность виновных, как все трагическое напряжение спадает: теперь главное для Электры в том, чтобы облегчить Оресту исполнение его плана.

Электра предстает перед нами в известном смысле тоже человеком, «каким он должен быть», — неуклонным и в следовании поставленной перед собой цели, неутомимым в решении возникшей перед ним нравственной задачи. Но эта нормативность героя раскрывается не в столкновении с непознанными мировыми силами, а в однолинейном продвижении к конечному результату, лишенному всякой противоречивости.

Аналогичным образом и Эдип, пришедший искать свое последнее успокоение в Колоне, только в одном похож на Эдипа,

изображенного Софоклом за два десятилетия до этого, — в необузданном темпераменте, с которым он спорит с Креонтом и проклинает Полиника. В остальном этот Эдип выступает не как лицо, совершившее в прошлом ужасные деяния, а как человек, пострадавший от стечения обстоятельств без всякой в том его вины. Монолог Эдипа перед Креонтом — это полное опровержение проблемы объективной ответственности при субъективной невинности, которая придавала такое нравственное величие царю Эдипу. Разумеется, и в этой трагедии на долю изгнанного из Фив Эдипа выпадают свои испытания: страх перед колонскими гражданами, готовыми изгнать святотатца из заповедной рощи, и страх за дочерей, захваченных Креонтом. Но как только Тесей гарантирует неприкосновенность Эдипа, а затем освобождает из плена его дочерей, слепому страннику остается только ожидать просветленной кончины, которая обеспечит вечную милость богов приютившим его афинянам.

6

Не следует, впрочем, думать, что в последние годы жизни Софокл не замечал противоречий в окружающей его жизни. Однако десятилетия Пелопоннесской войны, разорительной для Афин и губительной для нравственного облика афинян, лишили престарелого поэта той веры в абсолютный нравственный идеал человека, который руководил им при создании «Аякса», «Трахинянок», «Царя Эдипа». Решение Аякса и Деяниры уйти из жизни не опровергает их врожденного благородства, а только подтверждает его значение для героической личности. Для Эдипа не существует противоречия между прагматической стороной его поведения и нравственным долгом: толчком к развитию действия служит забота царя о благополучии его подданных, и это является, в конечном счете, поводом для раскрытия благородной природы героя. Иначе складываются отношения между врожденным благородством и практической целью человеческого поведения в «Филоклетте».

Эта трагедия — единственная из уцелевших, в которой трудно выделить одного главного героя: для волнующей Софок-

ла проблемы одинаково важны и Филоктет и Неоптолем. Можно сказать, что между двумя героями как бы поделен характер Аякса. Филоктет унаследовал от него героическую непреклонность, проявлять которую еще труднее больному человеку, измученному десятилетними страданиями и одиночеством. Тем не менее даже надежда на исцеление, обещанное ему под Троей, не способна примирить Филоктета с предавшими его Атридами и Одиссеем: для него лучше умереть в мучениях, чем оказать помощь своим заклятым врагам. Неоптолема роднит с Аяксом верность своей благородной природе: сын прямодушного Ахилла может под давлением со стороны временно изменить самому себе, но его нрав все равно возьмет верх над привходящими обстоятельствами; лучше вернуть Филоктету захваченный притворством лук — залог падения Трои, чем запятнать себя позорной ложью. Правда для Неоптолема оказывается не на стороне прагматически мыслящего Одиссея, а на стороне благородного Филоктета, даже если его непреклонность лишает юношу возможности завоевать вечную славу под Троей.

Где было искать выход из этого конфликта между общественной пользой, какой для всего греческого войска предстала захват Трои, и высокой нравственностью и честностью, какие являл своим поведением Неоптолем? Софокл этого не знал. Вот почему в «Филоктете» он прибегает к приему, заимствованному из арсенала драматических средств Еврипида и призванному не столько разрешать противоречия, сколько рубить туго сплетенные узлы, — к появлению «бога с машины» (*deus ex machina*), который лучше простых смертных знает предначертания судьбы. Выступающий в «Филоктете» в роли такого избавителя обожествленный Геракл предписывает своему старому другу отправиться под Трою, чтобы содействовать ее захвату с помощью того самого лука, который он сам некогда держал в руках в битве на троянской равнине. С богами спорить не приходится, — так Софоклу с помощью Геракла удается сломить непреклонность Филоктета, не посягая на честь Неоптолема, но едва ли кто-нибудь возьмется утверждать, что этим найдено истинное разрешение нравственного конфликта.

Из всего сказанного легко уяснить принципы изображения человека у Софокла и их отличие от способов построения характера в новой литературе. Характера в современном смысле слова как совокупности индивидуальных, неповторимых черт внутреннего и внешнего облика персонажа классическая трагедия древних греков не знала. Препятствием для обрисовки индивидуальной наружности служила маска, которую носил в трагедии актер, но ее употребление диктовалось отнюдь не одними техническими возможностями античного театра, — в конце концов, не составляло труда изготовить для актера, выступавшего в комедии в роли Сократа, маску, идеально напоминавшую реальный прототип. Маска и костюм трагического персонажа заранее предопределяли для зрителя общественное положение героя и необходимую для него сумму качеств, — например, знатность и достоинства царя, мудрость и многоопытность старца, скромность и стыдливость девушки. Тем не менее внутреннее содержание образа было всегда богаче постоянной маски, и, даже не выходя за пределы софокловского театра, ни один зритель не спутал бы Антигону с Исменой, Электру — с Хрисофемидой, Тесея — с Креонтом.

Главным средством индивидуализации персонажа в античном понимании этого слова служила уникальность ситуации, в которую его ставил драматург. Исмена и Хрисофемиды лишены индивидуальности, поскольку они соответствуют типическому образу девушки, — она знает свое место в обществе, не посягает на равное право с мужчиной, сознает свое бессилие перед властью имущими. Иначе обстоит дело с Антигоной или Электрой. Каждая сестра должна оплакивать погибшего брата и каждая дочь — отца, но отнюдь не каждая возьмет на себя груз сопротивления могущественному царю вплоть до нарушения ценной жизни его запрета, отнюдь не каждая решится открыто выразить перед матерью-мужеубийцей свою ненависть к ней и ожидание мстителя. Точно так же для каждой женщины позволительно стремиться к тому, чтобы вернуть себе любовь охладевшего супруга, но не каждая в качестве приворотного зелья употребит по неведению смертельный яд.

Соответственно каждый царь должен прилагать все старания для избавления своего народа от моровой язвы, но совсем не

обязательно, чтобы этот царь оказался тем преступником, которого сам он только что проклял и отлучил от домашнего очага. Каждый герой, преданный нормам рыцарской чести, имеет право на месть оскорбителям, но не всякий при этом должен в ослеплении разума наброситься на стада бессловесного скота и тем самым покрыть себя вечным позором. Индивидуальность софокловских персонажей — Антигоны, Электры, Деяниры, Эдипа, Аякса — создается не различным набором психологически неповторимых (и, может быть, даже несовместимых) свойств, а необычностью, неординарностью ситуации, в которую они оказываются вовлеченными. Иногда эта ситуация задается мифом (в случае с Аяксом и Деянирой), иногда она создается самим драматургом (так обстоит дело с Антигоной и Эдипом), — результат всегда одинаков: появление законченного, завершенного в своих мыслях и действиях, героя.

Другой способ индивидуализации — сопоставление двух типов организации речи. Конечно, этот стилистический прием лучше всего прослеживается в оригинале, но и в переводе читатель заметит, как обширным, построенным из законченных закругленных периодов речам Креонта противостоят краткие, импульсивные фразы Антигоны, как волнение Эдипа прорывается в безостановочном, на целый монолог, потоке мысли или в непрерывной веренице вопросов — и по существу, и риторических.

8

Самая непонятная для современного читателя часть древнегреческой трагедии — партии хора. Неоклассицистская и романтическая эстетика первой половины XIX века считала хор то «гласом народа», то идеальным зрителем, призванным судить действующих лиц трагедии. Однако неподвятый анализ роли хора у Софокла не подтверждает этих характеристик. В тех случаях, когда хор состоит из людей, близких к герою по полу или по жизненным обстоятельствам (женщины в «Трахинянках», саламинские воины в «Аяксе»), они чаще всего проникнуты сочувствием к главному персонажу, одобряют его в принятии важного решения, стараются удержать от крайнего шага. Но и тогда, ког-

да хор не имеет с героем особых точек соприкосновения (фиванские старцы в «Антигоне», селяне из Колона во втором «Эдипе»), он очень далек от того, чтобы безапелляционно осуждать его. Как правило, хор уступает герою по своему нравственному уровню: составляющие его женщины, или воины, или городские старейшины не способны на ту трагическую непримиримость, самопожертвование или самоосуждение, которые составляют сущность героической личности у Софокла.

Даже самые значительные по содержанию хоровые песни в его трагедиях, нередко оцениваемые изолированно от их места в драме, предстают далеко не столь однозначными, если постараться понять их в общем контексте произведения. Так, знаменитый 1-й стасим «Антигоны» является, конечно, торжествующей песнью во славу цивилизации и достижений человеческого рода. Но нельзя забывать, что перевод его первого стиха («Много есть чудес на свете» — в переводе С. Шервинского) очень далек от истинного смысла: прилагательное *deinós*, которое переведено как «чудеса», на самом деле обозначает нечто «вызывающее удивление, смешанное со страхом», и это значение раскрывается в заключении стасима: все зависит от того, подчиняет ли человек свое поведение вечным божественным законам; если нет, то его гордое самосознание может стать источником бед, как это и выяснится в конце трагедии на примере Креонта.

Другой случай — 2-й стасим из «Царя Эдипа». Не одно поколение филологов пыталось понять, кого из действующих лиц хор укоряет в «гордыне, порождающей тиранию», — называли Иокасту, называли самого Эдипа и в любом случае считали, что этот стасим отражает мысли самого богобоязненного Софокла. Между тем здесь партия хора, не обращенная ни к кому конкретно, служит усилению беспокойства и страха, все больше овладевающих фиванскими старцами: если окажется, что Эдип убил Лая, это будет означать, что царь, спасший Фивы и высоко ценимый гражданами, оскверняет своим присутствием родную землю убитого и тем самым нарушает «законы, рожденные в небесном эфире». С другой стороны, если подтвердится вина Эдипа, этим будет доказана лживость оракула, исходившего от святилища Аполлона и предвещавшего Лаю смерть от рук сына, — где же искать правду? Смятение хора как нельзя кстати в

той тревожной атмосфере, которая все более сгущается вокруг Эдипа.

Таким образом, каждая партия хора нуждается в конкретном анализе, определяющем ее место в драматургической структуре целого, и тогда выясняется, что этот коллективный персонаж — не более чем одно из действующих лиц, часто очень тесно связанное с судьбой главных героев и поэтому отнюдь не претендующее на возведение непреложной и отвлеченной истины.

9

Почти два с половиной тысячелетия прошло с тех пор, как умолк голос Софокла, а вместе с ним — голос всей древнегреческой трагедии в лице ее самых великих поэтов. За это время на земле Европы из конца в конец перемещались племена и народы, сменялись общественные уклады и эпохи культурного развития, — восприятие Софокла на протяжении веков не могло оставаться вечным и неизменным. Только за последние десятилетия было высказано немало разноречивых, а часто взаимоисключающих взглядов на творчество древнего поэта. Софокл — певец расцвета афинской демократии и Софокл — пессимист, голос человеческого страдания. Софокл — создатель образов гордых, мятежных людей, прекрасных в подвиге и великих в падении и Софокл — богобоязненный консерватор, озабоченный сохранением традиционной веры. Софокл — автор на редкость завершенных, гармонических в своей структуре трагедий и Софокл — мастер отдельных эпизодов, великолепно фиксирующих один момент в жизни его героев, но не соединяющихся в законченное целое. В каждой из этих точек зрения очевидны крайности, вызванные стремлением дать однозначную оценку явлению, не укладывающемуся в строго очерченные границы.

Софокл творил в годы великого общественного подъема, но он чувствовал непрочность и непродолжительность наступившего расцвета. Софокл восхищался порождением этой эпохи духовного подъема — самостоятельным в своих решениях, берущим на себя полную меру ответственности человеком, но он видел неизбежную ограниченность его возможностей перед лицом не-

постижимых объективных законов мироздания. Это противоречие, в той или иной мере, свойственно любой эпохе. Тем не менее ценой усилий и жертв человечество каждый раз продвигается вперед, и в этом непрестанном движении оно нуждается в союзниках из близкого и далекого прошлого. Такого союзника в утверждении личности, бросающей вызов непознанному, познающей себя в деянии и борьбе, находит человечество в афинском драматурге Софокле, и в этом — непреходящая ценность его творческого наследия.

В. Яrho

ТРАГДИИ

ЦАРЬ ЭДИП

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип.

Жрец.

Креонт.

Хор фиванских старейшин.

Тиресий.

Иокаста.

Вестник.

Пастух Лая.

Домочадец Эдипа.

ПРОЛОГ

Э д и п

О деда Кадма юные потомки!
Зачем сидите здесь у алтарей,
Держа в руках молитвенные ветви,
В то время как весь город фимиамом
Наполнен, и молениями, и стоном?
И потому, желая самолично
О всем узнать, я к вам сюда пришел,—
Я, названный у вас Эдипом славным.

Скажи мне, старец,— ибо речь вести
10 Тебе за этих юных подобает,—
Что привело вас? Просьба или страх?
С охотой все исполню: бессердечно
Не пожалеть явившихся с мольбой.

Ж р е ц

Властитель края нашего, Эдип!
Ты видишь — мы сидим здесь, стар и млад:
Одни из нас еще не оперились,
Другие годами отягчены —
Жрецы, я — Зевсов жрец, и с нами вместе
Цвет молодежи. А народ, в венках,
20 На торге ждет, у двух святынь Паллады
И у пророческой воли Исмена.

Наш город, сам ты видишь, потрясен
Ужасной бурей и главы не в силах

Из бездны волн кровавых приподнять.
Зачахли в почве молодые всходы,
Зачах и скот; и дети умирают
В утробах матерей. Бог-огненосец —
Смертельный мор — постиг и мучит город.
30 Пустеет Кадмов дом, Анд же мрачный
Опять тоской и воплями богат.
С бессмертными тебя я не равняю,—
Как и они, прибегшие к тебе,—
Но первым человеком в бедах жизни
Считаю и в общении с богами.
Явившись в Фивы, ты избавил нас
От дани той безжалостной вещунье,
Хоть ничего о нас не знал и не был
Никем наставлен; но, ведомый богом,
40 Вернул нам жизнь,— таков всеобщий глас.
О наилучший из мужей, Эдип,
К тебе с мольбой мы ныне прибегаем:
Найди нам оборону, вняв глагол
Божественный иль вопросив людей.
Всем ведомо, что опытных советы
Благой исход способны указать.
О лучший между смертными! Воздвигни
Вновь город свой! И о себе подумай:
За прошлое «спасителем» ты назван.
50 Да не помянем впредь твое правленьё
Тем, что, поднявшись, рухнули мы вновь.
Восстанови свой город,— да стоит он
Неколебим! По знаменью благому
Ты раньше дал нам счастье — дай и ныне!
Коль ты и впредь желаешь краем править,
Так лучше людным, не пустынным правь.
Ведь крепостная башня иль корабль —
Ничто, когда защитники бежали.

Э д и п

Несчастные вы дети! Знаю, знаю,
Что надо вам. Я вижу ясно: все
60 Страдаете. Но ни один из вас
Все ж не страдает так, как я страдаю:

У вас печаль лишь о самих себе,
Не более,— а я душой болею
За город мой, за вас и за себя.
Меня будить не надо, я не сплю.
Но знайте: горьких слез я много пролил,
Дорог немало думой исходил.
Размыслив, я нашел одно лишь средство.
Так поступил я: сына Менекея,
70 Креонта, брата женина, отправил
Я к Фебу, у оракула узнать,
Какой мольбой и службой град спасти.
Пора ему вернуться. Я тревожусь:
Что приключилось? Срок давно истек,
Положенный ему, а он все медлит.
Когда ж вернется, впрямь я буду плох,
Коль не исполню, что велит нам бог.

Жрец

Ко времени сказал ты, царь: как раз
Мне знак дают, что к нам Креонт подходит.

Эдип

80 Царь Аполлон! О, если б воссияла
Нам весть его, как взор его сияет!

Жрец

Он радостен! Иначе б не украсил
Свое чело он плодоносным лавром.

Эдип

Сейчас узнаем. Он расслышит нас.
Властитель! Кровный мой, сын Менекея!
Какой глагол от бога нам несешь?

Креонт

Благой! Поверьте: коль указан выход,
Беда любая может благом стать.

Эдип

90 Какая ж весть? Пока от слов твоих
Не чувствую ни бодрости, ни страха.

Креонт

Ты выслушать меня при них желаешь?
Могу сказать... могу и в дом войти...

Эдип

Нет, говори при всех: о них печалюсь
Сильнее, чем о собственной душе.

Креонт

Изволь, открою, что от бога слышал.
Нам Аполлон повелевает ясно:
«Ту скверну, что в земле выросла фиванской,
Изгнать, чтоб ей не стать неисцелимой».

Эдип

Каким же очищем? Чем помочь?

Креонт

100 «Изгнанием иль кровь пролив за кровь,—
Затем, что град отягощен убийством».

Эдип

Но чью же участь разумеет бог?

Креонт

О царь, владел когда-то нашим краем
Лай,— перед тем, как ты стал править в Фивах.

Эдип

Слышал,— но сам не видывал его.

Креонт

Он был убит, и бог повелевает,
Кто б ни были они, отмстить убийцам.

Эдип

Но где они? В каком краю? Где сыщешь
Неясный след давнишнего злодейства?

Креонт

110 В пределах наших, — он сказал: «Прилежный
Найдет его, но не найдет небрежный».

Эдип

Но дома у себя, или на поле,
Или в чужом краю убит был Лай?

Креонт

Он говорил, что бога спросить
Отправился и больше не вернулся.

Эдип

А из тогдашних спутников царя
Никто не даст нам сведений полезных?

Креонт

Убиты. Лишь один, бежавший в страхе,
Пожалуй, нам открыл бы кое-что.

Эдип

120 Но что? Порой и мелочь много скажет.
Когда б лишь край надежды ухватить!

Креонт

Он говорил: разбойники убили
Царя. То было дело многих рук.

Эдип

Но как решились бы на то злодеи,
Когда бы здесь не подкупили их?

Креонт

Пусть так... Но не нашлось в годину бед
Отмстителя убитому царю.

Эдип

Но если царь погиб, какие ж беды
Могли мешать разыскивать убийц?

Креонт

130 Вещунья-сфинкс. Ближайшие заботы
Заставили о розыске забыть.

Эдип

Все дело вновь я разобрать хочу.
К законному о мертвом попеченью
Вернули нас и Аполлон и ты.
Союзника во мне вы обретете:
Я буду мстить за родину и бога.
Я не о ком-нибудь другом забочусь,—
Пятно снимаю с самого себя.
140 Кто б ни был тот убийца, он и мне
Рукою той же мстить, пожалуй, станет.
Чтя память Лая, сам себе служу.
Вставайте же, о дети, со ступеней,
Молитвенные ветви уносите,—
И пусть народ фиванский созовут.
Исполню все: иль счастливы мы будем
По воле божьей, иль вконец падем.

Жрец

О дети, встанем! Мы сошлись сюда
Спросить о том, что царь и сам поведал.
150 Пусть Аполлон, пославший нам вещанье,
Нас защитит и уничтожит мор.

Уходят.

ПАРОД

Хор

СТРОФА I

Сладкий Зевса глагол! От золотого Пифона
Что приносишь ты ныне
В знаменитые Фивы?
Трепещу, содрогаюсь смущенной душой.
Исцелитель-Делиец!

Вопрошаю почтительно:
Нового ль ждешь ты служения
Иль обновленного прежнего
160 По истечении лет?
О, поведай, бессмертный,
Порожденный златою Надеждой глагол!

АНТИСТРОФА 1

Ныне первой тебя призываю, дочь Зевса,
Афина бессмертная!
И сестру твою, деву
Артемиду, хранящую нашу страну,
Чей на площади главной
Трон стоит достославный,
И Феба, стрелка несравненного!
170 Три отразителя смерти!
Ныне явитесь! Когда-то
Отогнали вы жгучий
Мор, напавший на город! Явитесь же вновь!

СТРОФА 2

Горе! Меры нет напастям!
Наш народ истерзан мором,
А оружия для защиты
Мысль не в силах обрести.
Не возрастают плоды нашей матери Геи,
И не в силах родильницы вытерпеть мук.
180 Посмотри на людей,— как один за другим
Быстрокрылыми птицами мчатся они
Огненосного мора быстрей
На побережья закатного бога.

АНТИСТРОФА 2

Жертв по граду не исчислить.
Несхороненные трупы,
Смерти смрад распространяя,
Неоплаканы лежат.

Жены меж тем с матерями седыми
Молят, припав к алтарям и стенам,
Об избавленье от тягостных бед.
190 Смешаны вопли с пеанами светлыми.
 О золотая дочь Зевса, явись
 Ясноликой защитой молящим!

СТРОФА 3

Смерти пламенного бога,
Что без медного щита
Нас разит под крики бранные,—
Молим: в бегство обрати
Из земли родной и ввергни
 В бездну Амфитриты!
200 Иль умчи к берегам без пристанищ,
Где бушует фракийский прибой,
 Ибо мочи не стало:
 Что ночь закончить не успеет,
 То, встав, заканчивает день.
Ты, держащий в руке мощь пылающих молний,
Зевс-отец, порази его громом своим!

АНТИСТРОФА 3

Ты мечи, о царь Ликейский,
С тетивы, из золота скрученной,
Стрелы тучей на врага!
Да метнет и Артемида
210 Пламена, что в дланях держит,
 Мчась в горах Ликийских!
И его призываем мы — Вакха,
Соименного с нашей землей,
 Со золотою повязкой,
 С хмельным румянцем, окруженного
 Толпой восторженных Менад,—
Чтоб приблизил и он свой сияющий факел,
С нами бога разя, всех презренной богов!

Входит Э д и п.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Э д и п

- 220 Вы молитесь? Отвечу вам: надейтесь,
Себе на пользу речь мою уважив,
Защиту получить и облегченье.
Речь поведу, как человек сторонний
И слухам и событью. Недалеко
Уйду один — нет нитей у меня.
Я стал у вас всех позже гражданином.
К вам ныне обращаюсь, дети Кадма:
Кто знает человека, чьей рукой
Был умерщвлен когда-то Лай, тому
Мне обо всем сказать повелеваю.
- 230 А если кто боится указать
Сам на себя, да знает: не случится
Худого с ним, лишь родину покинет.
А ежели убийца чужестранец
И вам знаком, — скажите. Награжу
Казною вас и окажу вам милость.
Но если даже вы и умолчите,
За друга ли страшась иль за себя, —
Дальнейшую мою узнайте волю:
Приказываю, кто бы ни был он,
- 240 Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить. К молениям и жертвам
Не допускать его, ни к омовеньям, —
Но гнать его из дома, ибо он —
Виновник скверны, поразившей город.
Так Аполлон нам ныне провещал.
И вот теперь я — и поборник бога,
И мститель за умершего царя.
Я проклиная тайного убийцу, —
- 250 Один ли скрылся, много ль было их, —
Презренной жизнью пусть живет презренный!
Клянусь, что если с моего согласия
Как гость он принят в доме у меня,
Пусть первый я подвергнусь наказанью.

Вам надлежит исполнить мой приказ,
Мне угодая, богу и стране,
Бесплодью обреченной гневным небом.
Но если б даже не было вещанья,
Вам очищенье все же подобало б,
260 Затем, что славный муж и царь погиб.

Итак, начните розыски! Поскольку
Я принял Лая царственную власть,
Наследовал и ложе и супругу,
То и детей его — не будь потомством
Он обделен — я мог бы воспитать...
Бездетного его беда настигла.
Так вместо них я за него вступаюсь,
Как за отца, и приложу все силы,
Чтоб отыскать и захватить убийцу
270 Лабдака сына, внука Полидора,
Чей дед был Агенор и Кадм — отец.

Молю богов: ослушнику земля
Да не вернет посева урожаем,
Жена не даст потомства... Да погибнет
В напасти нашей иль в иной и злейшей!
А вам, потомкам Кадма, мой приказ
Одобрившим, поборниками вечно
Да будут боги все и Справедливость.

Х о р

На клятву клятвенно отвечу, царь:
280 Не убивал я Лая и убийцу
Бессилен указать; но в помощь делу
Виновного объявит Аполлон.

Э д и п

Ты судишь верно. Но богов принудить
Никто не в силах против воли их.

Х о р

Скажу другое, лучшее, быть может.

Э д и п

Хотя б и третье,— только говори.

Хор

Тиресий-старец столь же прозорлив,
Как Аполлон державный, — от него
Всего ясней, о царь, узнаешь правду.

Эдип

290 Не медлил я. Совету вняв Креонта,
Я двух гонцов подряд послал за старцем
И удивлен, что долго нет его.

Хор

Но есть еще давнишняя молва...

Эдип

Скажи, какая? Все я должен знать.

Хор

Царя, толкуют, путники убили.

Эдип

Слышал я; хоть свидетеля не видел.

Хор

Но если чувствовать он может страх,
Твоих проклятий грозных он не стерпит.

Эдип

Кто в деле смел, тот не боится слов.

Хор

300 Но вон и тот, кто властен уличить:
Ведут богам любезного провидца,
Который дружен с правдой, как никто.

Входит Тиресий.

Эдип

О зрящий все Тиресий, что доступно
И сокровенно на земле и в небе!
Хоть темен ты, но знаешь про недуг

Столицы нашей. Мы в тебе одном
Заступника в своей напасти чаем.
Ты мог еще от вестников не слышать,—
310 Нам Аполлон вещал, что лишь тогда
Избавимся от пагубного мора,
Когда отыщем мы цареубийцу
И умертвим иль вышлем вон из Фив.
И ныне, вопросив у вещей птиц
Или к иным гаданиям прибегнув,
Спаси себя, меня спаси и Фивы!
Очисти нас, убийством оскверненных.
В твоей мы власти. Помощь подавать
Посильную — прекрасней нет труда.

Т и р е с и й

Увы! Как страшно знать, когда от знанья
320 Нет пользы нам! О том я крепко помнил,
Да вот — забыл... Иначе не пришел бы.

Э д и п

Но что случилось? Чем ты так смущен?

Т и р е с и й

Уйти дозволь. Отпустишь,— и нести
Нам будет легче каждому свой груз.

Э д и п

Неясные слова... Не любишь, видно,
Родимых Фив, когда с ответом медлишь.

Т и р е с и й

Ты говоришь, да все себе не впрок.
И чтоб со мной того же не случилось...

Х о р

Бессмертных ради,— зная, не таись,
330 К твоим ногам с мольбою припадаем.

Т и р е с и й

Безумные! Вовек я не открою,
Что у меня в душе... твоей беды...

Э д и п

Как? Знаешь — и не скажешь? Нас предать
Замыслил ты и погубить свой город?

Т и р е с и й

Себя терзать не стану, ни тебя.
К чему попрек? Я не скажу ни слова.

Э д и п

Негодный из негодных! Ты и камень
Разгневаешь! Заговоришь иль нет?
Иль будешь вновь упорствовать бездушно?

Т и р е с и й

340 Меня коришь, а нрава своего
Не замечаешь — все меня поносишь...

Э д и п

Но кто бы не разгневался, услышав,
Как ты сейчас наш город оскорбил!

Т и р е с и й

Все сбудется, хотя бы я молчал.

Э д и п

Тем более ты мне сказать обязан.

Т и р е с и й

Ни звука не прибавлю. Волен ты
Пылать теперь хоть самым ярым гневом.

Э д и п

350 Я гневаюсь — и выскажу открыто,
Что думаю. Узнай: я полагаю,
Что ты замешан в деле, ты — участник,
Хоть рук не приложил, а будь ты зряч,
Сказал бы я, что ты и есть убийца.

Тиресий

Вот как? А я тебе повелеваю
Твой приговор исполнить — над собой,
И ни меня, ни их не трогать, ибо
Страны безбожный осквернитель — ты!

Эдип

Такое слово ты изверг бесстыдно?
И думаешь возмездья избежать?

Тиресий

Уже избег: я правдою силен.

Эдип

360 За эту речь не ожидаешь кары?

Тиресий

Нет,— если в мире есть хоть доля правды.

Эдип

Да, в мире, не в тебе — ты правде чужд:
В тебе угас и слух, и взор, и разум.

Тиресий

Несчастный, чем меня ты попрекаешь,
Тем скоро всякий попрекнет тебя.

Эдип

Питомец вечной ночи, никому,
Кто видит день,— и мне,— не повредишь!

Тиресий

Да, рок твой — пасть не от моей руки:
И без меня все Аполлон исполнит.

Эдип

370 То умысел Креонта или твой?

Тиресий

Нет, не Креонт, а сам себе ты враг.

Э д и п

О деньги! Власть! О мощное орудье,
Сильней всех прочих в жизненной борьбе!
О, сколько же заманчивости в вас,
Что ради этой власти, нашим градом
Мне данной не по просьбе, добровольно,
Креонт, в минувшем преданный мне друг,
Подполз тайком, меня желая свергнуть,
И подослал лукавого пророка,
380 Обманщика и плута, что в одной лишь
Корысти зряч, в гаданьях же — слепец!
Когда, скажи, ты верным был пророком?
Скажи мне, ты от хищной той певуны
Избавил ли сограждан вещим словом?
Загадок не решил бы первый встречный,—
К гаданиям прибегнуть надлежало.
Но ты не вразумился птиц полетом,
Внушением богов. А я пришел,
390 Эдип-невежда,— и смирил вещунью,
Решив загадку,— не гадал по птицам!
И ты меня желаешь выгнать вон,
Чтоб ближе стать к Креонтову престолу?
Раскаетесь вы оба — ты и он,
Ревнитель очищенья!.. Я бы вырвал
Признание у тебя, не будь ты стар!

Х о р

Мне думается — произнес он в гнев
Свои слова, а также ты, Эдип.
Нет, как исполнить божье повеленье —
Вот мы о чем заботиться должны.

Т и р е с и й

400 Хоть ты и царь,— равно имею право
Ответствовать. И я властитель тоже.
Я не тебе, а Локсию слуга
И в милости Креонта не нуждаюсь.
Мою ты слепоту коришь, но сам
Хоть зорек ты, а бед своих не видишь —

Где обитаешь ты и с кем живешь.
Ты род свой знаешь? Невдомек тебе,
Что здесь и под землей родным ты недруг
И что вдвойне — за мать и за отца —
410 Наказан будешь горьким ты изгнаньем.
Зришь ныне свет — но будешь видеть мрак.
Найдется ли на Кифероне место,
Которое не огласишь ты воплем,
Свой брак постигнув — роковую пристань
В конце благополучного пути?
Не чуешь и других ты бедствий многих:
Что ты — и сын, и муж, и детям брат!..
Теперь слова Креонта и мои
420 В грязь втоптывай. Другой найдется смертный,
Кого бы гибель злейшая ждала?

Э д и п

Угрозы эти от него исходят?
О, будь ты проклят! Вон ступай отсюда!
Прочь уходи от дома моего!

Т и р е с и й

Я не пришел бы, если б ты не звал.

Э д и п

Не знал я, что услышу речь безумца,—
Иначе не послал бы за тобой.

Т и р е с и й

По-твоему, безумец я? Меж тем
Родителям твоим казался мудрым.

Э д и п

Кому? Постой... Кто породил меня?

Т и р е с и й

430 Сей день родит и умертвит тебя.

Э д и п

Опять слова неясны, как загадки.

Тиресий

В отгадыванье ты ли не искусник?

Эдип

Глумись над тем, чем возвеличен я.

Тиресий

Но твой успех тебе же на погибель.

Эдип

Я город спас, о прочем не забочусь.

Тиресий

Иду... Ты, мальчик, уведи меня.

Эдип

И пусть уводит... Мне неволю
Терпеть тебя. Уйдешь — мне станет легче.

Уходят.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

440 Но кто же он? О ком скала вещала в Дельфах?
Ужаснейшим из дел кто руки обагрил?

Верно, он бежал быстрее
Вихрем мчащихся коней:
На него, во всеоружье,
Налетели в блеске молний
Зевсов сын и сонм ужасных,
Заблужденья чуждых Кер.

АНТИСТРОФА 1

С Парнаса снежного нам просияло слово:
Злодея нам велит безвестного искать.
Бродит в чащах он, в ущельях,

450

Словно тур, тоской томим,
Хочет сбросить рок вещаний
Средоточия земного,—
Но вещанья роковые
Вечно кружатся над ним.

СТРОФА 2

Страшным, вправду страшным делом
Нас смутил вещатель мудрый.
Согласиться я не в силах
И не в силах отрицать.
460 Что скажу? Душа в смятенье.
Тьма в былом и тьма в грядущем.
Никогда — ни теперь
Не слышал я, ни прежде,
Чтобы род Лабдакидов
И Полибом рожденный
Друг от друга страдали.
Ныне против Эдипа
Я не вижу улик
И отмстить не могу
Неизвестному Лая убийце!

АНТИСТРОФА 2

470 Но у Зевса с Аполлоном
Остры мысли. Им известны
Все деяния людские.
Вряд ли я скуднее знаньем
Прочих смертных, хоть различна
Мера мудрости у всех.
До улик несомненных
Не осудим Эдипа:
Ведь крылатая дева
На глазах у народа
480 Подступила к нему,
И признали Эдипа
Наши Фивы, заслугу
Оценили его.
Нет, его не считаю преступным.

Входит Креонт.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Креонт

Сограждане! Узнал я, что Эдип
Меня в делах ужасных обвиняет.
Я не стерпел и к вам явился. Если
Он думает, что в общем злополучье
Стараюсь я словами и делами
490 Ему вредить,— то не мила мне жизнь
С подобной славой. Мне в таком попреке
Урон немалый,— нет, большой урон!
Плохое дело, коль меня злодеем
И город назовет, и вы, друзья!..

Хор

Нет, без сомненья, спорили они
Во власти гнева, здраво не размыслив.

Креонт

Он утверждает, что мои советы
Заставили гадателя солгать.

Хор

Сказал, но я не разумею цели.

Креонт

500 Бессовестный! Посмел в рассудке здравом
Меня таким наветом очернить!

Хор

Не знаю, нам темны дела царей...
Но вот и сам он из дому выходит.

Эдип

Как? Это ты? Явиться смел? Неужто
Ты до того бесстыден, что под кров
Вошел ко мне — царя убийца явный
И власти нашей несомненный вор?
Скажи мне, ради бога, ты, решаясь

510 Так действовать, считал меня глупцом
Иль трусом? Или думал — не замечу,
Как ты подполз, и не оборонюсь?
И не безумное ли предприятие —
Борьба за власть без денег и друзей?
Тут надобны сторонники и деньги!

Креонт

Ты лучше на слова свои другому
Дай возразить — и лишь тогда суди!

Эдип

Ты говоришь искусно, но тебя
Не стану слушать: ты мне злейший враг.

Креонт

Нет, слушай,— вот что я тебе скажу.

Эдип

520 Но только не тверди мне, что невинен.

Креонт

Коль полагаешь ты, что самомнение
Бессмысленное впрок,— ты неразумен.

Эдип

Коль полагаешь ты, что без возмездья
Родным вредить мы можем,— ты не прав.

Креонт

Пусть так, согласен. Но скажи, какой
Через меня ты потерпел убыток?

Эдип

Скажи, ты мне советовал иль нет
Послать за тем пророком пресловутым?

Креонт

Я мнения того же и сейчас.

Э д и п

530 А много ль лет прошло с тех пор, как Лай...

К р е о н т

С тех пор как Лай?.. Я не пойму тебя...

Э д и п

...Исчез, повержен гибельным ударом?..

К р е о н т

Прошло с тех пор немало долгих лет.

Э д и п

Тогда уже был в силе ваш гадатель?

К р е о н т

И столь же мудр и столь же почитаем.

Э д и п

Он поминал в те годы обо мне?

К р е о н т

Нет, никогда не приходилось слышать.

Э д и п

Разыскивали вы тогда убийцу?

К р е о н т

Конечно, да. Но не могли дознаться.

Э д и п

540 А почему ж тогда молчал мудрец?

К р е о н т

Не знаю; а не знаю, так молчу.

Э д и п

Но вот что знаешь ты и скажешь ясно...

Креонт

Что именно? Не умолчу, коль знаю.

Эдип

...Что, если б вы не сговорились, вряд ли
Он гибель Лая приписал бы мне.

Креонт

Что молвил он, то лучше знаешь ты,
Но сам на мой вопрос теперь ответствуй.

Эдип

Спроси. Меня не уличишь в убийстве.

Креонт

Послушай: ты — супруг моей сестры?

Эдип

550 Того, что ты спросил, не отрицаю.

Креонт

Над Фивами ты делишь с нею власть?

Эдип

Я исполняю все ее желанья.

Креонт

А вам двоим не равен ли я — третий?

Эдип

Вот тут-то и сказался ложный друг.

Креонт

Нет. Ты в мои слова поглубже вникни.
Сам посуди: зачем стремиться к власти,
С которой вечно связан страх, тому,
Кто властвует и так, тревог не зная?
Я никогда не жаждал стать царем,
560 Предпочитал всегда лишь долю власти.

Так судит каждый, кто здоров рассудком.
Твои дары без страха принимаю,
А правь я сам, я делал бы не то,
Чего хочу. Ужели царство слаще
Мне беззаботной власти и влиянья?
Еще не столь я оскудел умом,
Чтоб новых благ и пользы домогаться.
Все счастья мне желают, все с приветом —
Кто с просьбою к царю — идут ко мне,
570 В своих руках держу я их желанья.
И это все мне променять на что?
Не станет заблуждаться здравый разум.
Такого поведенья сам я чужд
И не дерзну в том помогать другому.
Чтоб убедиться, сам спроси ты в Дельфах,
Тебе я верно ль передал глагол
Богов? Коль убедишься, что вступил
Я в заговор с гадалею, — казни:
580 И сам себя приговорю я к смерти.
Нельзя винить, едва лишь заподозрив,
Затем, что нам не подобает звать
Злых добрыми, равно и добрых злыми.
Отвергнуть друга преданного — значит
Лишиться драгоценнейшего в жизни.
Ты в этом скоро убедишься сам.
Нам честного лишь время обнаружит, —
Довольно дня, чтоб подлого узнать.

Х о р

Разумные одобрят речь его:
Поспешное решение ненадежно.

Э д и п

590 Но если враг мне спешно строит козни,
Поспешно должен действовать и я.
А если буду медлить, он достигнет,
Чего хотел, и я ни с чем останусь.

К р е о н т

Чего же хочешь ты? Изгнать меня?

Э д и п

Нет, больше: умертвить, а не изгнать,
Тогда поймешь ты, что такое зависть.

К р е о н т

Настаиваешь, значит, и не веришь?

Э д и п

Нет: ты доверья мне внушить не мог.

К р е о н т

Безумен ты!

Э д и п

В своих делах — я здоров.

К р е о н т

600 Но о моих подумай.

Э д и п

Ты — изменник!

К р е о н т

Затмился, что ли, ум твой?

Э д и п

Власть — моя!

К р е о н т

Дурная власть — не власть.

Э д и п

О Фивы, Фивы!

К р е о н т

Не ты один, — я тоже властен в Фивах.

Хор

Довольно, государи. Вижу: кстати
К нам из дворца выходит Иокаста.
Она поможет кончить спор добром.

Иокаста

Из-за чего, несчастные безумцы,
Вы ссоритесь? Когда страдает город,
Не стыдно ль счеты личные сводить?
610 Иди домой, Эдип... и ты, Креонт,—
Зло малое великим да не станет.

Креонт

Сестра, Эдип грозит мне страшной карой:
Я к одному из двух приговорен —
К изгнанию или к позорной казни.

Эдип

Все так, жена: его я уличил,—
Замыслил он сгубить меня коварно.

Креонт

Будь вечно я несчастлив, будь я проклят,
Коль справедливо ты винишь меня.

Иокаста

Бессмертных ради верь ему, Эдип,
620 Благочестивой ради клятвы, ради
Меня и всех, стоящих пред тобой.

КОММОС

Хор

СТРОФА I

Молю, послушайся, подумай, уступи.

Эдип

Но в чем мне уступить, скажи?

Х о р

О царь, он отроду был честен,
А ныне клятву дал,— молю,
Прости его!

Э д и п

Ты понимаешь,
О чем ты просишь?

Х о р

Да.

Э д и п

Скажи.

Х о р

Твой шурич чист, Эдип,— из-за пустой молвы
Винить своих друзей не следует напрасно.

Э д и п

630 Я цель твою прозрел: стремишься ты
Сгубить меня иль выгнать вон из града.

Х о р

СТРОФА 2

О вождь небожителей,
Гелий, молю:
Коль мыслю я злое,
Пусть, богом отвержен,
Друзьями отринут,
Постыдно умру.
Нет. Родины беды —
О них я болею.
640 Что будет, коль ряд
Стародавних несчастий
Умножим чредой
Новоявленных бед?

Э д и п

Пусть прочь идет — хотя бы мне пришлось
Быть изгнанным постыдно иль погибнуть.
Я тронут речью жалобной твоей,
А не словами этого злодея.

К р е о н т

Ты уступил со злобой. Но едва
Остынет гнев, раскаянье придет.
650 С подобным нравом сам себе ты в тягость.

Э д и п

Уйдешь ты наконец?

К р е о н т

Я удалюсь.
Тобой отвергнут, но для них я — прежний.
(Уходит.)

Х о р

АНТИСТРОФА 1

Что медлишь во дворец ввести его, царица?

И о к а с т а

Нет, все разведая сперва.

Х о р

От слов родилось подозренье...
А может быть, навет и ложен,—
Несправедливость тяжела.

И о к а с т а

Бранились?

Х о р

Да.

И о к а с т а

О чем шла речь?

Хор

По мне, разумнее — при бедствии всеобщем
660 Не возвращаться вновь к их прерванным речам.

Эдип

Вот до чего ты с честностью своей
Дошел. Мой гнев ты погасить стремишься.

Хор

АНТИСТРОФА 2

О царь, я не раз
В том клялся тебе!
Я был бы и вправду
Безумцем, глупцом,
Когда бы решился
Покинуть тебя.
670 Наш край дорогой
В тот год роковой
Ты вывел из бедствий
На правильный путь,—
Так будь же и ныне
Нам кормчим благим!

Иокаста

Молю богами, царь, и мне поведай,
Что столь упорный гнев зажгло в тебе?

Эдип

Изволь: тебя всех выше чту, жена,—
В Креонте дело и в его коварствах.

Иокаста

Открой, коль можешь, в чем причина ссоры?

Эдип

680 Он говорит, что я убил царя.

Иокаста

Он это сам надумал иль подучен?

Э д и п

Он подослал лукавого пророка
И утверждает, будто сам невинен.

И о к а с т а

О, перестань об этом думать, царь!
Меня послушай: из людей никто
Не овладел искусством прорицанья.
Тебе я краткий довод приведу:
Был Лаю божий глас,— сама не знаю,
От Феба ли, но чрез его жрецов,—
690 Что совершится рок — и Лай погибнет
От нашего с ним сына, а меж тем,
По слуху, от разбойников безвестных
Он пал на перекрестке трех дорог.
Младенцу ж от рожденья в третий день
Отец связал лодыжки и велел
На недоступную скалу забросить.
Так Аполлон вещанья не исполнил,
Не стал отцеубийцей сын, погиб
700 Лай не от сына, а всю жизнь боялся!
Меж тем о том пророчества гласили.
Не слушай их! Ведь если хочет бог,
Он без труда свою объявит волю.

Э д и п

О, как мне слово каждое твое
Тревожит душу и смущает сердце!

И о к а с т а

Какой себя терзаешь ты заботой?

Э д и п

Мне кажется, сказала ты, что Лай
Убит на перекрестке трех дорог?

И о к а с т а

Таков был слух, так говорят и ныне.

Э д и п

А где то место? Где случилось это?

И о к а с т а

710 Зовется край Фокидой, три дороги
Там сходятся — из Давлии и Дельф.

Э д и п

А много ли годов прошло с тех пор?

И о к а с т а

Да незадолго перед тем, как власть
Ты принял здесь, оповестили город.

Э д и п

О Зевс! Что ты судил со мною сделать?

И о к а с т а

Но что тебя смутило так, Эдип?

Э д и п

Не спрашивай... А внешностью, скажи,
Каков был Лай? Он молод был иль стар?

И о к а с т а

720 Он был высок и с проседью сребристой,—
На вид почти таков, как ты сейчас.

Э д и п

О горе! Вижу: страшные проклятья
В неведение призвал я на себя!

И о к а с т а

Мне жутко, царь! Скажи мне, что с тобой?

Э д и п

Боюсь, слепой провидец зрячим был!
Все прояснится, коль еще ответишь...

Иокаста

Мне страшно, но, что знаю, все скажу.

Эдип

Отправился он с малой свитой или
С большим отрядом, как владыка-царь?

Иокаста

730 Их было пять, один из них глашатай,
В единственной повозке ехал Лай.

Эдип

Увы! Увы! Все ясно. Кто ж, однако,
Известье вам доставить мог, жена?

Иокаста

Слуга,— один он спасся и бежал.

Эдип

Теперь у нас живет он, во дворце?

Иокаста

740 О нет, сюда пришел он, но, узнав,
Что власть тебе досталась после Лая,
К моей руке припал он и молил
Его послать на горные луга,
Чтоб только жить подалее от столицы.
Его я отпустила. Хоть и раб,
Он большей был бы милости достоин.

Эдип

Нельзя ль его скорей вернуть сюда?

Иокаста

Конечно, можно; но зачем тебе?

Эдип

Боюсь, жена, сказал я слишком много,
И потому мне встреча с ним нужна.

Иокаста

Пускай он явится сюда,— но вправе
Узнать и я, чем удручен ты, царь.

Э д и п

Не откажу тебе, я сам в тревоге.
Кому ж еще открыться мне, жена,
750 В моей беде? Итак, узнай: отцом
Мне был Полиб, коринфский уроженец,
А мать — Мeroпа, родом из дорян.
И первым я в Коринфе слыл, но случай
Произошел, достойный удивленья,
Но не достойный гнева моего:
На пире гость один, напившись пьяным,
Меня поддельным сыном обозвал.
И, оскорбленный, я с трудом сдержался
760 В тот день и лишь наутро сообщил
Родителям. И распались оба
На дерзость оскорбившего меня.
Их гнев меня обрадовал,— но все же
Сомненья грызли: слухи поползли.
И, не сказавшись матери с отцом,
Пошел я в Дельфы. Но не удостоил
Меня ответом Аполлон, лишь много
Предрек мне бед, и ужаса, и горя:
Что суждено мне с матерью сойтись,
770 Родить детей, что будут мерзки людям,
И стать отца родимого убийцей.
Вещанью вняв, решил я: пусть Коринф
Мне будет дальше звезд,— и я бежал
Туда, где не пришлось бы мне увидеть,
Как совершится мой постыдный рок.
Отправился — и вот пришел в то место,
Где, по твоим словам, убит был царь.
Тебе, жена, я расскажу всю правду.
Когда пришел я к встрече трех дорог,
780 Глашатай и старик, как ты сказала,
В повозке, запряженной лошадьми,
Мне встретились. Возница и старик

Меня сгонять с дороги стали силой.
Тогда возницу, что толкал меня,
Ударил я в сердцах. Старик меж тем,
Как только поравнялся я с повозкой,
Меня стрекалом в темя поразил.
С лихвой им отплатил я. В тот же миг
Старик, моей дубиной пораженный,
Упал, свалившись наземь, из повозки.
790 И всех я умертвил... И если есть
Родство меж ним... и Лаем... О, скажи,
Из смертных кто теперь меня несчастней,
Кто ненавистней в мире для богов?
«Кого ни свой не должен, ни чужой
Приветствовать и принимать, как гостя,
Но вон из дома гнать». И это — я,
Сам на себя обрушивший проклятья!
Я оскверню ложе мертвеца
Кровавыми руками. Я ль не изверг?
800 Я ль не безбожник? Убежать бы мог...
Но мне нельзя к родителям вернуться,
В мой край родной: вступить придется там
В брак с матерью и умертвить отца,
Полиба, кем рожден я и воспитан.
Но в том, что сила, выше человека,
Мне посылает все,— сомненья нет!
Нет, грозные и праведные боги,
Да не увижу дня того, да сгину
С лица земли бесследно! Лишь бы только
810 Таким пятном себя не осквернить!

Х о р

И мы, владыка, в страхе. Но надейся,
Пока ты не узнал от очевидца.

Э д и п

Одно осталось для надежды мне —
Дождаться, чтоб сюда пришел пастух.

И о к а с т а

Что принесет тебе его приход?

Э д и п

Отвечу. Если будет говорить
Одно с тобой,— я ужаса избег.

И о к а с т а

Но что же я столь важного сказала?

Э д и п

820 Ведь рассказал он, что царя убили
Разбойники... Так если подтвердит,
Что было много их,— убил не я.
Не может ведь один равняться многим.
А если скажет, что один, то явно
Ложится преступление на меня...

И о к а с т а

830 О нет! Как раз передавал он то же
И слов своих не станет отрицать.
Весь город слышал, а не я одна.
А если и отступится от слова,
Все ж этим не докажет, что правдив
Глас Аполлона, возвестивший, будто
Погибнет Лай от сына моего.
Поистине его не мог убить
Мой бедный сын,— он сам погиб младенцем,
Вот почему сейчас богов глаголу
Не верю я — и не поверю впредь.

Э д и п

Да, ты права. Кого-нибудь, однако,
Пошли за пастухом, и поскорей!

И о к а с т а

Пошлю сейчас же. Но пойдем домой...
Я все исполню, что тебе угодно.

Уходят.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА 1

840 Дай, Рок, всечасно мне блюсти
Во всем святую чистоту
И слов и дел, согласно мудрым
Законам, свыше порожденным!
Им единый отец — Олимп,
Породил их не смертных род,
И вовеки не сможет в сон
Их повергнуть забвенью.
В них живет всемогущий бог,
Никогда не старея.

АНТИСТРОФА 1

850 Гордыней порожден тиран.
Она, безумно всем пресытись,
Чужда и пользы и добра.
Вершины счастья достигнув,
В бездну бедствия вдруг падет,
Где нельзя утвердить стопы.
Пусть же бог не убавит в нас
Рвенья, граду потребного.
Да пребудет вовеки бог
Покровителем нашим!

СТРОФА 2

860 Если смертный превознесся
На словах или на деле,
Не боится правосудья
И не чтит кумиров божьих, —
Злая участь да постигнет
Спесь злосчастную его!
Коль выгод ищет он неправых,
Не избегает черных дел
И сокровенных тайн касается безумно, —

Ему ль хвалиться, что от жизни
 Отвел он божию стрелу?
 О, если честь таким деяньям,—
 Что нам вступить в священный хор?

АНТИСТРОФА 2

Не пойду благоговейно
 Я к святой середине мира,
 Ни в Олимпию, ни в древний
 Храм Абайский, если ныне
 Очевидно не исполнится
 Вещий голос божества.

Но если вправду ты, могучий,
 Над всем владычествуешь, Зевс,—
 Да не избегнет злой твоей бессмертной власти!
 Увы! Пророчества о Лае
 Бессильны стали. Нет нигде
 Почета ныне Аполлону.
 Бессмертных позабыли мы.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Иокаста

Владыки Фив, подумав, я решила
 Отправиться в святилище богов
 С куреньями и свежими венками.
 Душа Эдипа сильно смущена,
 Он в скорбных думах и, теряя разум,
 По прошлому не судит о грядущем,
 Лишь тем он внемлет, кто пророчит ужас.
 Бессильна я его разубедить...
 И вот к тебе, о Аполлон Ликейский,
 Иду с мольбой и с этими дарами,
 Избавь нас от напастей. Он — в смятенье,
 И мы трепещем,— так взирают люди
 На кормщика, испуганного бурей.

Входит вестник.

Вестник

900 Могу ль от вас узнать, о чужестранцы,
Где здесь царя Эдипа дом? А лучше
Скажите, где находится он сам.

Хор

Вот дом его; он сам — внутри, о гость.
А вот — царица, мать его детей.

Вестник

Будь счастлива всегда и весь твой дом,
Царя благословенная супруга!

Иокаста

Прими в ответ благое пожеланье —
Его ты заслужил своим приветом.
Но с просьбой или с вестью прибыл ты?

Вестник

Обрадую и дом твой, и супруга.

Иокаста

910 Что разумеешь? Кто прислал тебя?

Вестник

Я — из Коринфа. Весть моя, пожалуй,
И радость принесет тебе, и скорбь.

Иокаста

Что за слова? В чем их двойная сила?

Вестник

Коринфяне хотят Эдипа сделать
Правителем. Таков их приговор.

Иокаста

Как? Разве власть уж не в руках Полиба?

Вестник

Недавно смерть свела его в могилу.

Иокаста

Что говоришь? Полиб скончался?

Вестник

Если

Сказал я ложь, то сам достоин смерти.

Иокаста

920 Служанка, поскорее в дом беги,
Зови царя... Где вы, богов вещанья?
Боялся царь Эдип его убить —
И прочь бежал; Полиб же сам скончался,
Как рок велел, не от его руки.

Входит Эдип.

Эдип

О милая супруга Иокаста,
Зачем меня ты вызвала из дома?

Иокаста

Его послушай и суди, сбылось ли
Ужасное вещание богов?

Эдип

Кто он такой? Что хочет мне сказать?

Иокаста

930 Он из Коринфа, с вестью, что Полиб,
Отец твой, умер, — нет его в живых.

Эдип

Что говоришь ты, гость? Скажи мне сам.

Вестник

Коль должен я сказать сперва об этом,
Знай, что стезею мертвых он ушел.

Э д и п

Убит он? Или умер от болезни?

В е с т н и к

Чтоб умереть, немного старцу нужно.

Э д и п

Так от болезни умер он, несчастный?

В е с т н и к

И оттого, что был преклонных лет.

Э д и п

940 Увы! К чему нам было чтить, жена,
Полеты птиц и жертвенник пифийский,
Провозгласившие, что суждено мне
Отца убить родного? Вот он — мертвый
Лежит в земле,— а я не прикасался
К мечу. Но, может быть, с тоски по сыну
Скончался он,— так я тому виной?
В Аид унес Полиб все прорицанья...
Понстине, они лишь звук пустой!

И о к а с т а

Тебе об этом мало ль я твердила?

Э д и п

Твердила ты — но страх меня смущал.

И о к а с т а

950 Отныне страхом не терзай души.

Э д и п

Но ложа материнского боюсь.

И о к а с т а

Чего бояться смертным? Мы во власти
У случая, предвиденья мы чужды.
Жить следует беспечно — кто как может...

И с матерью супружества не бойся:
Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живетя беззаботно.

Э д и п

960 Ты дельно говоришь... Но мать — в живых.
А если мать в живых, то, хоть и дельно
Ты говоришь, меня тревожит страх.

И о к а с т а

Но гроб отца — тебе успокоенье.

Э д и п

О да, но той... живой еще... боюсь.

В е с т н и к

Но кто ж она, которой ты страшишься?

Э д и п

Полибова вдова, Меропа, старец.

В е с т н и к

Чем вызван твой великий страх пред нею?

Э д и п

Ужасным божим вещаньем, гость.

В е с т н и к

Дозволено узнать его иль нет?

Э д и п

970 Изволь. Когда-то был от Аполлона
Мне глас, что в брак я с матерью вступаю
И кровь отца пролью своей рукою.
Вот отчего далеко от Коринфа
Живу теперь, — и счастлив здесь. А все ж
Милей всего — родительские очи.

В е с т н и к

Так этот страх привел тебя к изгнанию?

Э д и п

Еще боялся я отца убить.

В е с т н и к

Тогда тебя избавлю я, владыка,
От страха — я недаром добрый вестник.

Э д и п

И по заслугам будешь награжден.

В е с т н и к

980 Затем я и пришел, чтобы вернуть
Тебя в Коринф — и получить награду.

Э д и п

Не возвращусь вовеки в дом отцовский.

В е с т н и к

Не знаешь, сын, что делаешь, коль это...

Э д и п

Что, старец?.. Говори же, ради бога!

В е с т н и к

...Тебя от дома держит вдалеке.

Э д и п

Страшусь, глаголы Феба не сбылись бы...

В е с т н и к

Родителей бежишь? Боишься скверны?

Э д и п

Да, это, старец, это страшно мне.

В е с т н и к

Сказать по правде, страх напрасен твой.

Э д и п

990 Но как же, если я от них родился?

Вестник

Затем, что не в родстве с тобой Полиб.

Эдип

Что ты сказал? Полиб мне — не отец?

Вестник

Такой же он тебе отец, как я.

Эдип

Ты для меня — ничто, а он родитель!

Вестник

Ни он тебя не породил, ни я.

Эдип

Но почему ж меня он сыном звал?

Вестник

Из рук моих тебя он принял в дар.

Эдип

И так любил, из рук приняв чужих?

Вестник

Да, потому что сам он был бездетен.

Эдип

1000 А ты купил меня или нашел?

Вестник

Нашел в лесу, в ущелье Киферона.

Эдип

А почему ты в тех местах бродил?

Вестник

Поставлен был стада пасти в горах.

Э д и п

Так ты пастух, батрак наемный был?

В е с т н и к

Я был твоим спасителем, мой сын.

Э д и п

Но отчего же я тогда страдал?

В е с т н и к

Свидетели — лодыжки ног твоих.

Э д и п

Увы! Что вспоминать о старом горе?

В е с т н и к

Я развязал проколотые ноги.

Э д и п

¹⁰¹⁰ О боги! Кто ж преступник? Мать? Отец?

В е с т н и к

То знает лучше давший мне тебя.

Э д и п

Ты получил меня, не сам нашел?

В е с т н и к

Мне передал тебя другой пастух.

Э д и п

А кто он был? Сказать, наверно, сможешь?

В е с т н и к

Он, помнится, слугой назвался Лая.

Э д и п

Не прежнего ль фиванского царя?

Вестник

Да, у царя служил он пастухом.

Э д и п

Он жив еще?.. Увидеть бы его...

Вестник

Вам, местным людям, лучше знать об этом.

Э д и п

1020 Из вас кому-нибудь известен, старцы,
Пастух, помянутый сейчас гонцом?
Кто с ним встречался здесь иль на лугах,
Ответьте! Срок настал всему раскрыться.

Х о р

Он, думаю, не тот ли поселянин,
Которого увидеть ты желал?..
Но разъяснит всех лучше Иокаста.

Э д и п

Жена, гонцом помянутый пастух —
Не тот ли, за которым мы послали?

Иокаста

1030 Не все ль равно? О, полно, не тревожься
И слов пустых не слушай... позабудь...

Э д и п

Не может быть, чтоб, нить держа такую,
Я не раскрыл рожденья своего.

Иокаста

Коль жизнь тебе мила, молю богами,
Не спрашивай... Моей довольно муки!

Э д и п

Мужайся! Будь я трижды сын рабыни,
От этого не станешь ты незнатной.

Иокаста

Послушайся, молю... О, воздержись!

Эдип

Не убедишь меня. Я все узнаю.

Иокаста

Тебе добра хочу... Совет — благой...

Эдип

1040 Благие мне советы надоели.

Иокаста

Несчастный! О, не узнавай, кто ты!

Эдип

Ступайте, приведите пастуха,—
Пусть знатностью своей одна кичится.

Иокаста

Увы, злосчастный! Только это слово
Скажу тебе — и замолчу навек.

(Уходит.)

Хор

Куда пошла жена твоя, Эдип,
Гонима лютой скорбью? Я боюсь,
Не разразилось бы молчанье бурей.

Эдип

1050 Пусть чем угодно разразится. Я
Узнать хочу свой род — пусть он ничтожен!
А ей в ее тщеславье женском стыдно,
Наверное, что низко я рожден.
Я — сын Судьбы, дарующей нам благо,
И никакой не страшен мне позор.
Вот кто мне мать! А Месяцы — мне братья:
То вознесен я, то низринут ими.
Таков мой род — и мне не быть иным.
Я должен знать свое происхождение.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор
СТРОФА

1060 Если даром прорицанья
Мой исполнен вещий дух,
То клянусь Олимпом горним:
Ты услышишь, Киферон,
Как мы завтра в полнолуние
Прославлять тебя начнем,
 О Эдипа край родимый —
 И отец его и пестун!
Будем водить хороводы,
Ибо издревле угоден
1070 Был ты фиванским царям.
Будь же, о Феб, благосклонен
К нам! Призываем тебя!

АНТИСТРОФА

Кем же ты рожден, младенец,
Из живущих долго дев?
Взял ли нимфу гость нагорий
Пан-родитель или Локсий,—
Ибо он от века любит
Пастбищ дикие луга?
Иль, быть может, царь Киллены
1080 Был родителем тебе?
Или, вершин обитатель,
Принял младенца от нимфы
Новорожденного Вакх
На Геликоне, где с нимфами
Бог свои игры ведет?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Эдип

В лицо не знаю пастуха, однако
Догадываюсь, старцы,— это он,

Которого мы заждались: старик
Глубокий, он в одних годах с гонцом,
1090 А в провожатых узнаю как будто
Моих рабов... Точнее скажешь ты,
Ведь пастуха уже не раз ты видел.

Х о р

Да, будь уверен, царь, он мне известен,—
Он был у Лая честным пастухом.

Входит п а с т у х.

Э д и п

Сперва тебя спрошу, коринфский гость:
О нем ли говорил ты?

В е с т н и к

Да, о нем.

Э д и п

На все вопросы отвечай, старик,
В глаза мне глядя: был рабом ты Лаю?

П а с т у х

Был, но не купленным,— я рос при доме.

Э д и п

Каким существовал ты ремеслом?

П а с т у х

1100 Я большую часть жизни пас стада.

Э д и п

Ну, а в каких местах живал ты чаще?

П а с т у х

На Кифероне и в его округе.

Э д и п

Его ты знаешь? Ты его встречал?

П а с т у х

Что делал он? О ком ты говоришь?

Э д и п

О том, кто пред тобой. Ты с ним встречался?

П а с т у х

Возможно, только сразу не припомню.

В е с т н и к

В том дива нет, владыка. Но заставляю
Забывшего все в точности припомнить.

1110

Поверь, он помнит, как бродили мы

По Киферону. Он два стада пас,

А я — одно, поблизости, — с весны

До холодов, три полугодья кряду.

Зимой же с гор я стадо угонял

В свой хлев, а он — на Лаев скотный двор.

Все было так, как говорю, иль нет?

П а с т у х

Все правда... хоть прошло годов немало.

В е с т н и к

Скажи, ты мальчика мне отдал — помнишь, —

Чтоб я его, как сына, воспитал?

П а с т у х

Так что же? Почему такой вопрос?

В е с т н и к

1120

Вот, милый друг, кто был младенцем этим.

П а с т у х

О, будь ты проклят! Замолчишь ли ты?

Э д и п

Нет, нет, старик, его ты не брани;

Твои слова скорей достойны брани.

П а с т у х

Но в чем же я повинен, государь?

Э д и п

Ты о младенце отвечать не хочешь!

П а с т у х

Да ничего не знает он; все вздор.

Э д и п

Добром не хочешь,— скажешь под бичом.

П а с т у х

Нет, ради бога, старика не бей!

Э д и п

Ему свяжите руки за спиною!

П а с т у х

1130 Ах я, несчастный! Что же знать ты хочешь?

Э д и п

Младенца ты передавал ему?

П а с т у х

Передавал... Погибнуть бы в тот день!..

Э д и п

Что ж, и погибнешь, коль не скажешь правды.

П а с т у х

Скорей погибну, если я отвечу.

Э д и п

Он, как я вижу, хочет увильнуть!

П а с т у х

Да нет! Сказал я, что отдал когда-то.

Э д и п

Где взял его? Он свой был иль чужой?

П а с т у х

Не свой... Его я принял от другого.

Э д и п

А из какого дома? От кого?

П а с т у х

1140 Не спрашивай ты больше, ради бога!

Э д и п

Погибнешь ты, коль повторю вопрос!

П а с т у х

Узнай же: был он домочадцем Лая.

Э д и п

Рабом он был иль родственником царским?

П а с т у х

Увы, весь ужас высказать придется...

Э д и п

А мне — услышать... Все ж я слушать должен.

П а с т у х

Ребенком Лая почитался он...

Но лучше разъяснит твоя супруга.

Э д и п

Так отдала тебе она младенца?

П а с т у х

Да, царь.

Э д и п

Зачем?

П а с т у х
Велела умертвить.

Э д и п

1150 Мать — сына?

П а с т у х
Злых страшилась предсказаний.

Э д и п

Каких?

П а с т у х
Был глас, что он убьет отца.

Э д и п

Но как его отдать посмел ты старцу?

П а с т у х
Да пожалел: я думал, в край далекий,
На родину снесет его, но он
Для бед великих спас дитя, и если
Ты мальчик тот, знай, ты рожден на горе!

Э д и п

Увы мне! Явно все идет к развязке.
О свет! Тебя в последний раз я вижу!
1160 В проклятии рожден я, в браке проклят,
И мною кровь преступно пролита!
(Убегает во дворец.)

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р
СТРОФА 1

Люди, люди! О смертный род!
Жизнь людская, увы, ничто!
В жизни счастья достиг ли кто?

Лишь подумает: «Счастливы я!» —
И лишается счастья.
Рок твой учит меня, Эдип,
О злосчастный Эдип! Твой рок
Ныне уразумев, скажу:
Нет на свете счастливых.

АНТИСТРОФА 1

1170 Метко метил он, счастье взял.
Зевс, он деву когтистую,
Песни темные певшую,
Уничтожил, стране родной
Стал надежной твердыней.
Стал ты зваться с тех пор, Эдип,
Государем у нас. Тебе
Высший был от людей почет
В наших Фивах великих.

СТРОФА 2

1180 А ныне сыщется ль несчастней кто из смертных?
Томится ль так другой у бед и мук в плену,
Наследовав такую долю?
Увы, прославленный Эдип!
Сын и муж в тебе едином
Благосклонно были приняты
Тихой пристанью единой —
Ложем свадебным твоим.
Злосчастный! Как могла так долго
Отцом засеянная нива
Тебя в безмолвии терпеть?

АНТИСТРОФА 2

1190 Теперь всезрящее тебя настигло время
И осудило брак, не должный зваться браком,
В котором долго пребывали
Слиянными отец и сын.
Горе! Лая сын несчастный!
О, когда бы я вовеки
Не видал тебя! Стенаю,
Как над мертвым, над тобою.

Поистине сказать я должен:
Ты одарил нас жизнью новой,
Ты мрак на очи нам навлек.

Входит домочадец.

ЭКСОД

Домочадец

О граждане почтенные страны!
Что предстоит и слышать вам и видеть!
Какое бремя скорби несть вам, если
В вас преданность живет к семье царя!
Нет, не омоют даже Истр и Фасис
Лабдака дом; столь много страшных дел
Таится в нем, и вольных и невольных,—
И новые объявятся!.. Нет горше
По доброй воле понесенных мук.

Хор

1210 Нет тяжелее бед, уже известных...
Но что еще случилось, говори!

Домочадец

Увы, сказать и выслушать недолго:
Божественной не стало Иокасты.

Хор

Злосчастная! Но что тому причиной?

Домочадец

Она сама, увы! Но ты не можешь
Так горевать, как я: вы не видали,
А у меня все в памяти живет.
Узнайте ж, как несчастная страдала:
1220 Лишь в дом вошла, объята испуганием,
К постели брачной ринулась она
И волосы обеими руками

Рвала. И, дверь захлопнув, стала звать
Уже давно скончавшегося Лая;
Упоминала первенца, которым
Был муж ее убит; и то, как сыну
Досталась мать для страшных порождений.
Рыдала над своим двубрачным ложем,
Где мужем дан ей муж и сыном — дети.
1230 И вот — погибла, но не знаю как,
Затем, что тут Эдип ворвался с воплем,
И я следить за нею перестал.
Я на царя смотрел — как он метался.
Он требовал меча, искал жену,
Которую не мог назвать женою, —
Нет, мать свою и мать его детей!
Вела его в безумье сила свыше,
Совсем не мы — прислужники его.
Вдруг с диким криком, словно вслед кому-то,
1240 Он бросился к двустворчатым дверям
И, выломав засовы, вторгся в спальню.
И видим мы: повесилась царица —
Качается в крученой петле. Он,
Ее увидя вдруг, завыл от горя,
Веревку раскрутил он — и упала
Злосчастная. Потом — ужасно молвить! —
С ее одежды царственной сорвав
Наплечную застежку золотую,
Он стал иглу во впадины глазные
Вонзать, крича, что зреть очам не должно
1250 Ни мук его, ни им свершенных зол, —
Очам, привыкшим видеть лик запретный
И не узнавшим милого лица.
Так мучаясь, не раз, а много раз
Он поражал глазницы, и из глаз
Не каплями на бороду его
Стекала кровь — багрово-черный ливень
Ее сплошным потоком орошал.
Поистине их счастье былое
Завидным было счастьем. А теперь
1260 Стенанье, гибель, смерть, позор — все беды,
Какие есть, в их доме собрались.

Хор

Что с ним теперь? Пришел в себя несчастный?

Домочадец

Кричит, чтоб дверь открыли и кадмейцам
Отцеубийцу тотчас показали,
Который мать... но уст не оскверню...
Что сам себя изгонит, чтоб проклятья
Он, проклятый, на дом свой не навлек.
Он ослабел, и провожатый нужен
Несчастному. Он страдает свыше сил.
1270 Увидите сейчас... Уже засов
Отодвигают... Зрелище такое
Разжалобить способно и врага.

КОММОС

Хор

О, как смертному страшно страдания зреть!
Никогда я страшнее не видывал мук!
Злополучный! Каким ты безумьем объят?
Что за демон свирепым прыжком наскочил
На твою несчастливую долю?
Я не в силах смотреть на тебя, — а меж тем
1280 Я о многом узнать, расспросить бы хотел! —
Столь ужасный внушаешь мне трепет!

Эдип

Горе! Горе! Увы! О, несчастье мое!
О, куда ж я бедою своей заведен
И куда мой уносится голос?
Ты привел меня, Рок мой, куда?

Хор

В пугающую слух и взоры бездну.

Эдип

СТРОФА 1

О, туча мрака!..
Я ужасом объят невыразимым,

Несет меня необоримый вихрь!

О, горе мне!

1290

О, горе мне, о, горе! Как вонзился
В меня клинок! Как память бед язвит!

Х о р

Не диво, что вдвойне в таких страданиях
Скорбишь и о беде кричишь двойной...

Э д и п

АНТИСТРОФА 1

Увы! Мой друг!

Один ты мне слуга остался верный,—
Заботишься ты обо мне — слепце.

Увы! Увы!

Ты от меня не скрыт, хоть я во мраке,
Но явственно твой голос различаю.

Х о р

1300

О страшное свершивший! Как дерзнул
Ты очи погасить? Внушили боги?

Э д и п

СТРОФА 2

Аполлоново веленье,

Аполлон решил, родные!

Завершил мой он беды!

Глаз никто не поражал мне,—

Сам глаза я поразил.

Горе, горе... На что мне и очи теперь,
Коль ничто усладить их не может?

Х о р

Свершилось все, как ты предрек.

Э д и п

1310

На что смотреть мне ныне?

Кого любить?

Кого дарить приветствием?

Слушать кого с умилением?
Прочь поскорее отсюда
Вы уведите меня,
Скройте постыдную скверну!
Я трижды проклят меж людей. Бессмертным
Всех ненавистней я!

Хор

1320 Ты, чья судьба и дух равно печальны,
Тебя мне лучше вовсе б не встречать!

Эдип

АНТИСТРОФА 2

Пропади на веки вечные,
Кто с моих ступней младенческих
Снял ремней тугие путы
И меня от мук избавил,
Не на радость мне, увы!
А умри я тогда, ни родные, ни я
Не узнали б столь горького горя!

Хор

Так лучше было бы, ты прав.

Эдип

1330 Сюда я не пришел бы
Убить отца,
Не стал бы мужем матери.
Ныне богами отвергнутый,
Я, порожденье преступницы,
Ложе ее унаследовал —
То, что меня породило.
О, если в мире есть беда всем бедам,
Ее вкусил Эдип!..

Хор

Хвалить ли мне поступок твой — не знаю...
Но лучше не родиться, чем ослепнуть...

- 1340 Мне не тверди о том, что я избрал
 Не наилучший выход. Брось советы.
 Сойдя в Аид, какими бы глазами
 Я стал смотреть родителю в лицо
 Иль матери несчастной? Я пред ними
 Столь виноват, что мне и петли мало!
 Иль, может быть, мне видеть было б сладко
 Моих детей, увы, рожденных ею?
 Нет, вида их не вынес бы мой взор...
 А город наш, твердыни, изваянья
- 1350 Священные богов, которых я
 Себя лишил — несчастный! Я — первейший
 Из граждан здесь. Сам приказал я гнать
 Безбожника, в ком божий глас укажет
 Преступного сквернителя страны!..
 С таким пятном как мог бы я теперь
 Смотреть спокойным взором на сограждан?
 Нет, никогда! О, если б был я в силах
 Источник слуха преградить, из плоти
 Своей несчастной сделал бы тюрьму,
- 1360 Чтоб быть слепым и ничего не слышать...
 Жить, бед не созная, — вот что сладко.
 О Киферон! Зачем меня ты принял,
 Зачем, приняв, тотчас же не сгубил,
 Чтобы мое рождение не открылось?
 Полиб, Коринф, о кров родного дома!
 Как был я — ваш питомец — чист наружно
 И сколько зол в душе своей взрастил!
 О три дороги, тесное ущелье,
 Вы кровь мою горячую испили,—
- 1370 Ее я пролил собственной рукой,—
 Вы помните ль, что я тогда свершил?
 Что после совершал?.. О брак двойной!
 Меня ты породил и, породив,
 Воспринял то же семя; от него же
 Пошли сыны и братья,— кровь одна! —
 Невесты, жены, матери... Позорней
 События не видела земля...

Но речь вести не должно о постыдном...
1380 Богами заклинаю: о, скорей
Меня подальше скройте, иль убейте,
Иль в море бросьте прочь от глаз людских!
Приблизьтесь, умоляю, прикоснитесь
К несчастному. Не бойтесь: мой недуг
Ни для кого из смертных не опасен.

Х о р

Но вот идет к нам вовремя Креонт,—
Исполнит просьбы и подаст совет:
Остался он один блюсти столицу.

Э д и п

Увы! Как речь к нему я обращаю?
1390 Как от него доверья ждать и правды,
Когда я с ним был так несправедлив?

Входит Креонт.

К ре он т

Не насмехаться я пришел, Эдип,
Не за обиду укорять быую.
Но если нет стыда перед людьми,
Хоть Солнце, всем дарующее жизнь,
Почтить нам надо... Можно ль показать
Подобный срам?.. Его земля не примет,
Ни дождь священный, ни небесный свет.
Скорее в дом Эдипа отведите,—
1400 Затем, что горе родственников близких
Внимать и видеть должно лишь родным.

Э д и п

Молю тебя, раз ты мой страх рассеял,
Мне — гнусному — явившись столь прекрасным,
Послушай... о тебе забочусь я.

К ре он т

Какой услуги просишь так упорно?

Э д и п

О, изгони меня скорей — туда,
Где б не слышал людского я привета.

К р е о н т

Так я и поступил бы, только раньше
Хочу спросить у бога, что нам делать.

Э д и п

1410 Но ясно бог вещал: карать меня —
Отцеубийцу, нечестивца — смертью.

К р е о н т

Да, был таков глагол, но все же лучше
Узнать при затруднении, как быть.

Э д и п

О столь несчастном спрашивать бессмертных?

К р е о н т

А ты теперь готов поверить богу?..

Э д и п

Тебе я поручаю и молю:
Той... что в дому... устроишь погребенье,
Как знаешь сам,— то родственный твой долг.
Мне град родной да не окажет чести,
1420 В нем жить дозволив до скончанья дней.
Уйти мне разреши на Киферон мой,
Который мне — живому — мать с отцом
Законною назначили могилой.
Пусть там умру,— они того желали.
Но знаю, не убьет меня недуг,
Ничто не умертвит. Я был спасен,
Чтоб ряд ужасных новых бед изведать.
И пусть судьба идет своим путем.
О старших детях, сыновьях моих,
1430 Ты не заботься: выросли они,
Не будет недостатка им ни в чем.
Но о моих несчастных, бедных дочках,

Которым никогда прибор к обеду
Не ставился отдельно от отца,
С которыми делил кусок я каждый,—
О них заботься... А теперь дозвожь
К ним прикоснуться, выплакать все горе.
Дозволь, о царь!..
Дозволь, о благородный! Тронув их,
Подумаю, что снова их я вижу.
1440 Что говорю?
О боги! Разве я не слышу? Вот...
Мои родные, милые... Креонт
Ко мне их вывел... дорогих моих...
Так? Верно ли?..

Креонт

Так. С ними быть тебе я предоставил;
Я знал, как ты отрады этой ждешь.

Эдип

О, будь благословен! Да бережет
Тебя на всех дорогах демон, лучший,
Чем мой! О дети, где вы? Подойдите...
1450 Так... Троньте руки... брата,— он виною,
Что видите блиставшие когда-то
Глаза его... такими... лик отца,
Который, и не видя и не зная,
Вас породил... от матери своей.
Я вас не вижу... но о вас я плачу,
Себе представив горьких дней остаток,
Который вам придется жить с людьми.
С кем из сограждан вам сидеть в собраниях?
1460 Где празднества, с которых вы домой
Вернулись бы с весельем, а не с плачем?
Когда же вы войдете в брачный возраст,
О, кто в ту пору согласится, дочки,
Принять позор, которым я отметил
И вас и вам сужденное потомство?
Каких еще недостает вам бед?
Отец убил отца; он мать любил,
Родившую его, и от нее

Вас породил, сам ею же зачатый...
 Так будут вас порочить... Кто же вас
 Присваивает? Такого не найдется.
 Безбрачными увянете, сироты.
 Сын Менекея! Ты один теперь
 Для них отец. И я и мать, мы оба
 Погибли. Их не допусти скитаться —
 Безмужних, нищих и лишенных крова,
 Не дай им стать несчастными, как я,
 Их пожалей,— так молоды они! —
 Один ты им опора. Дай же клятву,
 О благородный, и рукой коснись!..
 А вам, о дети,— будь умом вы зрелы,
 Советов дал бы много... Вам желаю
 Жить, как судьба позволит... но чтоб участь
 Досталась вам счастливей, чем отцу.

Х о р

О сограждане фиванцы! Вот пример для вас: Эдип,
 И загадок разрешитель, и могущественный царь,
 Тот, на чей удел, бывало, всякий с завистью глядел,
 Он низвергнут в море бедствий, в бездну страшную упал!
 Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне,
 И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того,
 Кто достиг предела жизни, в ней несчастий не познав.

ΕΔΙΠ Β ΚΟΛΟΗΣ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип.

Антигона.

Колонский сторож.

Хор колонцев.

Исмена.

Тесей.

Креонт.

Полиник.

Вестник, слуга Исмены.

ПРОЛОГ

Э д и п

Дитя слепого старца, Антигона,
Куда пришли мы, в град каких людей?
Кто странника бездомного Эдипа
Сегодня скудным встретит подаяньем?
Немногого он молит: собирает
По малости, но он и этим сыт.
К терпению приучен я страданьем,
Самой природой и скитаньем долгим.
10 Дочь, если видишь где-нибудь сиденье
В священной роще или вне ограды,
Остановись и дай мне сесть. Пора
Узнать, где мы: нам, чужестранцам, нужно
Все расспросить и выполнить обряды.

А н т и г о н а

Отец, Эдип-страдалец, башни града
Еще я смутно вижу вдалеке.
А это место свято, без сомненья,—
Здесь много лоз, и лавров, и маслин,
И соловьев пернатый хор в ветвях
20 Так сладостно поет. Присядь на камень,—
Прошли мы путь для старца слишком длинный.

Э д и п

Ты посади и охраняй слепца.

Антигона

Не в первый раз тебя я охраняю.

Эдип

Но где же мы теперь остановились?

Антигона

Не знаю где,— но вижу я Афины.

Эдип

И путники нам говорили то же.

Антигона

Так не пойди ль узнать название места?

Эдип

Узнай, дитя... А жители здесь есть?

Антигона

Конечно, есть, излишне их искать:
Невдалеке я вижу человека.

Эдип

30 Он приближается? Сюда спешит?

Входит колонский сторож.

Антигона

Он здесь уже. Все, что сказать желаешь,
Ему спокойно можешь говорить.

Эдип

О чужестранец, мне она сказала,—
Ее глаза ведь нам обоим служат! —
Что подошел ты кстати — нам поведать...

Сторож

Потом расспросишь, а сначала встань,
Не оскверняй божественного места.

Э д и п

Что здесь за место и какого бога?

С т о р о ж

40 Запретное, закрытое для смертных:
Здесь дочери живут Земли и Мрака.

Э д и п

Но кто они? Как их именовать?

С т о р о ж

Всевидающие Евмениды — так
Зовут их здесь; в иных краях — иначе.

Э д и п

Пусть благостно они моления примут!
Я не уйду отсюда никогда.

С т о р о ж

Что это значит?

Э д и п

Так мне суждено.

С т о р о ж

Тебя прогнать без граждан не решаюсь,—
Спросить я должен, как мне поступить.

Э д и п

50 Молю богами, мой гостеприимец,
Не презирай убогого, ответь.

С т о р о ж

Спроси — я презирать тебя не стану.

Э д и п

Где мы теперь? Что это за места?

С т о р о ж

Все расскажу, что знаю сам. Так слушай:
Места — святыя. Посейдон-владыка
Хозяин здесь и Прометей-титан,
Бог-огне носец. Место, где стоишь,
Зовут у нас Порогом Медным. Он —
Оплот Афин. Окрестные поля
Гордятся древним конником Колоном,
Их покровителем; мы имя носим
Все в честь него единое — колонцы.
Вот где ты, странник. Это место чтут
Обычаем святым, а не словами.

60

Э д и п

А в этом крае кто-нибудь живет?

С т о р о ж

Конечно: те, что носят имя бога.

Э д и п

А кто здесь правит — царь или народ?

С т о р о ж

Царь всей страной правит из столицы.

Э д и п

А как зовут правителя страны?

С т о р о ж

Здесь царствует Тесей, Эгеев сын.

Э д и п

70 А можно ли гонца к нему отправить?

С т о р о ж

Зачем? — просить, чтобы сюда он прибыл?

Э д и п

Чтоб, мало дав, он много получил.

Сторож

Что может дать ему такой слепец?

Э д и п

Хоть я и слеп, но зорек разум мой.

Сторож

Послушай, друг,— чтоб зла тебе избегнуть
(Ты, видно, благороден, хоть и нищ),

Здесь подожди, где я застал тебя.

Я побегу скажу — не горожанам,

А землякам своим, и пусть решают,
80 Останься ли тебе иль уходить.

(Уходит.)

Э д и п

Дитя, где чужестранец? Он ушел?

Антигона

Ушел, отец,— ты можешь обо всем
Свободно говорить: я здесь одна.

Э д и п

Владычицы со взором грозным! Ныне

Я перед вами, первыми, склоняюсь,—

Не будьте к Фебу и ко мне суровы!

Он предсказал мне долгий ряд страданий

И здесь успокоение предрек,—

90 Вещал, что в некий день приду я — странник —
Под кров богинь, и сяду там на камень,

И жизнь свою злосчастную окончу

На благо приютившим, на погибель

Тем, кто, отвергнув, выгонит меня.

И знаменья возвещены заране:

Землетрясение, гром и пламя Зевса.

Теперь я понял: по прямой дороге,

Не иначе, как вашим изволеньем

Я в эту рошу приведен: вовеки

Я первыми не повстречал бы вас,

100 Врагов вина,— я, трезвенник суровый;
Не сел бы здесь, на камне заповедном.
Богини! Здесь, по слову Аполлона,
Мне смерть пошлите, разрешив от жизни,
Коль смерти я сподоблюсь через вас,
Я, тягостнее всех пронесший бремя.
О сладостные чада древней Ночи!
И вы, одноименные с Палладой,
Афины, между всеми чтимый град!
110 О, сжальтесь над обличем плачевным
Того, кто звался некогда — Эдип!

Антигона

Отец, умолкни: вон подходят старцы —
Удостовериться, где ты сидишь.

Эдип

Молчу, но уведи меня с дороги
И в роще скрой, чтоб я услышать мог,
Что будут говорить они. Лишь в знанье
Защита нам на жизненном пути.

ПАРОД

Хор

СТРОФА 1

Но кто же здесь был? Куда он ушел?
Где скрылся он, наглый из нагих?
120 Разведать скорее!
Искать его всюду!
Какой-то бродяга... безвестный старик!
Свой сюда не посмеет войти,
В заповедную рощу богинь,
Необорных и неименуемых,
Мимо которой проходим мы молча,
Глаз не решаясь поднять,
Благоговения полны.
Ныне же муж нечестивый

130 В тайную рощу вошел,—
Все священное место кругом обойдя,
Я постичь не могу, где он скрылся!

Э д и п

Вот я вышел. Не зреньем, а слухом познал:
Срок вещаний исполнился.

Х о р

Горе! Увы!
Как ужасно и видеть и слышать его!

Э д и п

Святотатцем, молю, не сочтите меня.

Х о р

Зевс-заступник! Да кто же он, этот старик?

Э д и п

140 Тот, чьей горькой завидовать доле никто
Не захочет, блюстители здешней земли.
Да и вправду: зачем бы мне было смотреть
Не своими очами? Зачем
Я влачился б за слабою, сильный?

Х о р

АНТИСТРОФА 1

Увы! Ты слепцом ли родился на свет?
По облику вижу, старик, твоему,
Что прожил ты долгий
И горестный век.
Я к мукам твоим не добавлю печали.
Знай бредешь! А входить не дозволено
В молчаливую рощу богинь,
На ее зеленеющий дерн,
150 Где в наполненной чаше сливаются с медом
Чистые струи. Злосчастный
Странник, страшись! Уходи!
Поторопись! Ты не слышишь?

Ежели хочешь ответить,
Так священное место покинь и тогда
Говори — а дотоле безмолвствуй!

Э д и п

Дочь, подумаем, что же нам делать теперь?

А н т и г о н а

Мы с тобою должны покориться, отец,
Исполняя послушно обряды страны.

Э д и п

160 Дай же руку мне, дочь...

А н т и г о н а

Протянула, отец.

Э д и п

Чужеземцы, молю, не обидьте меня,
Если вам я доверюсь и с места сойду.

Х о р

СТРОФА 2

Нет, о старец, отсюда никто никогда
Против воли тебя не прогонит.

Э д и п

(подвигаясь вперед)

Еще ли?

Х о р

Еще подвигайся вперед!

Э д и п

Еще?..

Х о р

Веди старика,—
Ты ведь, девушка, видишь дорогу.

Антигона

Следуй за мною слепою стопой,
За мной подвигайся, куда поведу.

Эдип

170 Не я ли всех смертных несчастней! Увы!

Хор

Ты, чужанин, в чужой земле
Возненавидеть научись,
Что ненавидят люди здесь,
И полюбить, что любят!

Эдип

Веди ж меня, дочь,
Туда, где смогу говорить и внимать
Вне рощи священной, законы блюдя,
Вотще не борясь с неизбежным.

Хор

АНТИСТРОФА 2

180 Сюда, но не далее. Бойся ступить
За край этой каменной глыбы.

Эдип

Не дальше?

Хор

Вот так, хорошо, говорю.

Эдип

Стоять или сесть?

Хор

Сядь сюда,
В стороне, и вперед наклонись.

Антигона

Доверься же мне и спокойно иди;

Немощным телом своим обопрись,
Отец, на дочернюю руку.

Э д и п

Злой рок!

Х о р

Вижу, бедняк, ты послушался нас,—
Так расскажи: кто отец твой и мать?
Что привело, злополучный, тебя?..
190 Что нам о родине скажешь?

эпод

Э д и п

О чужеземцы! Я...
Я изгнан... Только...

Х о р

Не хочешь говорить, старик?

Э д и п

Нет, нет... Не домогайся боле,
Кто я такой... оставь расспросы.

Х о р

Но кто же ты?

Э д и п

Мой страшен род.

Х о р

Откройся!

Э д и п

Дитя! Что сказать мне? Увы!

Х о р

Скажи, чья кровь течет в тебе!
И кто отец твой, странник?

Э д и п

200 Горе! Что будет со мною, дитя?

А н т и г о н а

Говори: подошел ты к пределу.

Э д и п

Я отвечу, я дольше скрывать не могу.

Х о р

Что же медлишь ты, странник? Скорее!

Э д и п

Вы знаете Лаева сына?

Х о р

Увы!

Э д и п

Лая, Лабдакова сына?

Х о р

О Зевс!

Э д и п

Многострадальный Эдип...

Х о р

Это ты?..

Э д и п

Слов моих вам не должно страшиться.

Х о р

Увы!

Э д и п

Я, несчастный...

Хор

Увы!

Эдип

Дочь моя, что же станется с нами теперь?

Хор

210 Удались! И скорей! Прочь из нашей страны

Эдип

Так ли держите вы обещанья?

Хор

Если кто мстит за обиду обидчику,
Рок никогда не карает отмстителя.
Если ж коварством ответишь коварному,
Скорьбь, а не благо, тебе воздаянием.
Прочь! Удались, поднимайся с седалища!
Край наш покинь! Уходи — и немедленно!
Чтобы на город наш праведный
Бед не навлечь ненароком!

Антигона

220 О люди добрые, я вижу,
Вы моего отца слепого
Не принимаете, узнав
Его невольный грех. Но сжальтесь
Хоть надо мною, злополучной,—
Вас умоляю, чужеземцы.

Молю вас об отце несчастном,
На вас гляжу я зрячим взором,
Как равная на вас гляжу.

230 Молю: имейте состраданье
К убогому слепцу! Мы оба
В руках у вас, как у богов.
Явите ж милость нам, несчастным.

Молю вас всем, что близко вам:

Детьми, женой, богами, домом!

Еще на свете не бывало,

Чтоб человек избег беды,

Когда гоним богами!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Х о р

Знай, о Эдипа дочь, что и тебе,
И твоему отцу мы сострадаем.
240 Но мы богов страшимся,— мы не властны
От сказанного раньше отступить.

Э д и п

Когда напрасно хвалят или славят,
Что пользы в том? Меж тем твердят везде,
Что град Афины всех благочестивей,
Что он один злосчастливого скитальца
Спасти бы мог и охранить от бед.
Но как мне ждать спасенья, если вы
Мне встать велели со святой ступени
И гоните, лишь имени страшась,
250 Но не меня? Ведь я в своих поступках
Не властен был, свершал их по незнанию,—
Я говорю о матери с отцом,
Из-за которых вам я стал ужасен,—
Все знаю. Но порочен ли я сам,
За зло воздавший злом? О, если б даже
Умышленно я действовал, на мне
Все ж нет пятна,— мой путь мне темен был.
И сам я пострадал от них, все знавших.
Вас, граждане, богами заклинаю:
260 Велев мне встать, теперь меня блюдите.
Коль чтить богов, так надо чтить во всем.
Благочестивый смертный с нечестивцем
Не равны пред богами. Никогда
Не мог от них безбожник убежать.
Поэтому прошу, не омрачайте
Афин благословенных черным делом,
Не будьте нечестивыми. Однажды
Приняв меня, молящего смиренно,
Блюдите до конца, не презирайте
270 Меня за лик, страдаanjem искаженный,
Бессмертных озаренный благодатью,—

Для пользы здешних граждан я пришел.
Когда ваш царь пожалует сюда,
Узнаете вы всё. А до тех пор
Мне никакого зла не причиняйте.

Х о р

О старец, я невольно с уважением
Внимаю речь разумную твою.
Разумные в ней доводы. Но пусть
Правители страны об этом судят.

Э д и п

280 А где же ваш властитель, чужеземцы?

Х о р

Он в городе отцов своих. Но сторож,
Приславший нас, отправился за ним.

Э д и п

Вы думаете, вправду он проявит
Внимание к слепцу и сам придет?

Х о р

О да, придет, едва услышит имя.

Э д и п

Но кто ж о том осведомит его?

Х о р

290 Длинна дорога, обо всем толкуют
Прохожие. Узнает он от них
И поспешит. Твое известно имя
Повсюду, старец. Если даже спит он,
Все ж явится, услышав о тебе.

Э д и п

Так пусть же он придет на счастье края
И на мое! — кто сам себе не друг?

Антигона

Великий Зевс!.. Не знаю, что и думать!

Эдип

Что видишь ты, дитя мое?

Антигона

Я вижу:

Вон на этнейском муле подъезжает
К нам женщина. Лицо ее закрыто
От солнца шляпой фессалийской. Боги!

Не знаю, нет...

300 Она иль не она?.. Мутятся мысли...
Она!.. Нет, нет... Не различу никак,

Несчастливая!..

Она, никто иной!.. Уже ласкают
Меня сестры сияющие очи.

Она! Она — сестра моя, Исмена!..

Эдип

Что ты сказала?

Антигона

Вижу дочь твою,
Свою сестру! И речь уже слышна.

Исмена

310 Отец! Сестра! — два имени, равно
Желанных мне! Я еле вас сыскала,—
И вот мешают слезы видеть вас.

Эдип

Дочь!.. Это ты?..

Исмена

Родной, как ты несчастен!

Эдип

Приехала?

И с м е н а
Не без труда, отец.

Э д и п

Коснись меня!

И с м е н а
Обоих я касаюсь.

Э д и п

О дети... сестры!..

И с м е н а
Горестная жизнь!

Э д и п

Чья? Наша жизнь?

И с м е н а
И я несчастна с вами.

Э д и п

Зачем ты здесь?

И с м е н а
В заботах о тебе.

Э д и п

Соскучилась?

И с м е н а
И вести принесла.

Со мною — раб, оставшийся мне верным.

Э д и п

А братья где? Что делают?

И с м е н а

Бог весть...

320 Но между ними страшное творится.

Э д и п

О, как они обычаям Египта
И нравом уподобились и жизнью!
Мужчины там все по домам сидят
И ткани ткут, а женщины из дома
Уходят пропитанье добывать.
Вот так и вы: кому трудиться надо,—
Как девушки, сидят в своих домах,
А вам за них приходится страдать
Со мною, несчастливцем!
(Указывая на Антигону.)

Вот она:

330 Едва из детства вышла и окрепла,
Со мной, злосчастливым, бродит по дорогам —
Всё старца водит. По лесам глухим
Бредет со мной, голодная, босая,
И ливень терпит, и палящий зной,
И не мечтает о домашнем крове,
С одной заботой — пропитать отца.
(К Исмене.)

А ты еще тогда, мое дитя,
К отцу проникла тайно от кадмейцев
И принесла вещанья обо мне —
340 Изгнаннику осталась верным стражем.
Теперь какую весть отцу приносишь?
Зачем пустилась в столь далекий путь?
Ты прибыла недаром, это ясно,
И, может быть, весть грозную несешь...

И с м е н а

Я промолчу о том, как я страдала,
Что вытерпела я, пока нашла
Тебя, отец. Все вновь переживая
Я не хочу, тебе передавая.
Я рассказать приехала про беды
350 Твоих несчастных трижды сыновей.
Сперва Креонту уступить хотели
Они престол, чтоб Фивы не сквернить,—
Они не забывали, что издревле

Наш проклят род и твой злосчастный дом.
Но волей бога и преступной страсти
Меж них возникла распря: братья спорят,
Кому из двух взять царственную власть.
И вот теперь неистовый меньшей
360 У старшего, у Полиника, отнял
Престол и вон изгнал его из Фив.
И слух растет у нас, что Полиник,
Изгнанником уйдя в долинный Аргос,
Там и родство и ратников обрел,
И скоро Аргос завоюет Фивы,
Иль до небес прославится наш град.
То не пустые речи. Впрямь, отец,
Дела творятся страшные. Когда же
Бессмертные помилуют тебя!

Э д и п

370 Еще ты уповаешь на заботу
Богов и ждешь спасенья моего?

И с м е н а

О да, отец,— по новым предсказаньям...

Э д и п

Каким? Что в них предсказано, дитя?

И с м е н а

Что отыскать должны тебя фиванцы
Для блага своего — живым иль мертвым.

Э д и п

Такой, как я, кого же осчастливит?

И с м е н а

Там сказано: вся сила их — в тебе.

Э д и п

Уж нет меня — и вновь я призван к жизни?

Исмена

Гонимый прежде, взыскан ты богами.

Эдип

Пав молодым, как старым подымусь?

Исмена

380 Узнай же, с этой целью сам прибудет
Сюда Креонт,— и думаю, что скоро.

Эдип

Зачем, дитя? Все объясни, прошу.

Исмена

Чтоб водворить тебя близ града Кадма,
Владеть тобой,— но в Фивы не пускать.

Эдип

Что ж пользы им, коль буду я вне стен?

Исмена

Твой прах в чужой стране — для них погибель.

Эдип

Но это ясно, дочь, и без вещаний!

Исмена

Вот и хотят держать тебя близ Фив,
Чтоб ты не мог собой распоряжаться.

Эдип

390 Засыплют ли меня землей фиванской?

Исмена

Нет, не допустит пролитая кровь.

Эдип

Итак, вовек не завладеют мною.

И с м е н а

Тогда кадмейцам тяжело придется!

Э д и п

Что будет первым знаком их беды?

И с м е н а

Твой гнев,— лишь станут у твоей могилы.

Э д и п

А от кого ты слышала об этом?

И с м е н а

От посланных, что прибыли из Дельф.

Э д и п

И вправду Феб так обо мне вещал?

И с м е н а

Вернувшись в Фивы, так они сказали.

Э д и п

400 О том слышали сыновья мои?

И с м е н а

Слышали оба, оба твердо знают.

Э д и п

Злодеи знали все — и жажда власти
Возобладала над сыновним долгом?

И с м е н а

Да, так, отец, хоть это больно слышать.

Э д и п

О, пусть же боги их вражды взаимной
Не погашают! Пусть исход их распри,
Из-за которой копьями гремят,
Мной будет разрешен! Пусть тот из них,

410 Что скипетром владеет и престолом,
Их не удержит! А другой, беглец,
Да не вернется в град! Они отца,
Из Фив родных гонимого с позором,
Не защитили, не уберегли,
Дозволили, чтобы отец был изгнан!
Ты скажешь: сам изгнанья я желал
И лишь исполнил град мой желанья.
Но нет! Когда душа во мне пылала
И сладостно мне было б побиенье
420 Камнями,— в тот злополучный день
Все волею моей пренебрегли!
Впоследствии ж, когда утихла мука
И понял я, что пыл мой был чрезмерен,
Что тяжкий грех мой кара превзошла,
Тут стали гнать меня, и гнал весь город,
А первые помощники мои,
Сыны родные, оба промолчали,
Они не заступились за отца,—
И я бездомным стал, скитальцем нищим!
430 Вот эти две,— хоть девушки они,
Хоть слабые,— от них я получаю
Охрану, пропитанье и любовь.
А оба сына предпочли отцу
Престол и скипетр, царственную власть.
Но не найдут союзника во мне.
Им никогда от власти над Кадмеей
Не будет прока, ибо слышал я
Ее рассказ и помню предсказанья
Минувшие, исполненные Фебом.
440 Так пусть они за мною шлют Креонта
Или иного знатного из Фив!
И если, люди здешние, в согласье
С великими богинями страны,
Вы мне приют дадите, буду вам
Охраной мощной и грозой врагам.

Х о р

Эдип, и ты достоин состраданья,
И дочери твои. Но если сам

Себя зовешь спасителем страны,
Тебе подать хочу совет полезный.

Э д и п

Я все исполню, друг мой, говори!

Х о р

450 Прибыв сюда, на землю ты ступил
Богинь страны — сверши же очищенье.

Э д и п

Каков обряд? — поведай, чужеземец.

Х о р

Сперва из вечно бьющего ключа
Святой воды черпни, оmyвши руки.

Э д и п

Потом, — когда достану чистой влагой?

Х о р

Найдешь кувшины там работы тонкой,
У них края и ручки увенчай.

Э д и п

Ветвями, шерстью или чем другим?

Х о р

Руном овцы, остриженной впервые.

Э д и п

460 Так. Прочее как должно совершать?

Х о р

Лицом к рассвету стать и вылить влагу.

Э д и п

Из тех сосудов влагу возливать?

Хор

Из трех,— последний вылей до конца.

Эдип

Чем наполнять сосуды, научи.

Хор

Водой и медом — только без вина.

Эдип

Потом,— когда земля впитает влагу?

Хор

Тогда маслины трижды девять веток
На землю положи и помолись.

Эдип

Как, знать хочу: всего важней молитва.

Хор

470 «Молю я Благосклонных — благосклонно
Просящего принять спасенья ради»,—
Так сам молись иль за тебя другой,
Чуть слышно, шепотом. Свершив молитву,
Лица не обращая, прочь иди.
Исполнишь все, и я — заступник твой.
Иначе за тебя мне страшно, странник.

Эдип

Вы вняли, дети, слову чужеземца?

Антигона

Всё слышали. Что делать нам, скажи.

Эдип

480 Я сам не справлюсь: две беды при мне —
И немощность и слепота. Пускай
Одна из вас пойдет и все исполнит.
Один за десять тысяч долг отдаст,
Коль с чистым сердцем подойдет к святыне.

Не будем медлить. Но не оставляйте
Меня здесь одного. Передвигаться
Не в силах я без помощи чужой.

И с м е н а

Так я пойду, исполню все. Но кто же
Укажет мне, как место разыскать?

Х о р

490 Оно за рощей, чужестранка. Если ж
Понадобится что, там сторож есть.

И с м е н а

Я ухожу, а ты, сестра, покуда
Побудь с отцом: труды во имя близких
Не следует и почитать за труд.

КОММОС

Х о р

СТРОФА 1

Хоть и больно мне
Ту давнишнюю
Пробуждать беду
Затаенную,
Все же знать хочу...

Э д и п

Знать о чем, о друг?

Х о р

500 О муке страшной, безысходной,
Тебя постигшей.

Э д и п

Друг, молю,—
Хотя б из милосердья к гостю,—
Не вспоминай постыдных дел!

Хор

Знать обязан я,
Что немолчная
Говорит молва
Всенародная.

Эдип

Горе мне!

Хор

Прошу,
Покорись, пришлец!

Эдип

510

Ах!

Хор

Я внял тебе,
Ты же мне внемли.

Эдип

АНТИСТРОФА I

Чужеземцы! Да,
Совершил я зло,
Совершил,— но сам,
Видит бог, не знал.
Мой неволен грех.

Хор

Как понять тебя?

Эдип

Мой град,— не ведал я того,—
Связал меня преступным браком.

Хор

520

Не с матерью ль своей на ложе
Лежал ты, как твердит молва?

Э д и п

Хуже смерти мне
Вспоминать свой грех,
Чужеземцы!.. Вот...
Эти две... Они...

Х о р

Кто же?..

Э д и п

Дочери...
Две беды мои...

Х о р

Зевс!

Э д и п

Троих нас мать
Родила одна.

Х о р

СТРОФА 2

530 Они и дочери тебе...

Э д и п

И дочери и сестры...

Х о р

Горе!

Э д и п

Ужасных бед круговорот...

Х о р

Ты настрадался...

Э д и п

Свыше сил.

Хор

Виновен ты...

Эдип

Виной невольной.

Хор

Как было? Поясни.

Эдип

От Фив

Я принял этот дар,— когда бы
Я мог вовек не брать его!

Хор

АНТИСТРОФА 2

Несчастный, о несчастный! Ты
Убил...

Эдип

О чем ты вспоминаешь?

Хор

540 ...Отца...

Эдип

Увы!.. Второй удар...
На рану — рана.

Хор

Ты убил?

Эдип

Убил, но мне...

Хор

Скажи яснее.

Эдип

Есть оправданье.

Хор

Говори!

Эдип

Я пред законом чист: убийца,
Я сам не ведал, что творил.

Хор

Но вот наш царь подходит, сын Эгея,
Тесей, — пришел по зову твоему.

Тесей

Уже давно я слышал и от многих
О гибели кровавой глаз твоих,
550 Знал о тебе, сын Лая. И дорогой
Еще узнал. Теперь же убедился:
Весь облик твой и страшное лицо
Свидетельствуют правду. Сострадаю,
Хочу тебя спросить, Эдип злосчастный:
Чего ты ждешь от града и меня
Со спутницей своей многострадальной?
Ты должен о несбыточном просить,
Чтобы твоей я просьбы не уважил.
И я, как ты, в чужом доме воспитан
560 И больше, чем другие, на чужбине
Дел, мне грозивших гибелью, свершил.
Я от такого странника, как ты,
Не отвернусь, от бед тебя избавлю.
Я — человек, не боле, и на «завтра»
Мои права равны твоим, Эдип.

Эдип

Тесей, ты благородством краткой речи
Подсказываешь краткий мне ответ.
Кто я такой, кто был моим отцом,
Откуда я пришел, — сказал ты верно.
570 Осталось мне лишь высказать желанье —
И будет речь моя завершена.

Т е с е й

Так говори, я слушаю тебя.

Э д и п

Тебе свое измученное тело,
Как дар, несу. Оно убого с виду,
Но более в нем пользы, чем красы.

Т е с е й

Какую ж пользу мыслишь принести?

Э д и п

Еще не срок, со временем узнаешь.

Т е с е й

Когда же польза дара станет явной?

Э д и п

Когда умру и погребешь меня.

Т е с е й

580 Ты про конец сказал, а середина?
Иль жизнь уже не ставишь ни во что?

Э д и п

Всю жизнь мою конец ее венчает.

Т е с е й

Однако же немногого ты просишь!

Э д и п

Знай: ждет тебя немалая борьба.

Т е с е й

Борьба со мною сыновей твоих?

Э д и п

Они хотят забрать меня насильно.

Тесе́й

Тебе ж отраднее не быть в изгнание!

Эди́п

О, я хотел,— они мне отказали!

Тесе́й

Безумец! В горе неуместен гнев.

Эди́п

590 Сперва узнай, потом давай советы!

Тесе́й

Так расскажи. Не зная, замолчу.

Эди́п

Тесей, беду терпел я за бедой.

Тесе́й

Ты говоришь о родовом проклятье?

Эди́п

О нет!— о нем и так кричат в Элладе.

Тесе́й

О чем же ты страдаешь так безмерно?

Эди́п

Узнай: я изгнан из родной земли
Детьми родными — и назад вернуться
Мне невозможно: я убил отца.

Тесе́й

Зачем же звать, коль жить придется врозь?

Эди́п

600 Их принуждает голос божества.

Тесе́й

Каких же бед предвещанных страшатся?

Э д и п

Вот этот край им гибелью грозит.

Т е с е й

Что ж помешает дружбе между нами?

Э д и п

О милый сын Эгея! Только боги
Ни старости не ведают, ни смерти.
Все прочее у времени во власти.
Скудеет почва, и слабеет тело,
Сменяется доверье недоверьем,—
И в чувствах не бывают неизменны
610 Ни к другу друг, ни к граду град,— узнают
Когда-нибудь всю горечь неприязни,
А после вновь почувствуют приязнь.
К тебе сегодня благосклонны Фивы,
Но время бесконечное без счета
Ночей и дней родит в своем теченье,
И, рано ль, поздно ль, давнюю приязнь
Сразит копые из-за пустого слова.
Тогда мой прах, в сырой могиле спящий,
Напьется, хладный, их горячей крови,
620 Коль Зевс есть Зевс и правду молвил Феб.
Но говорить не должно нам о тайне.
Дозволь не продолжать. Будь верен слову —
И никогда не скажешь про Эдипа,
Что он напрасно принят был тобой.
А коль не так,— обманут я богами!

Х о р

Царь, он давно все то же повторяет,
Что будто пользу принесет Афинам.

Т е с е й

Кто ж благосклонностью такого мужа
Пренебрежет? Во-первых, не погаснет
630 Вовек очаг взаимной нашей дружбы.
Затем, к богиням он пришел — молящий —

На благо всей стране моей и мне.
Нет, милости его я не отвергну,
У нас в стране я старца поселю.
Коль здесь приятно гостю, для охраны
Побудьте с ним. Иль пусть идет со мной.
Чего желаешь, сам реши, Эдип,—
А я с тобой заранее согласен.

Э д и п

Будь благ, о Зевс, ко всем ему подобным!

Т е с е й

640 Чего же хочешь ты? Ко мне пойдем?

Э д и п

Когда б я мог... Но здесь, на этом месте...

Т е с е й

Что будет здесь?— на все согласен я.

Э д и п

Здесь победить я должен тех, кем изгнан.

Т е с е й

Нам дар великий жизнь твоя у нас.

Э д и п

Но только твердо слово соблюдай.

Т е с е й

Доверься мне: я не предаю тебя.

Э д и п

Ты не бесчестный, клятвы мне не надо.

Т е с е й

Она тебе не больше даст, чем слово.

Э д и п

Что ж ты предпримешь?

Тесе́й

Что страшит тебя?

Эди́п

650 Они придут...

Тесе́й

Об этом не тревожься.

Эди́п

Меня покинув...

Тесе́й

Не учи меня.

Эди́п

Страшусь невольно...

Тесе́й

Нет, я не страшусь.

Эди́п

Угроз не знаешь...

Тесе́й

Знаю, что никто

Мне вопреки не уведет тебя.

Словами часто угрожают в гневе,

Но это — крик пустой. Вернется разум,

И вздорные угрозы отпадут.

Пускай твердят заносчиво они

660 Про твой увод, — покажется им, верь,

Нелегкой переправа бурным морем!

Совет тебе: и без моих решений

Спокоен будь, поскольку послан Фебом.

Я ухожу, но, именем моим

Хранимый здесь, ни в чем не пострадаешь.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

СТРОФА I

Странник, в лучший предел страны,
В край, конями прославленный,
К нам ты в белый пришел Колон.
Звонко здесь соловей поет
670 День и ночь, неизменный гость,
В дебрях рощи зеленой,
Скрытый под сенью
Плюща темнолистного
Иль в священной густой листве
Тысячеплодной
И вечно бессолнечной,
Зимним дыханием
Не овеваемой,
Где вдохновенный
680 Блуждает восторженно
Вакх-Дионис,
Провожаемый хором
Бога вскормивших богинь.

АНТИСТРОФА I

Здесь, небесной вспоен росой,
Беспреданно цветет нарцисс —
Пышноцветный спокон веков
Превеликих богинь венец,
И шафран золотой. Ручьи
Не скудеют, бессонны,
И льется Кефис
690 Неутомимо,
Мчится током стремительным,
Плодотворящий,
К равнине уносится
И орошает
Страну двоегрудую
Чистым теченьем.
Ее возлюбили

Муз хороводы
И Афродита
700 С золотыми вожжами в руках.

СТРОФА 2

Есть тут дерево
Несравненное,—
Не слыхал о нем
Я ни в Азии,
Ни на острове
На Пелоповом,
У дорян,—
И не сажено,
И не сеяно,
710 Самородное
Устрашение
Копий вражеских,—
И цветет у нас
В изобилии:

Сизолистая маслина,
Воскормительница детства.
И никто — ни юный возрастом,
Ни обремененный годами,—
720 Ствол ее рукой хозяйской
Не осмелится срубить.
Око Зевса-Покровителя
И Афина синевзорая
Вечно дерево священное
От гибели хранят.

АНТИСТРОФА 2

А еще у нас
В граде-матери
Есть не меньшая
Слава гордая,
Испоконная,
730 Дар великого
Божества:
То коней краса,
Жеребят краса

И прекрасный труд
Мореплавания.
Ты, о Крона сын,
Посейдон — отец,
Край прославил!

740 Здесь смирительницу пыла —
Для коня узду он создал.
И корабль на мощных веслах
Здесь впервые волей бога
Дивно по морю помчался,
Повинуясь силе рук,
На волнах заколыхался,
И его сопровождала
Стая легкая стоногая —
Нереиды — девы волн.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Антигона

750 Превыше всех хвалимая земля,
О, оправдай свою сегодня славу!

Э д и п

Что нового, дитя мое?

Антигона

Подходит

Сюда Кронт, и не один, отец.

Э д и п

О старец, дорогие, докажите
В последний раз, что буду я спасен.

Х о р

Уверен будь, спасешься. Стары мы,—
Но в нашем крае сила не стареет.

Креонт

О жители почтенные страны!
Я в ваших взорах вижу страх внезапный,
Вы смущены прибытием моим.
760 Не бойтесь же, неласковое слово
Сдержите. Я пришел не зло творить.
Я стар и знаю: предо мною град
Могущественнейший во всей Элладе.
Я послан, чтоб его — такого ж старца —
Уговорить в Кадмейский край вернуться.
Не кем-либо одним я послан, — волей
Всей общины. Как родич, я скорбел
Всех больше в граде о его несчастьях.
770 Послушайся меня, Эдип злосчастный:
Вернись домой. Все граждане-кадмейцы
Тебя зовут по праву, первый — я.
Я худшим был бы из людей, когда бы
О горе не скорбел твоим, Эдип, —
Что странствуешь несчастный, в нищете,
Скитальцем вечным со своей слугою
Единственной. Увы! Не мог я думать,
Что столько униженья ждет ее, —
Чего злосчастной не пришлось изведать!
780 Все о тебе заботясь, подаяньем
Одним живет, — в таких летах безбрачна,
И каждый-то ее обидеть может...
Увы, увы! Я ль не покрыл позором
Тебя, себя и весь наш род!.. Но если
Не скрыть греха, всем явного, о старец,
Заставь о нем забыть, доверься мне,
Вернись к родным богам, в свой град и дом,
По-дружески простившись с этим краем:
Достоин он. Но все же подобает
Чтить больше свой, — он воскормил тебя.

Эдип

790 О ты, на все способный. Ты, могущий
Сплести из правды хитростный обман,
Что затеваешь? Иль поймать меня,
Чтоб, пойманный, скорбел я большей скорбью?

В те дни, когда страдал я дома, сам
Себя казнив, когда изгнанья жаждал,
Ты милости не знал. Когда же я
Насытился неистовством своим
И сладостно мне стало дома жить,
800 Меня из града ты изгнал,— родство
Тогда тебе столь ценным не казалось!
А ныне, увидав, что этот город
И весь народ его мне друг,— задумал
Меня сманить, затем и мягко стелешь?
Поверь, никто насильно мил не будет.
Когда твою настойчивую просьбу
Не выполняют, не хотят помочь,
И вдруг потом, когда прошло желанье,
Исполнят всё,— какой же в этом прок?
810 Тогда тебе и милость уж не в милость.
Таков и твой неискренний призыв:
На слух заманчив он, на деле — дурен.
Скажу при всех,— чтоб знали, сколь ты злостен:
Меня забрать желаешь не домой,
А поселить вне стен, чтоб град от бедствий
Избавлен был, от распри с этим краем.
Не быть тому. На деле будет так:
Мой мстящий дух пребудет в их стране,
Сыны ж мои земли получат столько,
Чтоб было где обоим умереть!
820 Не больше ли, чем ты, о Фивах знаю?
Да, больше знаю, ибо достоверно
Вещал мне Феб и Зевс, отец его.
А ты сюда явился с речью лживой,
Отточенной, как лезвие меча,—
Но зла скорей достигнешь ты, чем блага.
Я знаю, мне тебя не убедить.
Ступай, а нам остаться разреши,—
И в бедах мы своей довольны долей.

Креонт

830 Как думаешь, кто больше пострадает
От наших препирательств,— я иль ты?

Э д и п

Я буду счастлив, если убедить
Не сможешь ни меня, ни этих граждан.

К р е о н т

Несчастный! Видно, ты не стал с годами
Разумнее! Не стыдно ль? — ты старик!

Э д и п

Ты говорить горазд, — но вряд ли честный
Любое дело станет защищать.

К р е о н т

Хоть много тратишь слов, — всё мимо цели.

Э д и п

А ты хоть мало говоришь, да кстати!

К р е о н т

Да, — но для тех, чей ум не схож с твоим!

Э д и п

⁸⁴⁰ Уйди — скажу за всех. Как вражье судно,
Не плавай здесь, где жить мне суждено.

К р е о н т

Их, не тебя, в свидетели зову.
Схвачу тебя — посмотрим, что ответишь!

Э д и п

Не схватишь — здесь союзники мои.

К р е о н т

Да и другое горе ждет тебя!

Э д и п

Какой еще бедой мне угрожаешь?

К р е о н т

Уже схватил я младшую твою
И прочь угнал, — теперь черед за старшей.

Э д и п

Увы мне!

К р е о н т

Скоро громче завопишь!

Э д и п

850 Взял дочь?..

К р е о н т

Сейчас и эту заберу.

Э д и п

Ужель, друзья, меня вы предадите,
Не выгоните нечестивца прочь?

Х о р

Уйди, о чужестранец,— и скорей!
Вторично ты творишь несправедливость.

К р е о н т

Довольно! Силой девушку берите,
Когда не хочет уходить добром!

А н т и г о н а

О, горе! Как спастись? О, кто поможет?
Кто — боги, люди?..

Х о р

Что творишь, пришелец?

К р е о н т

Его не трону — лишь ее возьму.

Э д и п

860 Старейшины!

Х о р

Неправ ты, чужеземец!

Креонт

Прав!

Хор

Где же право?

Креонт

Я своих беру.

Эдип

строфа

Афиняне!

Хор

Пришлец, что творишь?

Пусти деву! Прочь!

Иль с нами сразись!

Креонт

Оставь!

Хор

Нет,— коль ты,
Злодей, ищешь зла.

Креонт

Лишь тронь меня — войной ответят Фивы.

Эдип

870 Я говорил..

Хор

Эй, выпусти ее!

Креонт

Ты не хозяин, не распоряжайся!

Хор

Прочь, я сказал!

Креонт

А я сказал — иди!

Хор

На помощь! Сюда!
Колонцы, скорей!
Наш град оскорблен!
Унижен наш град!
На помощь! Сюда!

Антигона

Уводят силой... о друзья, друзья!

Эдип

Где ты, родная?

Антигона

Гонят против воли!

Эдип

880 Дочь, протяни мне руки!

Антигона

Не могу...

Креонт

Ведите же!

Эдип

О, горе, горе мне!

Креонт

Вот без обоих посохов своих
Остался ты... Коль хочешь, восставай
На родину, на близких, чей наказ
Я выполняю, хоть и царь над ними,—
По-твоему пусть будет! Только знаю:
Поймешь потом, что ныне, как и прежде,
Себе вредишь ты, с близкими враждуя
И гневом оскверняя весь свой век!

Хор
890 Остановись, пришелец!
Креонт
Руки прочь!
Хор
Не отпущу, пока их не отдашь!
Креонт
Ваш град уплатит скоро большой выкуп:
Я заберу с собой не их одних!
Хор
Что ж ты намерен сделать?
Креонт
Взять — его!
Хор
Ужасные слова!
Креонт
Но так и будет!
Хор
Коль здешний царь того не запретит.
Эдип
Бессовестный! Коснешься и меня?
Креонт
Сказал — молчать!
Эдип
О этих мест богини!
900 Уст не смыкайте мне, — вновь проклиная
Тебя, злодей! Ты свет очей украл
У глаз моих незрячих — и бежишь!
Так пусть тебе и роду твоему

Пошлет всезрящий Гелий жизнь такую,
Какою я на старости живу!

Креонт

Вы видели, колонцы? Каково?

Эдип

Все видят нас обоих, всем понятно,
Что, в деле потерпев, я словом мщу.

Креонт

Нет, не сдержусь — возьму его насильно,
Хоть я один и стал тяжел с годами.

Эдип

АНТИСТРОФА

910 О, горе мне!

Хор

Наглец чужеземец!
Пришел к нам в страну —
И что здесь творишь!

Креонт

Творю!

Хор

Град родной!
Афин гибнет честь!

Креонт

Но слабый сладит с сильным, если прав.

Эдип

Вы слышите?

Хор

Не доведет до дела...

Креонт

То может знать один лишь Зевс — не ты!

Хор

920

Но это дерзость!

Креонт

Дерзость, но стерпи.

Хор

Народ, эй, народ!
Земли всей бойцы!
Скорей все сюда!
Скорей! Их и впрямь
Схватили, ведут!

Входит Тесей.

Тесей

Что за крик? Что за смятение? Что понудило меня
Прекратить быков закланье повелителю морей,
Покровителю Колона? Говорите, знать хочу,
Для чего сюда поспешно я бежал, не чуя ног?

Эдип

930

О милый мой! — я узнаю твой голос —
Я тяжкую обиду претерпел!

Тесей

Обиду, ты? Но кто ж обидчик твой?

Эдип

Креонт... Его ты видишь, он уходит,
Отняв моих единственных детей!

Тесей

Что говоришь?!

Эдип

Вот как обижен я.

Т е с е й
(*слугам*)

Эй, слуги! Кто-нибудь пускай бежит
Скорей к тем алтарям, где я прервал моления,
И весь народ сзывает — конных, пеших,
940 Чтоб, бросив жертвы, мчались во весь дух
Туда, где две пересеклись дороги,
Перехватить похищенных девиц,
Чтоб мне не стать посмешищем пришельцу!
Бегите же! Скорее! А его, —
Впади я в гнев, какого он достоин, —
Я целым бы не выпустил из рук.
Но нет, — как здесь управствовал он сам,
Так с ним и я расправиться намерен,
И из моей не выйдет он страны,
Пока их не поставит предо мною.

(*Креонту.*)

950 Своим ты поведением опозорил
Мою страну, свою и весь свой род.
Явившись в город, чтущий правосудье,
Не знающий деяний беззаконных,
Ты пренебрег уставом государства,
Схватил, кого желал, и гонишь прочь!
Ты думал: пуст мой город или в нем
Одни рабы? И что я сам ничто?
Ты был воспитан в Фивах, и не худо, —
Там вскармливать не любят нечестивцев.
960 Тебя не похвалили б там, узнав,
Что ты мое и божеское грабил
И бедных, умоляющих угнал!
Нет, приведись мне быть в твоей стране
И полное на все имея право,
Я все ж без государя, кто б он ни был,
Людей не угонял бы; знал бы я,
Как чужаку вести себя в столице.
Ты ж недостойно свой позоришь город.
Года всё прибавляются, и ты
970 Уж старцем стал, а все рассудком скуден!
Итак, я вновь скажу, что говорил:

Чтоб кто-нибудь скорей привел девиц,—
Коль не желаешь против воли стать
Здесь поселенцем. Можешь быть уверен,
Что у меня в согласье ум и речь.

Х о р

Пришелец, видишь, до чего дошел ты?—
Твой честен род, а поступаешь гнусно.

К р е о н т

Твой город ни пустым, ни безрассудным
Я не считаю, сын Эгея, нет,—
980 А действовал я так, предполагая,
Что не охватит их такая страсть
К моей родне, чтоб силой не пускали!
Уверен был, что он — отцеубийца,
Изобличенный в браке нечестивом,
Запятнанный — не будет принят здесь.
Я знал, что есть в стране у вас премудрый
Ареопаг, который не дозволит
Таким бродягам в вашем царстве жить.
Уверен был — вот и забрал добычу.
990 Не так я поступил бы, если б он
Меня и весь мой род не проклял злобно.
Я вправе был воздать за оскорбленье.
До самой смерти не стареет гнев,
Один мертвец не знает жгучей боли.
Теперь как хочешь поступай. Я прав,
Но мне не помогли, и я бессилен
Один. Пусть возраст мой преклонен —
Еще воздам делами за дела.

Э д и п

Бесстыдный человек! Мы оба стары —
1000 Меня позоришь или сам себя?
Убийством, браком, нищетой моей
Ты укорял меня,— а я невинен!
Того желали боги... Может быть,
То их старинный гнев на весь наш род...
Во мне самом, поверь, не обнаружишь

Преступности, да и с чего бы я
Стал прегрешать во зло себе и близким?
Сам посуди: коль предсказали боги
Отцу погибнуть от своих детей,—
1010 Что ж обвинять меня? Все предрешилось,
Когда отец еще отцом мне не был,
Еще и мать меня не зачала!
Но если я, родясь себе на горе,
Повздоривши с отцом, убил его,
Не зная сам, что и над кем творю,
Ужель меня корить за грех невольный?
Тебе не стыдно заставляя меня
О браке с матерью, сестрой твоею,
1020 Вслух говорить? О нет, молчать не стану,
Коль вынудил безбожный твой язык.
Да... мать... она мне мать... О, горе, горе!
Но я не знал, не знала и она...
Потом — позор!— детей мне принесла...
Одно лишь знаю: ты по доброй воле
Меня язвишь, а грех мой был невольным,
И против воли речь о нем веду.
Я не преступник, нет, я не повинен
В кровосмешенье и отцеубийстве,
В которых злобно ты винишь меня.
1030 Ответь лишь на один вопрос: когда бы
Тебя убить задумал кто-нибудь,
Безвинного, тут рассуждать ты стал бы,
Расспрашивать, отец ли он тебе?
Жизнь каждому мила. Без оправданий
Обидчику ты, верно, отомстил бы!
Вот так и я попал в беду, ведомый
Бессмертными... Когда б вернулся к жизни
Родитель мой, и он судил бы так.
1040 Тебе ж, бесчестный, все слова пригодны,
Ты не умеешь вовремя смолчать
И вот меня коришь при этих людях!
Ты рад хвалить Тесея и Афины,
Превознося их образцовый строй,
Но ты забыл в хвалениях своих,
Что если где-нибудь в почете боги,

То этот край все страны превзошел.
А ты меня, просителя и старца,
Отсюда похищаешь с дочерьми!
1050 Вот отчего богинь я призываю
И заклинаю помощь нам подать,
Поратовать за нас!— Тогда узнаешь,
Каким мужам доверен этот град.

Х о р

Царь, странник чист: хотя его страданья
И пагубны, он помощи достоин.

Т е с е й

Довольно слов: виновники спешат,
А мы, от них страдающие, медлим.

К р е о н т

Я сам бессилен — что ж велишь мне делать?

Т е с е й

1060 Пойду с тобой,— показывай дорогу,
И если где-нибудь ты спрятал дев,
Укажешь мне. А если убегут
С добычею злодеи,— горя мало,
Погоня все равно настигнет их,
Благодарить богов им не придется!
Итак, иди вперед. Забрал добычу —
И забран сам! Охотник, ты попался!
Непрочно все, добытое коварством.
Здесь не найдешь союзников себе.
Я знаю: не один, не безоружный
1070 Решился ты на дерзостное дело,
В поддержке чьей-то ты уверен был.
Следить мне должно, чтобы город наш
Слабей, чем ты один, не оказался.
Ты понял ли? Иль, может быть, и эти
Слова мои ничтожными сочтешь?

К р е о н т

Здесь говори что хочешь, не перечу,—
Но дома буду знать, что делать мне.

Т е с е й

Грозись, но все ж иди! А ты, Эдип,
Прошу тебя, здесь оставайся с миром:
Пока я жив, покоя знать не буду,
1080 Доколь тебе детей не возвращу.

Э д и п

Благословен, Тесей, твой дух высокий
И добрая забота обо мне!

Креонт и Тесей уходят.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА 1

Если б и нам
Быть привелось,
Где скоро сойдутся бойцы
И бой меднозвонный зачнут!—
На берегу ли пифийском
Иль, может быть, там, на побережье,
1090 Где возжигаются светочи,
Там, где богини-владычицы
Таинства Смерти правят для смертных,
Чьи замыкают уста
Золотою печатью молчанья
Жрецы Евмолпиды!
Скоро, скоро Тесей воинственный
Вместе с плененными сестрами-девами
В наши пределы вернется — о, верим!—
Сопровождаемый громкими кликами,
1100 Вестью бранной
Победы желанной!

АНТИСТРОФА 1

Иль, может быть,
Мчатся они
На запад от снежной вершины
Эатской к злачным лугам.

1110 Может быть, скачут верхом
На конях быстроногих, преследуя
Дерзких, иль во всю прыть
В колесницах несутся вдогонку...
Враг посрамится! Нашей страны
Грозен Арей! Ужасны
Тесевы ратники! Бронзой
Сбруя сверкает,
Вольно отпущены вожжи у воинов.
Вот она — конница, набожно чтущая
Афину, богиню, коней возлюбившую,
И охватившего землю объятием моря
Посейдона,
Реей рожденного.

СТРОФА 2

1120 Идет ли сраженье иль битва окончена?
Тайную сердце лелеет надежду:
Девушек скоро увидим воочию,
Только униженных,
Горько обиженных,
Преданных родичем кровным своим!
Ныне великое Зевсом свершается.
Мы победим! Я победы пророк!
Если бы голубем стал я,
Несущимся бури быстрее,
1130 Взвился бы я в небеса,
Залетел бы под самое облако,
Стал бы смотреть я на бой,
Насытил бы очи борьбой!

АНТИСТРОФА 2

О вседержавный, всевидящий Зевс!
Стражам Колона пошли одоление,—
Да схватят добычу, награду трудов!
Я призываю
И дочь твою грозную,
Афину Палладу, и бога охотника
Зову Аполлона, с сестрою, несущейся
1140 За быстроногим оленем пятнистым.

Их умоляю с надеждой:
Явитесь сюда, небожители!
Ныне подайте, молю,
Свою двуединую помощь
Этому краю и всем
Его населяющим гражданам!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Х о р

О странник-гость, я — верный страж твой —
Не напророчил ложно: вон я вижу —
К нам девушки спешат, и слуги с ними.

Входят Антигона и Исмена с Тесеем
и его телохранителями.

Э д и п

1150 Где? Где? Что ты сказал?

Антигона

Отец, о, если б
Тебе послали боги видеть мужа
Достойного, что нас к тебе привел!

Э д и п

Дитя мое, вы здесь?

Антигона

Нас спас Тесей
И дорогие спутники его.

Тесея

Приблизьтесь же к отцу, чтоб он вас обнял,—
На ваш возврат он потерял надежду.

Антигона

Мы счастливы твою исполнить волю.

Э д и п

Где, где вы обе?

А н т и г о н а

Вот мы, подошли.

Э д и п

О милые!

А н т и г о н а

Отцам все дети милы!

Э д и п

1160 Два посоха моих!..

А н т и г о н а

Две злополучных
Опоры злополучного!..

Э д и п

Ты вновь

Со мной... Теперь и умирать не тяжко.
Ко мне прижмитесь, дети, с двух сторон,
Прильните крепче, отдохните обе
От горького скитанья своего
И расскажите вкратце все, как было,—
Вам, молодым, довольно кратких слов.

А н т и г о н а

Вот наш спаситель, дело сделал он,—
Пусть сам расскажет. Я сказала все.

Э д и п

1170 Друг, не дивись, что я с детьми так долго
Беседую,— я их уже не ждал.
О, знаю, знаю: этой я отрадой
Тебе обязан, никому другому.
Ведь ты их спас! О, да пошлют тебе
Бессмертные, как я того желаю,
Добра во всем с твоей страной вместе!

У вас одних нашел я благочестье,
И человеколюбье, и правдивость.
1180 Мои слова — твоим делам ответ.
Ты все мне дал, из всех людей один.
Царь, протяни мне руку для пожатья!
Дозволь, и в лоб тебя я поцелую.
Что говорю?.. Как я, в моем злосчастье,
Грехами оскверненный, мог желать,
Чтоб ты меня коснулся! Нет, я сам
Не допущу... Меня касаться может
Лишь тот, кто столь же бедственен, как я.
А ты прими отсюда мой привет!
И обо мне заботься впредь, как ныне.

Т е с е й

1190 Что говорил ты долго, услаждаясь
Присутствием детей, я не дивлюсь,
И что охотней с ними, чем со мной,
Беседовал, ничуть мне не обидно.
Ведь не в словах, а в действиях своих
Мы полагаем славу нашей жизни.
И подлинно: свою сдержал я клятву,
Тебя не обманул я, старец, дев
Привел к тебе живых и невредимых.
А как я победил... к чему хвалиться?
1200 Тебе расскажут сами как-нибудь.
Но есть иное... Я узнал об этом,
Как шел сюда. Мне нужен твой совет.
Пустая весть, но дивная... Ничем
Пренебрегать не должно человеку.

Э д и п

О чем ты говоришь, о сын Эгея?
Неясно мне, что разумеешь ты.

Т е с е й

Какой-то муж, не только твой земляк,
Но родственник, сказали мне, сидит
У алтаря во храме Посейдона,
1210 Где только что я жертвы приносил.

Э д и п

Откуда он? О чем он умоляет?

Т е с е й

Одно лишь знаю: просит он беседы
Короткой и не тягостной с тобой.

Э д и п

О чем же? К алтарю припасть — не малость!

Т е с е й

Он будто бы поговорить лишь просит
И после безопасно прочь уйти.

Э д и п

Но кто же он, сидящий там, во храме?

Т е с е й

Нет у тебя родных среди аргосцев,
Кто мог бы этой милости молить?

Э д и п

1220 О друг... ни слова больше!..

Т е с е й

Что такое?

Э д и п

Не спрашивай...

Т е с е й

О чем ты?.. Объясни!

Э д и п

Теперь я знаю, кто проситель этот...

Т е с е й

Но кто же он? Мне, видимо, он недруг?

Э д и п

Он... он — мой сын... да, сын мой ненавистный!
Он, как никто, мне истерзает слух.

Т е с е й

Ты можешь выслушать, но поступить
По-своему. Послушать разве трудно?

Э д и п

Мне, государь, его несносен голос...
Нет, уступить не принуждай меня.

Т е с е й

1230 Он, умоляя, к алтарю припал...
Иль почитать богов ты не обязан?

А н т и г о н а

Отец, послушай,— хоть давать советы
Я молода,— о, пусть себе и богу
Царь совершит угодное! Дозволь,
Чтоб брат пришел, мою исполни просьбу.
Нет, не нарушит он твоих решений,
Во вред тебе не станет речь вести.
В уроне ль будешь, выслушав его?
Злой умысел всегда в словах приметен...
1240 Он сын тебе, и пусть еще сильнее
Тебя он оскорбил бы,— все ж, отец,
Злом отвечать на зло не подобает.
Склонись же! В гневе на дурных детей
Другие все же внемлют увещаньям,
Слова друзей заворожают их.
Вглянись назад, бывшее вспомни горе,
Как пострадал ты чрез отца и мать,
И ты поймешь, отец,— я твердо верю,—
Куда ведет упорствующий гнев.
1250 Тебе об этом стоит поразмыслить,—
Тебе, навеки ставшему слепцом.
О, уступи! Кто о законном просит,
Просить не должен длительно. На благо
Нам подобает благом отвечать.

Э д и п

И сладко мне и тяжело, дитя,
Что побежден я вашими словами...
Да будет все по-вашему. Но, друг...
Как он придет... здесь не убьют меня?

Т е с е й

1260 Не повторяй, не бойся,— знаю все.
Я не хвалюсь, но верь, не пострадаешь,
Доколе сам богами я храним.

(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

СТРОФА

Тот, кто жаждет свой век продлить,
Мерой дней не довольствуясь,—
Говорю не колеблясь,— тот
Не лишен ли рассудка?
Что нам долгие дни! — Они
Больше к нам приведут с собой
Мук и скорби, чем радостей.
1270 Если пережил ты свой век,
Позабудь наслажденья!
Срок придет, и всех сравняет,
Лишь раздастся зов Аида,
Песен, плясок, лир чужда,
Смерть, всему скончанье.

АНТИСТРОФА

Не родиться совсем — удел
Лучший. Если ж родился ты,
В край, откуда явился, вновь
Возвратиться скорее.
1280 Так, лишь юность уйдет, с собой
Время легких умчав безумств,

Мук каких не познаешь ты,
Злоключений и горестей?
Зависть, смута, раздоры, брань
И убийства... А в конце,
И убога и бессильна,
Встретит старость одинокая,
Всем бедам беда!

эпод

1290 Стар не я один, страдалец тоже стар.
Как на севере, зимою, в море мыс
Оговсюду волн прибоем потрясен,
Так и старца злосчастливого,
Словно ярость валов морских,
Грозных множество бед потрясает всечасно,—
То с востока прибой гремит,
То подыметя с запада,
То от полуденных светлых стран,
То от гор Рифейских полуночных!

ЭПИСОДИИ ЧЕТВЕРТЫЙ

Антигона

1300 Тот иноземец в самом деле к нам
Как будто приближается, отец,
Один, без провожатых, весь в слезах.

Эдип

Но кто же он?

Антигона

Он тот, кто непрестанно
У нас в душе: к нам Полиник подходит.

Полиник

Увы! Как быть? Что раньше мне оплакать —
Свою ль беду иль бедствие отца?
Его я вижу — старца — на чужбине,

Изгнанника, с одними вами, сестры,
В одежде жалкой, в мерзостной грязи,
Что с ним срослась, на старике состарясь,
И ест ему бока. А он — безглазый
1310 И с космами, взлохмаченными ветром!
Я думаю, что в сумке у него,
Несчастливого, не лучше и еда.
Как я об этом поздно узнаю —
Злосчастнейший! Я худший из людей,
Коль так живет отец мой... О себе
Я сам скажу. Но Милость, рядом с Зевсом
Сидящая, с тобой да станет рядом!
Я искупить грехи еще могу,
1320 Но к ним добавить новых — невозможно...
Молчишь?..
Скажи хоть слово и не отвращайся!
Не говоришь? Ужель прогонишь сына
Сурово, молча, скрыв причину гнева?
О дети моего отца, вы, сестры,
Хоть вы бы постарались разомкнуть
Отца неумолимые уста,
Чтобы меня, обнявшего алтарь,
Он не прогнал с позором, без ответа!

Антигона

Скажи, зачем, несчастный, ты явился?
1330 Пускай польется речь на радость нам,
В нас пробуждая жалость или скорбь,
И, может быть, заговорит безмолвный.

Полиник

Все расскажу, — хорош совет. Сперва же
В заступники я бога призову.
Меня послал от алтаря его
Властитель здешний, мне дозволив с вами
Поговорить и мирно удалиться.
Да будет так, прошу вас, чужестранцы,
Отец и сестры, — всех о том прошу.
1340 Скажу, зачем явился я, отец:
Я из страны своей родимой изгнан.

Хотел я сесть на царский твой престол,
Поскольку я годами старше брата,
Но Этеокл, хоть возрастом моложе,
Меня прогнал. Не убедил словами
И силою меня не одолел,—
Уговорил фиванцев! О, я вижу,
Эриния твоя всему виной,—
Гадатели мне то же говорили.
1350 И вот в дорийский Аргос прибыл я,
Женился там на дочери Адраста
И в клятвенный союз вступил со всеми,
Кто меж апийцев славится копьем,—
Чтоб, двинувшись походом в семь отрядов
На Фивы, или пасть в честном бою,
Иль из родной земли изгнать виновных.
Но для чего я здесь? И от себя
И от лица союзников моих
Тебя молю о помощи, отец,—
1360 Молю за тех, что обступили Фивы
Семью полками копьеносных войск:
Амфиарай-копьеметатель — первый,
Толкующий искусно птиц полет,
Второй там — этолиец, сын Энеев,
Тидей, а третий — Этеокл, аргивец.
Четвертый — посланный отцом Талаем,
Гиппомедонт. А пятый — Капаней,—
Разрушить он и сжечь берется Фивы!
Шестым спешит сын верный Аталанты,
1370 Партенопей, аркадец, чье прозвание
От долгого девичества ее.
А я, твой сын,— нет, порожденье рока
Жестокого, лишь названный твоим,
Веду на Фивы строй неустрашимый
Аргивян. Ныне дочерьми и жизнью
Тебя мы заклинаяем все, отец:
Смири свой гнев на сына; он стремится
Меньшому брату отомстить, который
Изгнал его и родины лишил.
1380 Ведь ежели правдивы прорицанья
И ты поддержишь нас — мы одолели!

Молю тебя ручьями и богами
Родимых Фив — не гневайся, склонись!
Ведь я, как ты, здесь чужестранец нищий.
Живем мы оба милостью людей,
И наш удел сегодня одинаков.
А он — владыкой в Фивах! Горе мне!
Кичится он, над нами там смеется.
Но если ты со мною заодно,
1390 Его я мигом, без труда низвергну,
Вновь водворю тебя в твои палаты
И сам вернусь домой, изгнав врага.
Твое согласие принесет мне славу,
А без тебя мне не бывать в живых.

Х о р

Уважь, Эдип, пославшего его.
Подай ему совет — и отпусти.

Э д и п

Нет, граждане, когда б не царь Тесей
Послал его, как видно, полагая,
1400 Что он достоин выслушать меня,—
Он от меня ни звука б не услышал.
Теперь же удостоится ответа,
Которому едва ли будет рад.
Твоими, гнусный, были трон и скипетр,
Которыми владеет ныне брат;
Отца ведь ты же выгнал, ты повинен,
Что на чужбине в рубище хожу.
Теперь ты плачешь, видя это: сам
Попал в беду, как твой отец несчастный.
1410 Но я не плакать буду, а терпеть —
Тебя, отцеубийцу, поминая.
Через тебя я в бедствие был ввергнут,
Через тебя скитальцем нищим стал,
Чужих людей прошу о пропитанье.
Не будь отцом я этих дочерей,
Моих кормилиц верных, я бы умер.
Не ты — они теперь меня спасают.
Не девушки они, они — мужчины

При мне, страдальце. Вы же — оба брата —
1420 Мне не сыны. Не так еще твой Рок
Посмотрит на тебя, едва лишь к Фивам
Рать ваша подойдет. Ты никогда
Не опрокинешь града, сам падешь,
Запятнан братской кровью, вместе с братом.
На вас и раньше я призвал проклятья,
И ныне их в союзники зову,
Чтоб чтить вы научились вас родивших
И не стыдились старого слепца.
Нет, дочери мои не таковы!
1430 Проклятия падут на твой престол,
Коль в небе место есть исконной Правде,
Блюстительнице Зевсовых законов.
Ты ж уходи, отвергнутый отцом,
Презренный, гнусный, унося проклятья,
Мной призванные! Ты не покоришь
Родной земли, но и в долинный Аргос
Не возвратишься. Умертвишь ты брата,
Обидчика, и будешь им убит.
Клянусь тебя — и древний черный Тартар,
Ужаснейший, зову тебя принять.
1440 Я сих богинь зову, зову Арея,
Внушившего вам злобную вражду.
Я кончил. Уходи. Придя под Фивы,
Кадмейцам всем и всем своим аргосцам-
Союзникам скажи, какими их
Дарами оделил слепец Эдип.

Х о р

И раньше, Полиник, я не был рад,
Что прибыл ты. Теперь — уйди скорее!

П о л и н и к

Увы! Злосчастный путь. Надежд погибель!
1450 Увы, друзья! И вот конец походу
Из Аргоса на Фивы! Горе мне!
Союзникам сказать нельзя об этом
И отступить назад уже нельзя.
В безмолвии судьбу я должен встретить.

О сестры, сестры, дочери его,
Вы слышали отцовские проклятья.
Молю богами! Ежели они
Исполнятся и вы домой вернетесь,
Родного брата не лишайте чести:
1460 Могильный холм насыпьте надо мной.
Так похвалу, которой вы достойны
За подвиг ваш, свершенный для отца,
Удвойте, исполнив просьбу брата.

Антигона

Молю, меня послушай, Полиник!

Полиник

Что скажешь, дорогая Антигона?

Антигона

Верни войска — притом скорее! — в Аргос
И сам себя и город не губи.

Полиник

Нет, невозможно. Не смогу я снова
Вести войска, коль выкажу боязнь!

Антигона

1470 Зачем же гневу поддаваться вновь?
Какая польза родину разрушить?

Полиник

Но стыдно мне бежать и поношенье
Мне — старшему — от младшего сносить.

Антигона

Не видишь, что пророчество отца
Свершится и что сгубите друг друга?

Полиник

Так хочет брат, — мы уступить не можем.

Антигона

Ах, горе мне! Кто ж за тобой пойдет,
Пророчества отца заране зная?

Полиник

Довольно про худое! Добрый вождь
О лучшем, не о худшем должен думать.

Антигона

1480 Ты, стало быть, решил бесповоротно...

Полиник

Не уговаривай. Отцом я проклят,
И гнев его Эриний неизбежен,
Мне путь один — к гибели моей.
А вам пусть Зевс воздаст, коль ублажите
Покойника, — я не вернусь живым.
Пустите же меня. Прощайте. Нам
Не свидеться вовеки.

Антигона

Горе мне!

Полиник

Не плачь о брате.

Антигона

Ты в Аид стремишься
Прямым путем — о, как же не стенать?

Полиник

1490 Коль суждено — умру.

Антигона

Внемли совету.

Полиник

Твои, сестра, напрасны убежденья.

Антигона

Увы! Тебя должна я потерять!

Полик

Исход решится небом. Вы же, сестры,—
Молю богов,— не знайте в жизни бедствий,
Вам не за что страдать — то ясно всем.

КОММОС

Хор

СТРОФА 1

Много тяжких новых бедствий,
Если рок не переменится,
Принесет старик-слепец.
1500 Все решения бессмертных
Непреложны; волю божью
Время вечное блюдет.

Постепенно
Иль мгновенно
Тех повергнет,
Тех взнесет.

Гром грянул,— о Зевс!..

Эдип

О дети, дети,— если б кто-нибудь
К нам доброго позвал сюда Тесея...

Антигона

Но для чего нам звать его, отец?

Эдип

1510 Крылатый Зевсов гром меня к Аиду
Сейчас умчит. Скорей же посылайте!

Хор

АНТИСТРОФА 1

Снова гром великий грянул,—
Пал с небес удар неслыханный.
Шевелятся волосы.

В сердце трепет. Вновь пылает
В небе молния. Какой же
Нам сулит она исход?
Страшно мне.
Огонь небесный
1520 Не ударит
Без беды.
О небо!.. О Зевс!..

Э д и п

О дети, близок богом возвещенный
Моей кончины час. Возврата нет.

А н т и г о н а

Как можешь знать, отец? Откуда видишь?

Э д и п

Я твердо знаю. Только пусть скорее
Ко мне страны владыку приведут.

Х о р

СТРОФА 2

Вновь оглушающий гремит
Со всех сторон раскат.
1530 Будь милостив, о Зевс, молю!
Будь милостив, о Зевс!
И если готовишь ты бедствия родине,
Помилуй! Молю, чтоб увидели в страннике
Мы доброго друга, не злого преступника,
Чтоб дара в ущерб себе ныне не приняли,
О Зевс, я взываю к тебе!

Э д и п

Он близко ли? Застанет ли меня
Еще в живых, еще в рассудке здравом?

А н т и г о н а

Какой завет ему открыть ты хочешь?

Э д и п

1540 За все добро, содеянное им,
Хочу ему воздать по обещанью.

Х о р

АНТИСТРОФА 2

О сын! Хотя б ты освящал
Закланием быков
Алтарь властителю морей
На берегу крутом —
Приди! Этот странник теперь собирается
И нам, и тебе, и всем жителям города
Великой в ответ заплатить благодарностью
1550 За все то добро, что ему оказали мы.
Скорей же, о царь, не замедли!

Входит Тесея.

Тесея

Из-за чего тут вновь поднялся шум —
Народа крик и голос чужестранца?
Иль молния ударила, иль град
Обрушился? Когда такая буря
Ниспослана от бога, жди всего.

Э д и п

Царь, ты пришел... Тебя я жаждал видеть,—
Ты приведен, наверно, божеством.

Тесея

Но что случилось вновь, о чадо Лая?

Э д и п

1560 Мой срок настал. Я умереть хочу,
Исполнив свой обет тебе и граду.

Тесея

Или ты видишь знаки близкой смерти?

Э д и п

Бессмертные мне сами возвещают
Конец. Не ложны знаменья богов.

Т е с е й

Но в чем ты, старец, видишь волю божью?

Э д и п

В раскатах непрерывных, в блеске молний,
Бросаемых необоримой дланью.

Т е с е й

Ты прав, тебе я верю. Ты о многом
Пророчишь правду. Что же делать нам?

Э д и п

1570 Узнай же, сын Эгея, что избавит
От скорби и упадка город твой.
С тобой, без провожатого, отправлюсь
Туда, где умереть мне должно. Людям
Не сказывай, где прах мой упокоен,
В каком пределе погребен. Надежней
Щитов и многих копий от соседей
Он защитит страну твою. Ты сам,
Когда один придешь на это место,
Неизреченной тайны смысл поймешь.
1580 Ни гражданам ее я не открою,
Ни даже дочерям моим любимым.
Храни ее. Когда же подойдешь
К пределу жизни, тайну передай
Наследнику,— да будет так и впредь.
И никогда твой город не разрушат
Драконовы потомки. От врагов
И мудрое правленье не избавит.
Порою медлит божье правосудье,
Но не щадит безбожного безумца.
1590 Подобных зол не ведай, сын Эгея!
Но для чего ученого учить?

Пора... Идем туда без колебанья...
Я понуждаем волей божества.
За мной идите, дочери. Не вы,
А я теперь вожатый вам неожиданный.
Не прикасайтесь. Следуйте. Я сам
Найду свою священную могилу,
Где мне лежать назначено. Сюда,
За мной, сюда... Меня ведет Гермес —
1600 Водитель душ — с богиней преисподних.
Свет, мной незримый, мне сиявший прежде,
В последний раз коснись меня, слепца!
Кончаю жизнь, иду ее сокрыть
В Аиде. Друг мой лучший на чужбине!
Отныне благоденствуйте — и ты,
И все тебе подвластные, и край —
И помните в своем благополучье,
В блаженстве вечном, мертвого меня.

Эдип и Тесей уходят.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р

СТРОФА

Если можно богиню, очам недоступную,
1610 Чтить в молитвах и с нею тебя, Айdoneй,
Айdoneй, царь теней,—
Я молю: да сойдет безболезненно, благостно
Чужестранец к подземным равнинам стигийским,
В дом, скрывающий всех.
Много напрасных он бед претерпел —
Ныне бог справедливый
Снова возвысит его.

АНТИСТРОФА

О богини подземные! Всех побеждающий
Зверь чудовищный! Ты, что у людных ворот
Перед входом лежишь,

1620 Из пещеры свирепо рыча, ты, Андова
Обиталища страж, с кем бороться нет сил!
Мрака дочь и Земли!
Новому гостю дозволь снизойти
Мирно в обитель умерших,—
Вечный дарящая сон!
Входит вестник — слуга Исмены.

ЭКСОД

Вестник

Сограждане, желая кратким быть,
Могу сказать одно: Эдип скончался!
Однако там не скоро все свершалось,
И коротко о том не рассказать.

Хор

1630 Так он погиб, страдалец?

Вестник

То бесспорно:
Он навсегда покинул эту жизнь.

Хор

Как? Волею бессмертных? Без мучений?

Вестник

О да! То было истинное чудо...
Как он ушел отсюда, знаешь сам,
Ты был при нем. Он шел без провожатых,—
Напротив, сам показывал нам путь.
Когда же подошел к крутому спуску,
Где медные ступени в глубь земли
Ведут, остановился на распутье,
1640 У самой той скалистой котловины,
Где Перифой с Тесеем поклялись

В навечной верности. Он стал меж нею,
Скалою Форики, дуплистой грушей
И каменной гробницей. Там он сел,
И смрадные свои одежды сбросил,
И, кликнув дочерей, велел достать
Воды — омыться и для возлияний.
Они пошли на видный издалека
1660 Деметры холм, блюстительницы всходов,
Потом, как он желал, его омыли
И в белое одели, по обряду.
Когда же все свершили до конца
И просиял он радостью, внезапно
Взгремел подземный Зевс, и обе девы
Затрепетали. И, припав к коленам
Родителя, слезами залились,
В грудь стали бить себя и завопили.
А он, услышав скорбный голос их,
1660 Обоих обнял и промолвил: «Дети!
Сегодня жизнь кончается моя,
Я умираю, мой конец пришел.
Избавьтесь от бремени забот —
Нелегких, знаю... Но коротким словом
Страданья все утешить я могу:
Я вас любил, как не любил никто...
Отныне я у вас навеки отнят,
Вы без меня свой доживете век».
Так все втроем, друг к другу прижимаясь,
Рыдали. А когда примолкли стоны
1670 И перестал звучать их горький вопль,
Настала тишина. И некий голос
Позвал его, и волосы у всех
Зашевелились, все стояли в страхе.
И многократно, ясно бог воззвал:
«Эдип, Эдип, что медлишь ты идти?
И так уже ты запоздал намного!»
И, услышав призывный голос бога,
Он подозвал царя Тесея. Тот
1680 Приблизился, и старец молвил: «Милый!
В знак верности моим дай руку детям.
Вы, дети, также. Поклянись, что их

Ты не оставишь и всечасно будешь
О благе их заботиться, как друг».
Тот обещал. Тогда, детей не видя,
Он, руки протянув, коснулся их
И молвил: «Дети, будьте тверды духом,
Отсюда удалитесь, не просите
О том, что видеть и внимать не должно.
Скорее же! Пусть лишь Тесей по праву
1690 Останется при мне и знает все».
Так он сказал. И, выслушав его,
Мы с девушками вместе, все в слезах,
Ушли. И лишь немного удалившись,
Назад оборотились вновь — и видим:
Уж нет его на месте том, один
Стоит Тесей, рукою заслоня
Глаза свои, как будто некий ужас
Возник пред ним, невыносимый зренью.
А вскоре видим — он, к земле склонясь,
1700 И к ней и к дому всех богов — Олимпу
Единую молитву обратил.
Но как Эдип скончался, рассказать
Никто не может — лишь один Тесей.
Ни огненная молния богов
Его не похищала, ни от моря
Вдруг вставший вихрь его не уносил.
Присутствовал ли там богов посланец?
Иль каменные недра перед ним
Земля сама приветливо разверзла?
1710 Так, без стенаний, горести и мук
Пропал Эдип, всех более из смертных
Достойный изумленья... Кто сочтет
Безумной речь мою, тот сам безумен!

Х о р

А где же девы и друзья, что с ними?

В е с т н и к

Невдалеке. Уж раздаются вопли,
Нам возвещая, что они подходят.

Антигона

СТРОФА 1

Увы! Оплачем нашу долю,
 Мы, дочери преступной крови
 Отца несчастного, с которым
 1720 Терпели годы тяжких бед.
 Вослед столь многим испытаньям
 Неисчислимы невзгоды
 Еще терпеть нам предстоит.

Хор

Что случилось?

Антигона

Милые, не трудно догадаться...

Хор

Он умер?

Антигона

Умер он для всех желанной смертью...
 Да, его не погубила
 Ни война, ни бездна моря.
 Принят он равниной темной...
 Смерть таинственно пришла.
 1730 Горе, горе мне! Зловещая
 Тьма на очи нам легла...
 Как же будем мы отныне
 Одинок на чужбине
 Или на море бушующем
 Жизнь посылаю влачить?

Исмена

И не знаю... О, когда бы
 Даровал Аид жестокий
 Умереть с родимым вместе
 Мне, несчастной! Нестерпима
 1740 Стала ныне жизнь моя.

Хор

Добродетельные сестры!
Не рыдайте безутешно,
Полно! Милостивы боги,—
Не пристало вам роптать.

Антигона

АНТИСТРОФА 1

Увы, мне жаль былых страданий,
Немилых дней — и все же милых.
Лишь обниму его, бывало...
Отец мой! Милый мой отец,
1750 Подземной тенью облаченный!
Навек останешься любимым
И для нее и для меня!

Хор

Он все исполнил?

Антигона

Да, как сам того желал он.

Хор

Чего же он желал?

Антигона

В чужой земле скончаться.

Успокоился навеки
Под благой могильной сенью,
Нам оставив скорбь и стоны.
Льются слезы из очей.
О тебе, отец, я плачу.
1760 Нет конца тоске моей?
Как утешусь я, несчастная?
Ах, зачем, отец, ты умер
На чужбине, в одиночестве,
У меня не на руках?

И с м е н а

Горе, горе мне, злосчастной!
О сестра моя родная!
Ты подумай, что за доля
Нас обеих ожидает,
Одиноких, без отца!

Х о р

1770 Полно, милые: блаженно
Развязал он узел жизни.
Не горюйте же: несчастья
Не избегнет человек.

А н т и г о н а

СТРОФА 2

Вернемся, милая...

И с м е н а

Зачем?

А н т и г о н а

Я рвусь душой увидеть...

И с м е н а

Что?

А н т и г о н а

Его приют подземный.

И с м е н а

Чей?

А н т и г о н а

Отца. О, горе мне, несчастной!

И с м е н а

Но разве можно? Неужели
Не знаешь ты...

Антигона

Попрек я слышу?

Исмена

...Что наш отец...

Антигона

Опять попрек?

Исмена

1780 ...Вдали от всех, без гроба умер.

Антигона

Веди меня — и там убей.

Исмена

Ах! Как же мне с новым несчастьем,
Беспомощной, сирой, покинутой,
Влачить свою горькую жизнь?

Хор

АНТИСТРОФА 2

Не бойтесь же...

Антигона

Куда бежать?

Хор

Вы спасены уже.

Антигона

Но как?

Хор

Теперь вам не грозит беда.

Антигона

Я думаю...

Хор

О чем, скажи.

Антигона

1790 Не знаю, как теперь вернемся
На родину.

Хор

Забудь об этом.

Антигона

Томлюсь...

Хор

И ранее томилась!..

Антигона

Теперь страдаю свыше меры.

Хор

Обширно море ваших бед.

Антигона

О Зевс! О, куда нам деваться?
Каких же теперь обещаний
Нам ждать от бессмертных богов?

Тесей

Перестаньте, о девушки, плакать! Над тем,
Что всеобщее благо стране принесет,
Безутешно рыдать — нечестиво.

Антигона

1800 Сын Эгея, с мольбой припадаем к тебе.

Тесей

Что вам, дети? О чем умоляете вы?

Антигона

Разреши нам увидеть могилу отца
Самолично, своими глазами!

Тесей

Нет, запретного просишь.

Антигона

Что молвил ты, царь, повелитель Афин?

Тесей

Нет, о дети мои, он наказывал сам,
Чтобы к этому месту никто подходить
Не дерзнул, чтобы вслух не молился никто
У могилы, где он упокоен. Сказал:
1810 Если честно святой соблюдете завет,
Знать не будут печали Афины мои.
И бессмертные вняли усердным мольбам
Вместе с Зевсом, всевидящим богом.

Антигона

Так сказано было покойным отцом,
Да будет же воля его. Отошли
Нас в древние Фивы,— быть может, еще
Успеем от братьев своих отвратить
Обоим грозящую гибель.

Тесей

Исполню и это и все, что смогу,
1820 Для вашего блага и ради него,
Сошедшего ныне в подземный приют,
Усилий жалеть я не стану.

Хор

Довольно рыданий и слез! Надлежит
Замолкнуть. Воистину слово его
Пребудет вовек нерушимо.

АНТИГОНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антигона.

Исмена.

Хор фиванских старейшин.

Креонт.

Страж.

Гемон.

Тиресий.

Евридика.

Вестник.

Вестник 2-й.

ПРОЛОГ

Антигона

Сестра моя любимая, Исмена,
Не знаешь разве, Зевс до смерти нас
Обрек терпеть Эдиповы страдания.
Ведь нет такого горя иль напасти,
Позора иль бесчестия, каких
С тобой мы в нашей жизни не видали.
А нынче в городе о чем толкуют?
Какой указ царем Креонтом дан?
Ты что-нибудь слыхала? Или ты
10 Не знаешь о беде, грозящей брату?

Исмена

Нет, Антигона, никаких я слов,
Ни радостных, ни горьких, не слыхала
С тех пор, как пали оба наши брата,
Друг друга в поединке поразив.
Лишь знаю, что ушло аргивян войско
Сегодняшнею ночью, — вот и все.
Не лучше мне от этого, не хуже.

Антигона

Я знала, потому из врат дворцовых
И вызвала — сказать наедине.

Исмена

20 В чем дело? Вижу, весть твоя мрачна.

Антигона

Чтит погребеньем одного из братьев
Креонт, а у другого отнял честь.
Он Этеокла в землю по обряду
Сокрыл, и тот Анда стал достоин.
Злосчастного же тело Полиника
Он всем через глашатая велит
Не погребать и не рыдать над ним,
Чтоб, не оплакан и земле не предан,
Он сладкой стал добычей хищным птицам.
30 Как слышно, сам Креонт по доброте
Тебе и мне — да, мне! — о том объявит.
Сюда идет он возвестить приказ
Не знающим его, считая дело
Немаловажным,— и ослушник будет
Побит камнями перед всем народом.
Теперь ты знаешь и покажешь скоро,
Ты благородна иль низка душой.

Исмена

О бедная сестра! Но что мне делать?
Могу ли я помочь иль помешать?

Антигона

40 Поможешь ли ты мне? Со мной ли будешь?

Исмена

В каком же деле? Что ты замышляешь?

Антигона

Ты мертвого поднимаешь ли со мною?

Исмена

Похоронить? Но это под запретом...

Антигона

И за себя и за тебя для брата
Все сделаю, ему останусь верной.

И с м е н а

О дерзкая! Креонту вопреки?

А н т и г о н а

Он у меня не волен взять мое.

И с м е н а

Увы, сестра, подумай: наш отец
Погиб, отвержен, презираем всеми,
50 Свои разоблачивши преступленья
И очи вырвав сам, своей рукой.
И мать-жена — два имени единой! —
С позором в петле кончила свой век.
И оба наших брата злополучных,
Кровь братскую пролив своей рукой,
Друг друга одновременно убили.
Теперь — подумай — как, одни оставшись,
Погибнем бедственно и мы с тобой,
Закон нарушив и царя веленье?
60 Мы женщинами рождены, и нам
С мужчинами не спорить, — помни это.
Над нами сильный властвует всегда,
Во всем — и в худшем — мы ему покорны.
И потому Подземных умоляю
Я, подневольная, о снисхожденье.
Я буду подчиняться тем, кто властен:
Нет смысла совершать, что выше сил.

А н т и г о н а

Просить не стану: мне твое участие
Не надобно, хотя б ты и желала.
70 Что хочешь делай — схороню его.
Мне сладко умереть, исполнив долг.
Мила ему, я лягу рядом с милым,
Безвинно согрешив. Ведь мне придется
Служить умершим дольше, чем живым.
Останусь там навек. А ты, коль хочешь,
Не чти законов, чтимых и богами.

Исмена

Всегда бессмертных чтила я, но все же
Я против воли граждан не пойду.

Антигона

80 Что ж, и не надо: я пойду одна
Земли насыпать над любимым братом.

Исмена

Как за тебя, несчастную, мне страшно!

Антигона

Не бойся! За свою судьбу страшишься.

Исмена

Но только никому не говори,
Держи все в тайне,— промолчу и я.

Антигона

Нет, доноси! Мне станешь ненавистней,
Коль умолчишь, чем если скажешь всем.

Исмена

Ты сердцем горяча к делам ужасным.

Антигона

Служу я тем, кому служить должна.

Исмена

О, если б так! Ты хочешь, да не можешь.

Антигона

90 Без сил паду, но все же сделав дело.

Исмена

За безнадежное не стоит братьяся.

Антигона

Ты ненавистна мне с такою речью,
И мертвому ты станешь ненавистной.

Оставь меня одну с моим безумством
Снести тот ужас: он не так ужасен,
Как смертью недостойной умереть.

И с м е н а

Ну что ж, безумная, иди, коль хочешь.
Но близким, как и раньше, ты близка.

Уходят.

П А Р О Д

Х о р

С Т Р О Ф А 1

Солнца луч, никогда еще
100 Светом ты не дарил таким
Семивратные Фивы!
Лик ты нам наконец явил,
Око родного дня, взойдя
Над потоком Диркейским.
Воин Аргоса, тот, что к нам,
Весь закован в броню, пришел
Со щитом своим белым,
Быстрым бегом назад бежит,
110 Пораженный тобою.
Он на нашу страну для раздора пошел,
Приведен Полиником, и, словно орел,
Он с пронзительным криком над ней пролетел,
Белоснежными скрытый крылами, и был
Он толпой окружен меченосных бойцов,
В шлемах, конскою гривой венчанных.

А Н Т И С Т Р О Ф А 1

Он у наших домов стоял;
Грабил все у семи ворот
С пикой, жаждущей крови;
Но назад он ушел, не смог
120 Ни голодную пасть свою
Напитать нашей кровью,

Ни Гефеста огню предать
Наших башен венцы. Такой
Шум был поднят Ареем!
Столь тяжелой была борьба
С необорным драконом,
Ибо Зевс хвастунов громогласный язык
Ненавидит извечно и, их увидав,
Как широким потоком подходят они,
130 Златом в поле гремя, за кичливую спесь
Мечет молнию в них,— а мечтали они
С наших стен возгласить о победе.

СТРОФА 2

На землю гулко упал,
Факел сжимая в руке,
Тот, кто недавно, на нас
В гневе своем ополчась,
Вакхом исполнен, безумствовал здесь,
Злобой, как ветром, влекомый.
140 Но, обманув надежды его,
Был многомилостив к нам Арей,—
Иначе бранный бог порешил,
Беды сея на темя врагов,
Он прочь отогнал их.
Здесь, к семи подступивши фиванским вратам,
Стали семь полководцев противу семи.
Перед Зевсом, вершителем сечи,
Бой окончив, сложили доспехи свои.
Лишь двоим приказала судьба,
150 Беспощадною пикой друг друга пронзив,
Обоюдную встретить кончину.

АНТИСТРОФА 2

К нам наконец низошла
С именем громким Победа,
Светлой улыбкой приветствуя
Град беговых колесниц.
Так предадим же забвенью теперь
Ужас промчавшейся брани!
В храмы бессмертных богов пойдем.

Пусть ликованье гремит всю ночь
Пенья и плясок священных! Пусть
160 Топчет землю фиванскую Вах
И нами предводит.
Но смотрите, вон сын Менекеев, Креонт,
Приближается, нашей страны государь,
Новый царь наш по воле богов.
О, какие решенья приносит он нам?
Всем он ныне собраться велел
Через глашатая, всех он собрал на совет
Семивратного града старейшин.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Креонт

О граждане! Богами после бури
170 Корабль наш в пристань тихую введен.
Я вестников послал, чтоб поименно
Сюда созвать вас. Знаю, как вы Лая
Державную прилежно чтите власть;
Я помню, что когда Эдип, царивший
Здесь в городе, погиб,— с его детьми
Вы сердцем пребывали неизменно.
Но так как смертью двойной они
В один погибли день, сразив друг друга,
180 Братоубийством руки осквернив,—
Теперь я власть державную приемлю,
Погибшим самый близкий по родству.
Но трудно душу человека знать,
Намеренья и мысли, коль себя
В законах он и власти не покажет.
Что до меня, мне и теперь и прежде
Тот из царей казался наихудшим,
Кто и советам добрым не внимает,
И уст не размыкает, страхом скован,
А тот, кто друга больше, чем отчизну,
190 Читит,— я такого ни во что не ставлю.
Я сам — о, пусть всезрящий знает Зевс! —

Молчать не стану, видя, что опасность
Фиванцев ждет, что им грозит гибель.
Я не возьму вовек врага отчизны
Себе в друзья: я знаю, что она —
Всем нам прибежище и что друзей
Найдем, плывя одной дорогой с нею.
Таким заветом возвеличу город.
Теперь же всем я должен возвестить
200 О тех двух братьях, о сынах Эдипа:
Я Этеокла, что в бою за город
Пал, все копьем своим преодолев,
Велел предать земле и совершить
Над ним обряд, достойный благородных.
О брате ж Этеокла, Полинике,
Который край свой и богов отчизны,
Вернувшись из изгнания, сжечь хотел
Дотла и братскою упиться кровью
И граждан всех рабами увести,—
210 О нем мы возвещаем всем: его
Не хоронить, и не рыдать над ним,
И хищным птицам там, без погребенья,
И псам его оставить в знак позора.
Так я решил — и никогда злодей
Почтен не будет мной как справедливый.
Но тот, кто будет граду вечно предан,
Живой иль мертвый — будет мной почтен.

Х о р

Ты в этом волен, Менекея сын,
Кто граду друг, кто недруг — ты решаешь.
220 Закон какой угодно применять
Ты можешь и к умершим и к живущим.

К р е о н т

Так будьте же вы стражами закона.

Х о р

Кто помоложе, пусть и труд несет.

К р е о н т

У тела сторожа уже стоят.

Хор

Но что еще ты хочешь приказать?

Креонт

Бороться с нарушителем закона.

Хор

Безумных нет, кому же смерть мила?

Креонт

Да, наказание — смерть. Но все ж корысть
Людей прельщает и ведет на гибель.

Входит страж.

Страж

230 Царь, не спешил сюда я в быстром беге,
Не чуя ног, не запыхался я.
Нет, медлил на пути не раз в раздумье
И мыслил — не вернуться ль мне назад.
Мой разум долго говорил со мною:
«Несчастный, что спешишь ты к наказанью?..
Безумец! Медлишь ты? Когда ж Креонту
Другой доставит весть, ты будешь плакать».
В раздумье этом медленно я брел,
240 А так и краткий путь нам станет долгим.
Но наконец решил прийти к тебе
И весть хоть и плохую, а поведать;
Я прихожу к тебе с одной надеждой:
Страдать за то лишь, в чем я виноват.

Креонт

Но в чем же дело? Перед чем робеешь?

Страж

Сперва я о себе скажу: в том деле
Я не замешан, делавших не видел,—
Несправедливо в нем меня винить.

К р е о н т

Твой зорек глаз, ты на увертки ловок,
И ясно: важное ты скажешь нам.

С т р а ж

250 Дурная весть замкнула мне уста.

К р е о н т

Ну, говори и, кончив, убирайся.

С т р а ж

Сейчас скажу: недавно тело кто-то
Похоронил и после сам ушел,
Сухой посыпав пылью по обряду.

К р е о н т

Что ты сказал? Из граждан кто дерзнул?

С т р а ж

Не знаю: ни следов от топора,
Ни куч земли нет от мотыги; всюду
Земля суха, без трещин, без борозд
От колеса: все чисто совершили.
260 Лишь страж дневной на это указал,
В тяжелое мы впали изумленье;
Не виден труп, хоть не зарыт: от скверны
Покрыт он только тонким слоем праха.
Следа ни хищный зверь, ни пес бродячий,
Труп растерзавший, не оставил там;
Речь бранная меж нами закипела:
Страж стража уличал; дойди до драки
У нас — никто б тогда не помешал:
270 Ведь все и каждый были в том виновны.
Никто не признавался, отпирались
Все: раскаленное железо в руки
Готовы были брать, в огонь пойти,
Богами клясться, что об этом деле
Не знали мы, что не были причастны.
В конце же, после поисков напрасных,
Один сказал,— и в ужасе мы все

Главой к земле поникли, и никто
Ни возразить не смог, ни дать совет,
Как лучше действовать. «Царю,— сказал он,—
280 Открыть все надо, а скрывать нельзя».
То мнение взяло верх, и, бесталанный,
На эту долю я судьбою послан.
Явился я незванным, не охотой:
Не мил гонец с известием плохим.

Х о р

Царь, мне давно такая мысль пришла:
Не боги ли то дело совершили?

К ре он т

Молчи, чтоб я не загорелся гневом,
А ты безумным не прослыл под старость!
290 Слова твои несносны — будто боги
Имеют попечение о мертвом;
Как благодетеля того покрыть,
Кто шел сюда затем, чтоб выжечь храмы,
Столпами обнесенные, казну их,
И область, и законы разорить!
Иль злые люди почтены богами?
Не быть тому! Но на приказ мой в Фивах
Ворчат, им тяготеют, головой
Тайком качают: под ярмом, как должно,
300 Не держат выи, мною недовольны.
Что ими эти стражи склонены
За плату, превосходно знаю я;
Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным.
310 Но кто на это дело был подкуплен,
В свой день получит должное возмездье.
И если мною почитаем Зевс,—
А это знаешь,— я при всех клянусь,

Что, если в погребении повинный
Не будет мне пред очи приведен,
Вам смерти будет мало, вас живыми
Подвешу я, чтоб наглость ту раскрыть.
Так вы узнаете, где добывать
Себе барыш, и скоро вы поймете,
320 Что и барыш не всякий нам на пользу;
Что не добром полученные деньги
Скорее к злу ведут нас, чем к добру.

Страж

Велишь сказать? Иль так уйти прикажешь?

Креонт

Ты знаешь ли, как речь твоя противна?

Страж

Душе она противна иль ушам?

Креонт

Зачем искать, где мой гнездится гнев?

Страж

Душе виновник мерзок, я — ушам.

Креонт

А, вижу я: ты болтуном родился.

Страж

Пусть так; но я не совершил проступка.

Креонт

Нет, совершил и жизнь за деньги продал.

Страж

330 Увы!
Как плохо, коль судья неправо судит.

К р е о н т

Оставь судью в покое. Если вы
Виновников сюда не приведете,
Поймете вы, что прибыль эта — зло.

С т р а ж

Уж лучше б отыскался... Только случай
Решит, он попадется или нет.
Нет, здесь меня ты больше не увидишь.
Теперь я спасся, вопреки всему,
И должен возблагодарить бессмертных.

Уходят.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

СТРОФА 1

340 Много есть чудес на свете,
Человек — их всех чудесней.
Он зимою через море
Правит путь под бурным ветром
И плывет, переправляясь
По ревушим вокруг волнам.
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомима,
Год за годом мучит он
350 И с конем своим на поле
Всюду борозды ведет.

АНТИСТРОФА 1

Муж, на выдумки богатый,
Из веревок вьет он сети
И, сплетя, добычу ловит:
Птиц он ловит неразумных,
Рыб морских во влажной бездне,
И стада в лесу дремучем,

360 И зверей в дубравах темных,
И коней с косматой гривой
Укрощает он, и горных
Он быков неумолимых
Под свое ведет ярмо.

СТРОФА 2

Мысли его — они ветра быстрее;
Речи своей научился он сам;
Грады он стронит и стрел избегает,
Острых морозов и шумных дождей;
Все он умеет; от всякой напасти
Верное средство себе он нашел.
Знает лекарства он против болезней,
370 Но лишь почувет он близость Аида,
Как понапрасну на помощь зовет.

АНТИСТРОФА 2

Хитрость его и во сне не приснится;
Это искусство толкает его
То ко благим, то к позорным деяньям.
Если почитит он законы страны,
Если в суде его будут решенья
Правыми, как он богами клялся,—
Неколебим его город; но если
Путь его гнусен — ни в сердце мое,
Ни к очагу он допущен не будет...
380 То бессмертных ли знак? Я с сомненьем борюсь,
Я ее узнаю — как могу я сказать,
Что она — не дитя Антигона?
Злополучная ты!
О, Эдипа, отца злополучного, дочь!
Что случилось с тобой? Иль преступница ты?
Преступила ль царицы законы
И в безумье то дело свершила?

Входит страж с Антигоной.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Страж

Вот сделавшая дело. Мы схватили
Ее за погребеньем. Где ж Креонт?

Хор

390 Он кстати вновь выходит из дворца.

Креонт

В чем дело? Почему я вышел кстати?

Страж

Царь! Человек ни в чем не должен клясться:

Окажется потом, что он солгал.

Я говорил, что не вернусь сюда,

Так был убит угрозами твоими,

Однако радость, коль не ждешь ее,

Бывает выше всяких удовольствий,—

И вот я снова здесь, хотя и клялся.

400 Веду ее: схватили мы девицу,

Когда умершего обрядом чтила.

Тут жребия метать уж не пришлось:

Моя находка, не кого другого!

Теперь, как хочешь, царь, ее суди;

Что ж до меня, я от забот свободен.

Креонт

Но где ее схватил ты и когда?

Страж

Она похоронила прах,— сам знаешь.

Креонт

Ты здрав умом и подтвердить готов?

Страж

Я видел сам, как тело хоронила,

Запрет нарушив,— ясно говорю!

410 Как вы ее застигли? Как схватили?

Страж

Так было дело. Страшные угрозы
 Твои услышав, мы пошли на место,
 С покойника смахнули пепел,— тело,
 Наполовину сгнившее, открыли,
 А сами сели на пригорке, так,
 Чтоб с ветром к нам не доносилось смрада.
 Друг друга подбодряли, если ж кто
 Был нерадив, того бранили крепко.
 Так время шло, пока на небесах
 420 Не встало солнце диском лучезарным
 И зной не запылал. Но тут внезапно
 Поднялся вихрь — небесная напасть,
 Застлал от взоров поле, оборвал
 Листву лесов равнинных; воздух пылью
 Наполнился. Зажмурясь, переносим
 Мы гнев богов... Когда же наконец
 Все стихло, видим: девушка подходит
 И стонет громко злополучной птицей,
 Нашедшею пустым свое гнездо.
 430 Лишь увидала тело обнаженным,
 Завыла вдруг и громко стала клясть
 Виновников. И вот, песку сухого
 В пригоршнях принеся, подняв высоко
 Свой медный, крепко скованный сосуд,
 Чит мертвого трикратным возлияньем.
 Мы бросились и девушку схватили.
 Она не оробела. Уличаем
 Ее в былых и новых преступленьях,—
 Стоит, не отрицает ничего.
 440 И было мне и сладостно и горько:
 Отраднo самому беды избегнуть,
 Но горестно друзей ввергать в беду.
 А все ж не так ее несчастье к сердцу
 Я принимаю, как свое спасенье.

Креонт

Ты, головой поникшая, ответь:
Так было дело или отрицаешь?

Антигона

Не отрицаю, дело было так.

Креонт

От обвиненья ты свободен. Можешь
На все четыре стороны идти.
450 А ты мне отвечай, но не пространно,
Без лишних слов,— ты знала мой приказ?

Антигона

Да... Как не знать? Он оглашен был всюду.

Креонт

И все ж его ты преступить дерзнула?

Антигона

Не Зевс его мне объявил, не Правда,
Живущая с подземными богами
И людям предписавшая законы.
Не знала я, что твой приказ всеилен
И что посмеет человек нарушить
460 Закон богов, не писанный, но прочный.
Ведь не вчера был создан тот закон —
Когда явился он, никто не знает.
И, устранившись гнева человека,
Потом ответ держать перед богами
Я не хотела. Знала, что умру
И без приказа твоего, не так ли?
До срока умереть сочту я благом:
Тому, чья жизнь проходит в вечном горе,
Не прибыльна ли смерть? Нет, эта участь
Печали мне, поверь, не принесет.
470 Но если сына матери моей
Оставила бы я непогребенным,
То это было бы прискорбней смерти;
О смерти же моей я не печалюсь.

Коль я глупа, по-твоему, — пожалуй,
Я в глупости глупцом обвинена.

Хор

Суровый нрав сурового отца
Я вижу в дочери: ей зло не страшно.

Креонт

Но помни: слишком непреклонный нрав
Скорей всего сдается. Самый крепкий,
480 Каленый на огне булат скорее
Бывает переломлен иль разбит.
Я знаю: самых бешеных коней
Уздой смиряют малой. О себе
Не должен много мнить живущий в рабстве.
Она уж тем строптивость показала,
Что дерзостно нарушила закон.
Вторая ж дерзость — первую свершив,
Смеяться мне в лицо и ею хвастать.
Она была б мужчиной, а не я,
490 Когда б сошло ей даром своеволье.
Будь дочерью она сестры моей,
Будь всех роднее мне, кто Зевса чтит
В моем дому, — не избежит она
Злой участи, как и ее сестра.
Виновны обе в дерзком погребень.
Зовите ту! Она — я видел — в доме
Беснуется, совсем ума лишилась.
Когда еще во тьме таится дело,
Своей душой преступник уличен.
500 Я ненавижу тех, кто — уличенный —
Прикрашивает сделанное зло.

Антигона

Казни меня, — иль большего ты хочешь?

Креонт

Нет, не хочу, вполне доволен буду.

Антигона

Чего ж ты медлишь? Мне твои слова
Не по душе и по душе не будут.

Тебе ж противны действия мои.

Но есть ли для меня превыше слава,

Чем погребенье брата своего?

И все они одобрили б меня,

510 Когда б им страх не сковывал уста.

Одно из преимуществ у царя —

И говорить и действовать как хочет.

Креонт

Из граждан всех одна ты мыслишь так.

Антигона

Со мной и старцы, да сказать не смеют.

Креонт

Тебе не стыдно думать с ними розно?

Антигона

Чтить кровных братьев — в этом нет стыда.

Креонт

А тот, убитый им, тебе не брат?

Антигона

Брат,— общие у нас отец и мать.

Креонт

За что ж его ты чтишь непочитаньем?

Антигона

520 Не подтвердит умерший этих слов.

Креонт

Ты больше считаешь нечестивца?

Антигона

Но он — мой брат, не раб какой-нибудь.

Креонт

Опустошитель Фив... А тот — защитник!

Антигона

Один закон Аида для обоих.

Креонт

Честь разная для добрых и для злых.

Антигона

Но благочестье ль это в царстве мертвых?

Креонт

Не станет другом враг и после смерти.

Антигона

Я рождена любить, не ненавидеть.

Креонт

530 Люби, коль хочешь, отправляясь к мертвым.
Не дам я женщине собою править.

Хор

Вот из двери выходит Исмена,
Горько плачет она о сестре.
Ее розовый лик искажен
Над бровями нависшею тучей.

Креонт

Ты, вползшая схибною в мой дом,
Сосала кровь мою... Не видел я,
Что две чумы питал себе на гибель!
Участвовала ты в том погребенье,
Иль поклянешься, что и знать не знала?

Исмена

540 Я виновата, коль сестра признает,
И за вину ответ нести готова.

Антигона

Нет, это было бы несправедливо:
Ты не хотела, — я тебя отвергла.

Исмена

Но ты, сестра, страдаешь; я готова
С тобой страданий море переплыть.

Антигона

Всю правду знают боги в преисподней,
Но мне не мил, кто любит на словах.

Исмена

Ты мне, родная, в чести не откажешь,
С тобой погибнув, мертвого почитать.

Антигона

550 Ты не умрешь со мной, ты ни при чем,
Одна умру — и этого довольно.

Исмена

Но как мне жить, когда тебя лишусь?

Антигона

Спроси царя: ему ты угождаешь.

Исмена

Зачем меня терзаешь ты насмешкой?

Антигона

Коль насмехаюсь, в муках я смеюсь.

Исмена

Чем я теперь могла б тебе помочь?

Антигона

Спасай себя — завидовать не стану.

Исмена

Увы! Ужель чужда твоей я доле?

Антигона

Но ты предпочитаешь жизнь, я — смерть.

Исмена

560 Я не молчала, высказала все.

Антигона

Мы почитали разное разумным.

Исмена

Но у обеих равная вина.

Антигона

О, будь смелее! Ты живешь, а я
Давно мертва и послужу умершим.

Креонт

Одна из них сейчас сошла с ума,
Другая же безумна от рожденья.

Исмена

О государь, и умный человек
В несчастье теряет свой рассудок.

Креонт

Ты, например, коль зло творишь со злыми.

Исмена

570 Как одинокой жить мне без нее?

Креонт

Что значит «без нее»? Уж нет ее!

Исмена

Ужели ты казнишь невесту сына?

Креонт

Для сева земли всякие пригодны.

И с м е н а

Но не найдешь нигде любви подобной.

К р е о н т

Я не хочу для сына злой жены.

А н т и г о н а

О милый Гёмон, как унижен ты!

К р е о н т

Постыла мне и ты, и этот брак.

Х о р

Ужель ее отнимешь ты у сына?

К р е о н т

Конец положит браку их Аид.

Х о р

580 Так, значит, смерть ее предрешена?

К р е о н т

Ты понял мысль мою. А вы не медля
Ведите, слуги, их обеих в дом,—
Пусть там сидят по-женски, под запором.
И храбрецы пытаются бежать,
Когда Аид к их жизни подступает.

Стража уводит Антигону и Исмену.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА 1

Блаженны между смертных те,
Чья жизнь не знала зол.
Но тем, которых потрясен
По воле божьей дом,

590 Не избежать суждённых бед,
Пока не сгинет род.

Так морские несутся валы
Под неистовым ветром фракийским
И из мрака пучины, со дна
Подымают крутящийся бурно
Чёрный песок,
И грохочут прибрежные скалы
Под ударами волн.

АНТИСТРОФА 1

600 Я вижу: на Лабдаков дом
Беда вослед беде
Издrevле рушится. Живых
Страданья мертвых ждут.
Их вечно губит некий бог —
Им избавленья нет.

Вот и ныне: лишь свет озарил
Юный отпрыск Эдипова дома,
Вновь его поспешает скосить
Серп подземных богов беспощадный.
Губит его

610 И неистой речи безумье,
И заблудшийся дух.

СТРОФА 2

О Зевс! Твою ли сломит силу
Высокомерье человека?
Ни Сон ее не одолеет,
Все уловляющий в тенета,
Ни божьих месяцев чреда.
Ты — властитель всемогущий,
Ты вовек не ведал старости,
Для тебя обитель вечная
620 Твой сияющий Олимп.
И в минувшем и в грядущем
Лишь один закон всесилен:
Не проходит безмятежно
Человеческая жизнь.

Для многих странница надежда —
 Залог блаженства, но для многих
 Она — пустое обольщенье,
 Людских безудержных желаний
 Неисполнимая мечта.
 630 Под конец разочарован
 Живший в длительном неведении:
 Час придет — и он о пламень
 Обожжет себе стопы.
 Мудрый молвит: тех, кто злое
 Принимать привык за благо,
 Приведут к злодейству боги,
 Горе ждет их каждый час.

Вот к нам Гёмон идет, из твоих сыновей
 Самый юный. Его не торопит ли скорбь,
 640 Не горюет ли он
 О судьбе Антигоны, невесты своей,
 И о брачном утраченном ложе?

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Креонт

Сейчас узнаем лучше колдунов.
 Мой сын, наш приговор твоей невесте
 В тебе не вызвал гнева на отца?
 Тебе всегда останемся мы милы?

Гёмон

Отец, я — твой. Твои благие мысли
 Меня ведут — я ж следую за ними.
 650 Любого брака мне желанней ты,
 Руководящий мною так прекрасно.

Креонт

Вот это, сын, ты и держи в уме:
 Все отступает пред отцовской волей.

Недаром же мы, смертные, желаем
Родить себе послушных сыновей,
Чтобы умели злом воздать врагу
И друга почитали б, как отец.
А что сказать о том, кто народит
Детей негодных? Что себе обузу
Он породил, посмешище врагам?
660 Не подчиняйся ж прихоти, не жертвуй
Рассудком из-за женщины, мой сын,
И знай, что будет холодна любовь,
Коль в дом к тебе войдет жена дурная.
Найдется ль язва хуже злого друга?
Нет, как врага отвергни эту деву,—
Пускай в Аиде вступит в брак с любим,
Раз я ее открыто обличил,
Ослушницу, единственную в граде.
670 Пред ними я не окажусь лжецом —
Ее казню. Пускай зовет на помощь
Родную кровь! Я со своих спрошу,
Как и с чужих, коль будут непослушны.
Ведь кто в делах домашних беспристрастен,
И как правитель будет справедлив.
А кто закон из гордости нарушит
Иль возомнит, что может власть имущим
Приказывать, тот мне не по душе.
Правителю повиноваться должно
Во всем — законном, как и незаконном.
680 Тот, кто властям покорен, — я уверен, —
Во власти так же тверд, как в подчиненье.
Он в буре битвы встанет близ тебя
Товарищем надежным и достойным.
А безначалье — худшее из зол.
Оно и грады губит, и дома
Ввергает в разоренье, и бойцов,
Сражающихся рядом, разлучает.
Порядок утвержден повиненьем;
690 Нам следует поддерживать законы,
И женщине не должно уступать.
Уж лучше мужем буду я повергнут,
Но слыть не стану женщины рабом.

Хор

Коль в заблуждение нас не вводит возраст,
Нам кажется,— ты говоришь умно.

Гемон

Бессмертные даруют людям разум,
А он на свете — высшее из благ.
К тому же я не в силах утверждать,
Что ты в словах своих несправедлив,
Но и другой помыслить правду может.
700 Мне узнавать приводится заране,
Что́ люди мыслят, делают, бранят.
Для гражданина взор твой страшен, если
Его слова не по сердцу тебе.
А я повсюду слушаю — и слышу,
Как город весь жалеет эту деву,
Всех менее достойную погибнуть
За подвиг свой позорнейшею смертью:
Она не допустила, чтобы брат,
710 В бою сраженный и непогребенный,
Добычей стал собак и хищных птиц.
Она ли недостойна светлой чести?
Такая ходит смутная молва...
Конечно, для меня нет счастья выше
Благополучья твоего. И вправду:
Что для детей отцовской славы краше?
Что славы сына краше для отца?
Но не считай, что правильны одни
Твои слова и, кроме них, ничто.
720 Кто возомнит, что он один умен,
Красноречивей всех и даровитей,
Коль разобрать, окажется ничем.
И самым мудрым людям не зазорно
Внимать другим и быть упорным в меру.
Ты знаешь: деревья при зимних ливнях,
Склоняясь долу, сохраняют ветви,
Упорные же вырваны с корнями.
Тот, кто натянет парус слишком туго
И не ослабит, будет опрокинут,

И поплывет ладья его вверх дном.
 Так уступи же и умерь свой гнев;
 Затем, что если мнение мое,
 Хоть молод я, внимания достойно,
 Скажу: всего ценней, когда с рожденья
 Муж полон знания, если ж нет,— что часто
 Случается,— пусть слушает разумных.

Х о р

Ты должен, царь,— коль мне сказать уместно,—
 Внять и ему: обоих речь прекрасна.

К р е о н т

Так неужель к лицу мне, старику,
 У молодого разуму учиться?

Г е м о н

Лишь справедливости. Пусть молод я,—
 Смотреть на дело надо, не на возраст.

К р е о н т

А дело ли бесчинных почитать?

Г е м о н

Я почитать дурных не предлагаю.

К р е о н т

Но в ней как раз не этот ли порок?

Г е м о н

Того не подтвердит народ фиванский.

К р е о н т

Иль город мне предписывать начнет?

Г е м о н

Не видишь ты, что говоришь, как отрок?

Креонт

Иль править в граде мне чужим умом?

Гемон

Не государство — где царит один.

Креонт

750 Но государство — собственность царей!

Гемон

Прекрасно б ты один пустыней правил!

Креонт

Он, кажется, стоит за эту деву?

Гемон

Коль дева — ты: я о тебе забочусь.

Креонт

О негодяй! Ты на отца идешь?

Гемон

Ты, вижу, нарушаешь справедливость.

Креонт

Не тем ли, что свое господство чту?

Гемон

Не чтишь, коль ты попрал к богам почтенье.

Креонт

О, нрав преступный, женщине подвластный!

Гемон

Не скажешь ты, что я служу дурному.

Креонт

760 Однако же вся речь твоя — о ней!

Гемон

Нет, и о нас, и о богах подземных.

Креонт

Ты все же в брак не вступишь с ней живою.

Гемон

Когда умрет, за ней умрет другой.

Креонт

С угрозами ты выступаешь, дерзкий?

Гемон

Угроза ли — с пустым решеньем спорить?

Креонт

Раскаешься в безумных поученьях!

Гемон

Сказал бы: глупый — будь ты не отец.

Креонт

Раб женщины! Не ластись, не обманешь!

Гемон

Сам говоришь, других не хочешь слушать!

Креонт

Да? Но, клянусь Олимпом, не на радость
Меня поносишь бранными словами.
Эй, приведите эту язву! Пусть же
У суженого на глазах умрет.

Гемон

Нет, не умрет — об этом и не думай! —
Здесь, на моих глазах, — но и меня
Твои глаза навеки не увидят.
Иных друзей ищи для сумасбродств!
(Уходит.)

Хор

Царь, удалился он поспешно, в гнев,—
В таких летах опасен скорбный дух.

Креонт

780 Пускай идет! Он больно горделив!
А этих дев от смерти не избавит.

Хор

Ужель обеих думаешь казнить?

Креонт

О нет,— ты прав,— не ту, что невиновна.

Хор

Какою ж смертью ты казнишь другую?

Креонт

Ушлю туда, где людям не пройти,
Живую спрячу в каменной пещере,
Оставив малость пищи, сколько надо,
Чтоб оскверненью не подвергнуть град.
790 Анд она лишь почитает — пусть же,
Молясь ему, избавится от смерти
Или, по крайней мере, убедится,
Что тщетный труд умерших почитать.
(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

О Эрос-бог, ты в битвах могуч!
О Эрос-бог, ты грозный ловец!
На ланитах у дев ты ночуешь ночь,
Ты над морем паришь,ходишь в логи зверей,

И никто из богов не избег тебя,
И никто из людей:
Все, кому ты являлся,— безумны!

АНТИСТРОФА 1

800 Не раз сердца справедливых ты
К неправде манил, на погибель влек,—
И теперь родных в поединке свел.
Но в невесты очах пыл любви сильнее!
Вековечный устав утвердил ее власть.

То богини закон,
Всепобедной, святой Афродиты!

Послушанье уже я не в силах блюсти,
Видя все, что свершается, я не могу
810 Горьких слез удержать — и струятся ручьем,—
В темный брачный чертог, усыпляющий всех,
Навеки уйдет Антигона.

Входит Антигона под стражей.

ЭПИСОДИИ ЧЕТВЕРТЫЙ

КОММОС

Антигона

СТРОФА 1

Люди города родного!
Все смотрите: в путь последний
Ухожу, сиянье солнца
Вижу я в последний раз.
Сам Аид-всеусыпитель
Увлекает безвозвратно
На побережья Ахеронта
Незамужнюю меня.
820 Гимны брачные не будут
Провожать невесту-деву.
Под землю Ахеронту
Ныне стану я женой.

Хор

Но в обитель умерших
Ты уходишь во славе,—
Не убита недугом
Иль ударом меча.
Нет, идешь добровольно ты,—
Между смертных единая
830 Ты обитель Андову
Навсегда избрала.

Антигона

АНТИСТРОФА 1

Довелось мне слышать раньше
О судьбе фригийской гостьи,—
Как печален на Сипиле
Танталиды был удел.
Словно плющ, утес, как молвят,
Охватил ее, и горько
Плачет пленница: над нею
Непрестанный дождь и снег.
840 Из очей ее всечасно
Льются слезы по утесу.
Так и я. Отныне богом
Я навек усыплена.

Хор

Но она ведь богиня,
Небожителей отпрыск!
Мы же — смертные люди,
Род от смертных ведем.
Все ж тебе, умирающей,
Честь и слава великая,
850 Что — живая — стяжала ты
Богоравный удел!

Антигона

СТРОФА 2

Ты смеешься надо мною!
Для чего ж — родные боги!—

Надо мною, неумершей,
Издеваться!
Ты, о мой город! И вы,
Знатные города люди!
О источник Диркейский, о роща
860 Знаменитых ристаньями Фив!
Призываю вас ныне в свидетели:
По какому закону,
Не оплакана близкими,
Я к холму погребальному,
К небывалой могиле иду?
Горе мне, увы, несчастной!
Ни с живыми, ни с умершими
Не делить мне ныне век!

Х о р

СТРОФА 3

870 Дойдя до крайнего дерзання,
О трон высокий правосудья
Преткнулась больно ты, дитя,
И платишься за грех отцовский.

А н т и г о н а

АНТИСТРОФА 2

Ты коснулся злейшей скорби,
Злополучной отчей участи,
Общей доли достославных
Лабдакидов!
О, преступное матери ложе,
Разделенное с собственным сыном!
О, злосчастный их брак, от которого
880 Я на свет родилась, злополучная!
И к родителям ныне, проклятая,
Я в обитель подземную
Отправляюсь навеки.
Даже свадебных песен
Услыхать не успела, увы!
В брак вступил ты несчастливый,
О мой брат,— и сам погиб ты,
И меня, сестру, сгубил!..

Х о р

АНТИСТРОФА 3

890 Читить мертвых — дело благочестья,
Но власть стоящего у власти
Переступить нельзя: сгубил
Тебя порыв твой своевольный.

Антигона

ЭПОД

Неоплакана, без близких,
Не изведавшая брака,
Ухожу я, злополучная,
В предназначенный мне путь.
И очей священных солнца
Мне не зреть уже, несчастной,
Неоплаканную долю
Не проводит стон друзей.

Входит Креонт.

Креонт

900 Коль разрешить пред смертью плач и вопли,
Им не было б конца — известно всем.
Так уведите же ее и спрячьте
В пещере сводчатой, как я велел,
И там одну оставьте: пусть умрет
Или в пещере той сыграет свадьбу.
Мы перед девой чисты, но она
Обречена не жить на этом свете.

Антигона

910 О склеп могильный, брачный терем мой
И вечный страж — подземное жилище!
Иду к своим, без счета Персефоной
В обитель мертвых принятым. Из них
Последняя и с наихудшей долей
Схожу в Аид, хоть жизни путь не кончен.

Но верится, что там я в радость буду
Отцу; тебе я милой буду, мать,
И милою тебе, мой брат несчастный:
Умерших, вас, я собственной рукой
Омыла, убрала и возлиянья
Надгробные свершила. Полинник!
920 Прикрыв твой прах, вот что терплю я ныне!
Хотя в глазах разумного поступок
Мой праведен. Когда была б я мать
Или жена и видела истлевший
Прах мужа своего, я против граждан
Не шла бы. Почему так рассуждаю?
Нашла бы я себе другого мужа,
Он мне принес бы новое дитя;
Но если мать с отцом в Аид сокрылись,
Уж никогда не народится брат.
930 Я соблюла закон, тебя почтила,
Меня ж назвал преступницей Креонт
И нечестивой, о мой брат родимый!
И вот меня схватили и везут,
Безбрачную, без свадебных напевов,
Младенца не кормившую. Одна,
Несчастливая, лишенная друзей,
Живая уйду в обитель мертвых.
Какой богов закон я преступила?
940 Зачем — несчастной — обращать мне взоры
К богам, их звать на помощь, если я
Безбожной названа за благочестье?
Я, пострадав, могу, богам в угоду,
Признать вину, но коль ошиблись боги,
Не меньше пусть они потерпят зла,
Чем я сейчас терплю от них неправды.

Х о р

Не стихает жестокая буря в душе
Этой девы — бушуют порывы!

К ре о н т

Потому и придется ее сторожам
Пожалеть о своем промедленьи.

Антигона

950 Горе мне! В этом слове я смерти моей
Приближение слышу.

Креонт

Нет, надеждой не стану тебя утешать,
Что твоя не исполнится доля.

(Уходит.)

Антигона

Город предков! Столица фиванской земли!
Боги древние нашего рода!
Вот уводят меня... Не могу не идти...
На меня посмотрите, правители Фив,
На последнюю в роде фиванских царей,
960 Как терплю, от кого я терплю — лишь за то,
Что почтила богов почитаньем!..

Антигону уводят.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

СТРОФА 1

Так пострадала Даная прекрасная,
Та, что на доски, обитые бронзою,
Переменила сияние дня.
Спальной могила ей стала, дитя мое,—
А родовита была, и хранил ее
Зевс, к ней сошедший дождем золотым.
Но необорное Рока могущество
Злата сильней, и Арея, и крепости,
И просмоленных морских кораблей.

АНТИСТРОФА 1

970 Так усмирен был Дриантов заносчивый
Сын, повелитель эдонян: за дерзость
Был Дионисом в скалу заключен.

Там улеглось постепенно неистовство,
Бога признал он, которого буйственно
Злыми насмешками смел задевать,—
Он, изгонявший восторгом исполненных
Жен, загашавший огни Дионисовы,
С флейтою дружных тревоживший Муз.

СТРОФА 2

980 Возле скал голубых, у обоих морей
На Боспоре фракийском стоит Салмидес,—
Там когда-то увидел соседний Арей,
 Как, сынов ослепляя,
 Им ужасные раны
Наносила жестоко Финея жена,
Как отмищенье провалами темных глазниц
 Призывали слепые.
 А пронзила им очи
Не рукой — острием челнока из станка.

АНТИСТРОФА 2

990 Горевали об участи горькой своей
Этой матери, в браке несчастной, сыны,
А была и она из древнейшей семьи —
 Эрехфеева рода,
 В отдаленных пещерах
Возлелеяна сонмом отеческих бурь,
Дочь Борей, что резвых быстрее коней,
 Порождение бога.
 Все же Мойры седые
На нее ополчились сурово, дитя!
 Входит Тиресий с мальчиком-поводырем.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Тиресий

1000 О государи Фив! Пришло нас двое —
Один лишь зрячий,— ибо нам, слепцам,
Дорогу указывает провожатый.

Креонт

Что скажешь нового, Тиресий-старец?

Тиресий

Скажу; но ты вещателю внимай.

Креонт

Твоим советам я внимал и раньше.

Тиресий

Ты потому и градом правил с честью.

Креонт

Да, признаюсь: ты приносил мне пользу.

Тиресий

Ты вновь стоишь на лезвии судьбы.

Креонт

В чем дело? Весть твоя меня тревожит.

Тиресий

Поймешь, узнав совет моей науки.

1010

На старом месте я сидел гаданий,

Где у меня был всякой птицы слет,

И слышу странный голос птиц, во гневе

И в бешенстве кричащих непонятно;

Я понял, что друг друга рвут когтями

Они: шум крыльев это говорил.

Я в страхе начал по огням гадать

На алтаре, но бог не принял жертвы.

Огонь не разгорался, и на угли

От бедер сало капало, топясь,

1020

Дымилось, и плевалось, и, раздувшись,

Вдруг желчью брызгало, и вскоре с бедер

Весь жира слой сошел, в огне обтаяв.

И тщетно от богов я ждал ответа;

Так рассказал мне мальчик мой; ведь он —

Вожатый мне, как я для вас вожатый.

Твой приговор на град навел болезнь;
Осквернены все алтари в стране
И в самом граде птицами и псами,
1030 Что труп Эдипова терзали сына;
Уж боги не приемлют ни молитв,
Ни жертв от нас, ни пламени сожженья;
Уж не кричит, вещая благо, птица,
Убитого напившись жирной крови.
Итак, об этом поразмысли, сын:
Все люди заблуждаются порою,
Но кто в ошибку впал, не легкомыслен
И не несчастлив, если он в беде,
Упорство оставляя, все исправит;
1040 Упрямого ж безумным мы зовем.
Нет, смерть уважь, убитого не трогай.
Иль доблестно умерших добивать?
Тебе на благо говорю: полезно
У доброго советника учиться.

Креонт

Старик, вы все стреляете в меня,
Как в цель стрелки; и в прорицаньях даже
Я вами не забыт; своей родней же
Давно и оценен я и распродан.
Торгуйте, наживайтесь, коль хотите,
1050 Электром сардским иль индийским золотом,—
Его в могилу вам не положить.
Нет, если б даже Зевсовы орлы
Ему тащили эту пададь в пищу,
Я и тогда, той скверны не боясь,
Не допустил бы похорон: я знаю —
Не человеку бога осквернить.
Но и мудрейшие, старик Тиресий,
Позорно гибнут, если злые мысли
Для выгоды словами украшают.

Тиресий

Увы!
1060 Да разве мыслит кто иль полагает...

Креонт

Что ж? Истину ходячую расскажешь?

Тиресий

Насколько разум выше всех богатств...

Креонт

Настолько ж нам безумье — враг великий!

Тиресий

А ты уже недугом этим тронут.

Креонт

Гадателю я дерзко не отвечу!

Тиресий

Дерзишь, пророчество считая ложью!

Креонт

Пророки все всегда любили деньги.

Тиресий

Тираны ж все корыстны, как известно.

Креонт

Ты, видно, позабыл, что я правитель?

Тиресий

1070 Нет, но через меня спасал ты Фивы.

Креонт

Хоть прорицатель ты, а любишь зло.

Тиресий

Ты страшную открыть принудишь тайну!

Креонт

Скажи ее! Но только не для денег!

Тиресий

Нет, не скажу: ведь это про тебя.

К р е о н т

Знай, ты моих решений не изменишь.

Т и р е с и й

Тогда узнай и помни, что немного
Ристаний кони Солнца совершат,
Как ты дитя, рожденное тобою
От чресл твоих, отдашь — за трупы труп;
1080 Затем, что ты безжалостно загнал
Живую душу в темную гробницу;
А сам берешь, отнявши у Подземных,
Прах обесчещенный, не погребенный;
На это права нет ни у тебя,
Ни у богов, и их противно воле.
За это ждут тебя богини мщенья,
Эринии Аида и богов,
Чтоб и тебя постигли те же беды.
1090 Подкупленный ли говорю с тобою,
Смотри уж сам: раздастся скоро, скоро
Вопль женщин и мужей в дому твоём.
Гнев на тебя вздымают города,
По чьим сынам обряды совершали
Псы, звери, птицы; их нечистой пищей
Все в граде алтари осквернены.
Такие стрелы я в тебя, как лучник,
Направил в гневе, вызванном тобой.
И стрелы верны, не уйдешь от них.
1100 Домой пойдем, мой мальчик. Пусть на тех,
Кто помоложе, гнев он вымещает.
Пусть учится он сдерживать язык
И более ума иметь, чем ныне.

Х о р

Царь, он ушел с пророчеством ужасным.
С тех пор, как волосы главы моей
Из черных стали белыми, я знаю —
Пророком ложным никогда он не был.

К р е о н т

Я также это знаю и смущен.
Мне тяжело уступать, но тяжки беды,
Которые стрясутся над упрямым.

Х о р

1110 Тебе совет, сын Менекея, нужен.

К р е о н т

Что ж должно делать? Я приму совет.

Х о р

Ступай, веди невесту из пещеры;
И оскверненный прах похорони.

К р е о н т

По-твоему, я должен уступить?

Х о р

Да, царь, и поскорей: ведь боги быстро
Напастью дни безумцев пресекают.

К р е о н т

Увы, мне тяжело, но свое решение
Я отменю: с судьбой нельзя сражаться.

Х о р

Иди же, делай, не жди других.

К р е о н т

1120 Не медля я пойду. Сюда, эй, слуги!
Все поскорей с собой кирки берите.
Бегите к месту, что отсюда видно.
А я, раз это решено, пойду
Ту выпустить, которую связал я.
Я понял: надо жить, до смерти чтя
От века установленный закон.

(Уходит.)

СТАСИМ ПЯТЫЙ (ГИПОРХЕМА)

Х о р

СТРОФА 1

Многоименный, слава девы кадмейской,
Зевса, гремящего грозно, сын!
1130 Стражем стоящий Италии славной,
В гостеприимных долинах царящий
Элевсинской Деметры, о Вакх!
Ты, проживающий в Фивах,
Матери-граде вакханок,
Около струй Исмена,
Там, где был сев посеян
Злого Дракона!

АНТИСТРОФА 1

Там тебя видят, там, где факелов пламя
Светит с вершин двуглавой горы.
1140 Где корикийские нимфы пляской
Служат тебе — твои вакханки,
Там, где струится Кастальский ключ!
Ты приходишь со склонов
Нисы, плющом увитых
И вином изобильных;
Ты, богами прославлен,
К Фивам приходишь!

СТРОФА 2

Чтишь ты их выше всех городов,
Как сраженная молнией мать!
1150 И теперь, когда тяжкий недуг
Поражает весь город наш,
О, направь свой целительный шаг
К нам с Парнаса, над пенным морем!

АНТИСТРОФА 2

О водитель огненных звезд!
Господин ночных голосов!
Сын возлюбленный Зевса, — царь,

Нам со свитой Фиад предстань,
Что всю долгую ночь тебя,
Благ подателя, славят, Иакха!

Входит вестник.

ЭКСОД

Вестник

1160 Жильцы домов Амфиона и Кадма!
Нет в жизни, до конца ее, поры,
Какую я хвалил иль порицал бы.
Возносит счастье и свергает счастье
Счастливых, а равно и несчастливых,
И рока не откроет нам никто.
Креонт казался всем благословенным:
И землю Кадма спас он от врагов,
И, властелином полным став над нею,
Царил, детьми обильно окружен.
1170 И все пропало. Если радость в жизни
Кто потерял — тот для меня не жив:
Его живым я называю трупом:
Копи себе богатства, если хочешь,
Живи как царь; но если счастья нет —
То не отдам я даже тени дыма
За это все, со счастьем сравнив.

Хор

Какую скорбь царю несешь ты снова?

Вестник

Смерть. И живые в смерти виноваты.

Хор

Но кто убийца, кто, скажи, убит?

Вестник

Пал Гемон, и не от руки чужой.

Хор

1180 Рукой отца убит он иль своей?

Вестник

Своею, в гнев на отца за деву.

Хор

Как верны, о пророк, твои вещанья!

Вестник

Так было; надо вам о том размыслить.

Хор

Вот из дворца выходит Евридика,
Несчастливая жена Креонта; знает
Про сына весть или случайно вышла?

Евридика

О граждане! Когда во храм богини
Паллады направляюсь я молиться,
Какую слышу между вами речь?
1190 Засов дверной я отпирала; весть
О бедствии до слуха моего
Дошла,— и на руки моих служанок
Упала я без чувств, поражена.
Но повторите мне известия эти:
Хочу я слышать, о несчастье знать.

Вестник

О госпожа, скажу я все, что видел,
Ни слова правды я не утаю.
Зачем тебя мне утешать словами?
1200 Чтоб стать лжецом? Нет, правды путь верней.
Провел я мужа твоего на край
Долины, где безжалостно был брошен
Труп Полиника, весь истерзан псами.
Плутону помолясь и придорожной
Богине, чтоб они свой гнев смирили,
Омыли мы священным омовеньем

Останки и сожгли на ветвях свежих.
Насыпав из земли родимой холм,
Пошли мы к брачному покою девы,
Где ложе из камней,— к жилищу смерти.
1210 И вот один из нас услышал громкий
Стон, несшийся из терема невесты,
И прибежал сказать царю Креонту.
Тот ближе подошел и горьких жалоб
Услышал вопль и, застонав от муки,
Воскликнул так: «О, злополучный я!
Я сам беду накликал! Нет сомненья,
Иду я верной гибели тропой!
Я слышу сына милого. Бегите
1220 Скорее, слуги, вверх и, став у склепа,
Взгляните через брешь, где камень снят,
В глубь подземелья — Гемона ли голос
Я слышу — иль обманут я богами».
Как повелел нам в ужасе владыка,
Мы глянули — и в склепе, в глубине,
Повесившейся деву увидали
На туго перекрученном холсте;
А рядом он, ее обнявши труп,
Лил слезы о погибели невесты,
Отца деяньях и любви несчастной.
1230 Отец, его увидя, с диким стоном
Сбегает вниз и так зовет, вопя:
«Несчастный, что ты сделал? Что замыслил?
Какой бедой твой разум помутился?
О, выйди, сын! Прошу, молю тебя!»
Но юноша тогда, взглянувши дико,
Ни слова не сказал, извлек свой меч
Двуострый. В ужасе бежит отец —
И промахнулся он. Тогда, во гневе
Сам на себя, всем телом он на меч
1240 Налег — и в бок всадил до половины.
Еще в сознанье, деву обнял он
И, задыхаясь, ток последний крови
На бледные ланиты пролил ей.
И труп лежит на трупе, тайны брака
Узнав не здесь — в Аидовом доме,—

Показывая людям, что безумье
Есть худшее из зол для человека.

Евридика уходит.

Х о р

Что это значит? В дом ушла жена,
Ни доброго не молвив, ни худого.

В е с т н и к

¹²⁵⁰ И сам дивлюсь я, но еще надеюсь,
Что, о беде узнав, она не хочет
Рыдать пред всеми и внутри дворца
Велит прислужницам стенать с ней вместе.
Она в своем уме, не согрешит.

Х о р

Не знаю; только эта тишина
Не менее страшна мне, чем рыданья.

В е с т н и к

¹²⁶⁰ Сейчас узнаем, не таит ли в сердце
Взволнованном она сокрытых мыслей,
В дом удалясь; ты справедливо молвил:
В молчанье слишком долгом есть опасность.

Х о р

Вот и царь наш; он сам направляется к нам,
Доказательство правды неся на руках.
Если можно сказать — не чужую беду,
А свою он несет, согрешивши.

КОММОС

К р е о н т

СТРОФА I

Увы!
Грехи души затуманенной,
Упорные, смерть несущие!
Смотрите теперь на отца вы все,
Убившего сына несчастного!

1270 Слепым поддавался я замыслам!
О сын мой, угасший в юности!
Ты ушел, ты погиб;
Но не ты, я один — безумец!

Х о р

Увы, ты правду видишь слишком поздно.

К р е о н т

СТРОФА 2

Увы!
Урок мой горестен; увы мне: некий бог
Обременил меня громадой горя
И на пути жестокости послал,
Увы, всю радость истребив мою!
1280 О, муки злые злых людских страданий!

В е с т н и к 2-й

О господин, от бедствий к новым бедам
Идешь ты и увидишь скоро их:
Одни пришли, другие в доме ждут.

К р е о н т

Какая хуже может быть беда?

В е с т н и к 2-й

Умершему верна, твоя супруга
Несчастная от свежих ран скончалась.

К р е о н т

АНТИСТРОФА 1

Увы!
Аида бездна, зачем меня
Ты губишь, непримиримая?
1290 О вестник прежних ужасных бед,
Какие ты вести приносишь нам?
Вторично убьешь ты погибшего!
Что, сын мой, скажешь мне нового?
Смерть за смертью, увы!
Вслед за сыном жена скончалась!

Х о р

Ты можешь видеть: вынесли ее.

К р е о н т

АНТИСТРОФА 2

Увы!

1300 Второе бедствие теперь, злосчастный, вижу!
Что за несчастье мне еще готовится?
Сейчас держал я сына на руках —
И вижу труп другой перед собою!
Увы, о мать несчастная, о сын!

В е с т н и к

Сраженная лежит у алтарей;
Ее померкли и закрылись очи;
Смерть Мегарея славную оплавав,
За ним другого сына,— на тебя
Беду накликала, детоубийца.

К р е о н т

СТРОФА 3

Увы! Увы!

1310 От страха дрожу. Что же грудь мою
Двуострым мечом не пронзил никто?
Я несчастный, увы!
И жестоким сражен я горем!

В е с т н и к

Изобличен покойницею ты:
Ты виноват и в той и в этой смерти.

К р е о н т

Но как она себя лишила жизни?

В е с т н и к

Она сама себе пронзила сердце,
О сына горестной судьбе узнав.

Креонт

СТРОФА 4

Увы мне! Другому, раз я виноват,
Нельзя никому этих бед приписать.
1320 Я тебя ведь убил — я, несчастный, я!
Правду я говорю. Вы, прислужники, прочь
Уводите меня, уводите скорей,
Уводите — молю; нет меня; я ничто!

Хор

В решеньях прав ты, коль в беде есть правда,
И лучше всех кратчайшее из зол.

Креонт

АНТИСТРОФА 3

Приди, приди!
Покажись скорей, мой последний день!
Приведи ко мне жребий лучший мой!
1330 Поскорее приди,
Чтобы дня я другого не видел!

Хор

То в будущем, а ты о настоящем
Заботься. Будущее — от богов.

Креонт

Я все желанья в этой слил мольбе.

Хор

Нет, не молись: ведь людям от скорбей
Ниспосланных не обрести спасенья.

Креонт

АНТИСТРОФА 4

Уведите вы прочь безумца, меня!
Я убил тебя, сын, и тебя, жена!
И нельзя никуда обратить мне взор:
Все, что было в руках, в стороне лежит;

1340 И теперь на меня низвергает судьба
Все терзанья, и вынести их нет сил!

Х о р

Мудрость — высшее благо для нас,
И гневить божество не дозволено.
Гордецов горделивая речь
Отмщает им грозным ударом,
Их самих поразив,
И под старость их мудрости учит.

ТРАХИНЯНКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Деянира.

Кормилица.

Гилл.

Хор трахинских девушек.

Вестник.

Лихас.

Старец.

Геракл.

ПРОЛОГ

Деянира

Есть поговорка древняя в народе:
О жизни человека не суди,
Пока он жив, была ль она счастливой.
Но о своей — и не сойдя в Аид —
Скажу: она печальна и мрачна.

Еще в Плевроне у отца Ойнея
Я испытала ужас сватовства,
Как ни одна этóльянка. Меня
Сам Ахелой присватал, бог речной.
10 Просил отца, являясь в трех обличьях:
Тельцом вбегал он, змеем приползал
Чешуйчатым, показывался мужем
Быкоголовым. С бороды косматой
Текли обильно струи ключевые.
Готовясь к браку с женихом таким, —
Злосчастная, — лишь смерти я молила:
О, только бы с ним ложа не делить!
Но вовремя, на радость мне, предстал
20 Сын знаменитый Зевса и Алкмены.
Он с Ахелоем в бой вступил и спас
Меня. Как шел меж ними поединок,
Не мне судить. Не знаю. Рассказать
О том свидетель мог бы хладнокровный.

А я сидела в страхе, трепетала,—
Не принесла б мне горя красота!
Но Зевс-Борец послал исход счастливый.
Счастливый ли? Став избранной женой
Геракловой, живу всечасно в страхе,
О нем тревожась. День приносит муку,
30 Приносит муку ночь, сменяясь днем.
Детей мы народили. Только редко
Он видит их: так пахарь навещает
Участок дальний в жатву да в посев.
Едва вернется, вновь уходит: он
Работает весь век свой на других.

Теперь, когда он подвиги окончил,
Еще сильней терзаюсь я тревогой.
Со дня, как им сражен Ифит могучий,
40 Мы здесь, в Трахинском городе, в изгнание
Среди чужих живем,— а где Геракл
Скитается? Кто знает? Скрылся он,
Жестокой скорбью душу мне наполнив.
Но чует ныне сердце: с ним беда.
Не малый срок,— ведь целых десять лун
И пять еще, как нет о нем известий.
Стряслась беда... Он как-то мне оставил
Дошечку эту... День и ночь молюсь,
Чтоб отвратили боги гнев от нас.

К о р м и л и ц а

Царица Деянира, постоянно
50 Я вижу, как томишься ты и плачешь
О том, что вновь Геракла нет с тобой.
Но ежели позволено рабыне
Советовать свободной, я скажу:
Ты сыновьями так богата,— что же
Их не пошлешь родителя искать?
И первым — Гилла, если об отце
Он в самом деле жаждет доброй вести.
Но вот он, резвый, сам домой спешит,
И если мой совет был подан впору,
60 Его и сына с пользой примени.

Д е я н и р а

Дитя мое! И от простых людей
Совет услышишь мудрый: вот рабыня,
А речь ее достойна вольных уст.

Г и л л

В чем дело, матушка? Скажи, коль можно.

Д е я н и р а

Ты ничего не знаешь об отце,
Где он пропал,— и это, право, стыдно.

Г и л л

О нет, я знаю, если верить слухам.

Д е я н и р а

О чем же слухи, сын мой? Где он скрылся?

Г и л л

70 Толкуют, будто прошлый год провел
Он у одной лидиянки в рабах.

Д е я н и р а

И рабство снес... Чего еще дождемся?

Г и л л

Но будто службы срок к концу пришел.

Д е я н и р а

Да где же он, по слухам? Жив иль мертв?

Г и л л

Еврита град на острове Евбее
Он осадил... иль хочет осадить.

Д е я н и р а

А знаешь ли, мой сын, что он оставил
Об этом крае мне богов вещанье?

Г и л л

Какое, мать? О чем оно гласит?

Д е я н и р а

80 Что предстоит ему там жизнь окончить
Иль, на плечи подняв последний подвиг,
Остаток дней спокойно провести.

В час роковой ужель, дитя мое,
К родителю не поспешишь на помощь?
Погибнет он — и мы погибли тоже,
Спасется он — и мы все спасены.

Г и л л

Нет, нет, иду! Когда бы знал я раньше
Пророчество, отправился б давно.
Жизнь мирно шла, и не было причин
90 Так горевать, так за отца страшиться.
Теперь же я не пожалею сил
И об отце всю правду разузнаю.

Д е я н и р а

Ступай же! Никогда искать не поздно;
Благая весть тебя вознаградит.

П А Р О Д

Х о р

СТРОФА 1

Ты, кого ночь порождает,
Звездный теряя убор,
А засияв, — провожает ко сну,
Пламенный Гелий, о Гелий, молю,
Ты мне поведай о сыне Алкмены:
100 Где же скитается он?
Молви мне, бог лучезарный,
У каких лукоморий он медлит?
Или желанный приют он обрел
В чужедальнем краю?
Мне ответствуй, о зоркий из зорких!

АНТИСТРОФА 1

110 Вижу: скорбя неутешно
 Долгие ночи и дни,
 Единоборством добытая встарь,
 Сирюю птицей сидит Деянира;
 Тяжко тоскует она и не в силах
 Горькие слезы унять.
 Страх за супруга-скитальца
 На ложе давно одиноком
 Вечной тревогой терзает ее.
 Горемычной, ей дан
 Лишь судьбы неминуемой жребий.

СТРОФА 2

120 Как бесчисленные волны
 Под Бореем или Нотом
 Набегут в открытом море,
 Налетят и вновь уйдут,—
 Так и Кадмова сына
 То потопит, то вынесет
 Жизни море бездонное —
 Многорудная зыбь.
 Но его отводят боги
 От обители Аида,
 Безупречного стрелка.

АНТИСТРОФА 2

130 Выслушай упрека слово:
 По-иному смею думать.
 Упование благое
 Надо в сердце нам хранить.
 Царь Кронид вседержавный
 Не давал испокон веков
 Роду, смерти подвластному,
 Лишь безоблачных дней.
 Нынче горе, завтра счастье —
 Как Медведицы небесной
 Круговой извечный ход.

140

В жизни все непостоянно:
 Звезды, беды и богатство.
 Неустойчивое счастье
 Неожиданно исчезло,
 Миг — и радость возвратилась,
 А за нею — вновь печаль.
 Помни же закон всеобщий
 И надейся, о царица!
 Разве видано от века,
 Чтобы к чадам земнородным
 Зложелателен был Зевс?

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Деянира

150

Слышали вы о горести моей
 И потому пришли; но всех терзаний
 Вам не понять моих: они вам чужды.
 Ведь молодости нежное растение
 В пределах заповедных расцветает,
 Где никогда его ни зной, ни дождь,
 Ни ветер не тревожат, безмятежно
 Среди отрад проводит дева юность,
 Пока ее женой не назвал муж,
 Пока она не стала спать тревожно
 В заботах о супруге и семье.
 160 Но, долю женскую познав, она
 Поймет мои страданья. Много в жизни
 Различных я оплакивала бед,
 Но об одной — о новой — расскажу.
 Когда Геракл, мой господин, из дома
 Ушел в последний раз, он мне оставил
 Старинную дощечку с завещаньем.
 Он никогда, куда б ни шел на подвиг,
 Мне до сих пор о нем не говорил.
 На сей же раз, как будто на смерть шел,

170 Определил мне часть мою и сколько
Земли отцовской детям завещает.
Сказал, что если год и четверть года
Отсутствовать он будет на чужбине,
То в этот срок иль жизнь скончает там,
Или, избегнув смерти, дней остаток
В ненарушимом мире проживет.
Так он раскрыл божественный глагол
Об окончанье подвигов Геракла.
180 Ему об этом провещал в Додоне
Старинный дуб устами голубиц.
Пророчество сбывается теперь,
Как надлежало сбыться, в должный срок.
И как бы я спокойно ни спала,
Вдруг просыпаюсь в ужасе, дрожа,
Что лучшего из смертных я утрачу.

Хор

От слов зловещих воздержись: вон кто-то
Сюда идет в венке, он с доброй вестью.

Вестник

190 Царица Деянира! Вестник первый,
Я твой рассею страх: Алкмены сын
Жив, победил и после боя жертвы
Отборные родным богам приносит.

Деянира

Что ты промолвил, старый? Что я слышу?

Вестник

Твой господин, перевозносимый нами,
К тебе вернется скоро с торжеством.

Деянира

От наших ли ты слышал иль чужих?

Вестник

На летнем пастбище перед народом
Его посланник Лихас держит речь;

А я сюда примчался, чтобы первым
И милость и награду заслужить.

Деянира

200 Но что ж он медлит сам с известьем добрым?

Вестник

Он, госпожа, в немалом затрудненье:
Вокруг него кольцом стоят мелицы,
С вопросами пристали — не пройдешь.
Ведь каждый рад с тоской своей проститься,
Наслушаться не могут. Против воли
Приходится ему в угоду людям
Рассказывать. Но явится он скоро.

Деянира

210 Зевс, царь лугов Этейских заповедных,
Хоть поздною, ты подарил мне радость!
Воспойте, женщины, в хоромах наших
И за вратами! Солнцем эта весть
Нам воссияла и несет блаженство.

Хор

Девушки, звонко
Пойте в покоях
И перед домом!
Дружно, юноши, гряньте
Вы хвалу сребролукому
Аполлону-Заступнику!

220 Девушки! В лад восклицайте:
Пean! Пean!

Громко, громко призывайте
Артемиду-Ортигию,
Аполлонову сестру,
Что, в руках держа по светочу,
Мчится лесом за оленями,—
И ее охотниц — нимф!

Пean! Пean!

Мой дух парит... О, не отвергну флейты
Твоей, владыка сердца моего!

Несет, мчит меня...
 Эвой, эвой! О плющ! Эвой! Эвой!
 Я несусь в безумной пляске,
 В пляске Вакховой... Эвой!
 Ио, ио, Пеан!

Царица дорогая!
 Смотри: и впрямь благая
 К тебе приходит весть.

Д е я н и р а

Я вижу, милые мои; заметил
 Мой зоркий взгляд, что люди к нам идут.
 240 Привет тебе, посланник долгожданный,
 Коль радостную ты приносишь весть!

Л и х а с

Приход мой светел, светел твой привет.
 Он мной заслужен: человек достойный
 Почтен по праву добрым обращеньем.

Д е я н и р а

О муж любезный, наперед скажи:
 Живым увижу ль моего Геракла?

Л и х а с

Что до меня, его живым оставил —
 В расцвете сил, и бодрым, и здоровым.

Д е я н и р а

Скажи, в родной иль варварской стране?

Л и х а с

250 В краю Евбейском Зевсу посвящает
 Он алтари и урожай плодов.

Д е я н и р а

Он дал обет? Иль так велел оракул?

Л и х а с

Он дал обет, когда пошел походом
 На город жен, которых видишь здесь.

Д е я н и р а

Кто эти жены? Чьи? Скажи, молю!
Мне жалко их, коль стоит их жалеть.

Л и х а с

Он выбрал их, Эхалию разрушив,
И для себя, и для служенья в храме.

Д е я н и р а

260 Ужель под этим городом он пробыл
Столь долгий срок, что дней не сосчитать?

Л и х а с

Нет, по словам его, он у лидийцев
Так задержался — не по доброй воле.
Он куплен был... Не гневайся, царица,
На речь мою: тому был Зевс причиной.
Твой муж был продан варварке Омфале,
Сам говорит, что год у ней работал.
И так был уязвлен позором этим,
Что клятву дал торжественно богам
270 Виновника его постыдной доли
Поработить с женою и детьми.
Исполнил он обет. По очищенье
Он на Эхалию с наемным войском
Пошел войной: Еврита он считал
Виновником единым бед своих.
Однажды у Еврита был он гостем.
Тот оскорбил его и дерзкой речью,
И злобною душой, сказав ему:
«Хоть стрелы у тебя неотразимы,—
280 В стрельбе моим уступишь сыновьям.
Ты раб,— Еврит вскричал,— и был не раз
Жестоко бит!» И на пиру, хмельного,
Его из дома вытолкал. И в сердцах,
Когда Евритов сын пришел в Тиринф,
Ища своих потерянных коней,
И мыслями рассеян был,— Геракл
С высокой башни сверг его. Тогда,

Разгневавшись на это злодеянье,
Родитель всех — царь олимпийский Зевс —
Его на долю рабскую обрек,
290 Не потерпев, что он свершил убийство
Обманом. Если б он открыто мстил,
Возмездье честное простил бы Зевс:
Бессмертные не терпят вероломства.
Тот дерзостный обидчик с сыновьями
Теперь давно в Аид переселился,
А город их — в неволе. Эти жены
Дни счастья сменили на беду —
И вот к тебе явились. Их прислал
300 Твой муж, а я — слуга — лишь долг исполнил.
Что до Геракла — жертвы искупленья
Он в честь победы Зевсу принесет
И сам прибудет. Говорил я долго,
Но эта весть тебе всего приятней.

Х о р

Ликуй, царица! Вот оно — блаженство:
Ты видишь их и слышала его.

Д е я н и р а

Как я могу не радоваться дивным
Деяньям мужа? Радуюсь всем сердцем.
Всегда сопутствует успеху радость.
310 Но осторожным следует дрожать
И при удачах. Долго ль оступиться?

Ах, милые, я искренне жалею
Вот этих, бедных, на чужой земле,
Скиталиц — и бездомных и безотчих.
Они, наверно, были от рожденья
Свободными. Теперь их рабство ждет.

Вершитель боя Зевс! Да не увижу
Детей своих, тобою так гонимых!
Помилуй их, доколе я жива.
Гляжу — и вся от страха содрогаюсь.

(К Иоле.)

320 О злополучная! кто ты, юница?
Не замужем? Иль дети есть? Ты с виду

Невинней всех и благородней. Лихас,
В какой семье родилась чужеземка?
Скажи, кто мать ей, кто отец? Она
Сильнее прочих тронула мне сердце.
Она одна достоинство хранит.

Л и х а с

Почем мне знать? К чему вопрос? Наверно,
Родители ее — не из последних.

Д е я н и р а

Уж не царевна ль? Дочь имел Еврит?

Л и х а с

330 Не знаю, я расспрашивать не стал.

Д е я н и р а

И как зовут,— ты не узнал у спутниц?

Л и х а с

Нет, не узнал: я молча делал дело.

Д е я н и р а

О бедная, скажи хоть ты сама:
Я огорчусь, коль не откроешь имя.

Л и х а с

Нет, ежели судить по прежним дням,—
Рта не раскроет. За далекий путь,
Как и сейчас, не молвила ни слова.
Томится все под тяжестью несчастья;
340 Бедняжка слезы льет ручьем с тех пор,
Как с родиной погибшею рассталась.
Зол рок ее — ей можно извинить...

Д е я н и р а

Оставим же ее в покое. Пусть
Войдет без принужденья: бед ее

Приумножать не надо — мне тем боле.
Она и так пресыщена. Теперь
Идемте в дом: ведь ты спешишь вернуться,
Я ж привести в порядок все должна.

Лихас с пленницами идет к дому.

Вестник
(подходя к Деянире)

350 Постой, помедли, — разужнай сперва
О той, кого к себе под кровлю вводишь, —
Не знаешь ты всего, что надо знать,
А это мне доподлинно известно.

Деянира

В чем дело? Не задерживай меня!

Вестник

Послушай. То, что раньше рассказал я
И что скажу, по-моему, не вздор.

Деянира

Что ж? Позовем их из дому обратно,
Иль только мне и девушкам расскажешь?

Вестник

Тебе да им скажу. Других не надо.

Деянира

Они ушли. Ты можешь говорить.

Вестник

360 Тот человек не по прямой дороге
Рассказ свой вел: он иль теперь налгал,
Иль раньше вести лживые принес.

Деянира

Что ты промолвил? Говори яснее;
Твои слова мне, право, непонятны.

Вестник

При всем народе этот человек
Рассказывал, что ради этой девы
Пленил Геракл Еврита и низверг
Эхалии высокую твердыню,—
И побуждал его к тому лишь Эрос,—
370 Не рабство у лидианки Омфалы,
Не смерть Ифита, сброшенного с башни...
Теперь же Лихас Эроса забыл!

 Не убедил Геракл ее отца,
Чтоб дочь ему в наложницы он отдал,
И вот, пустой придумав повод, он
Пошел войной на родину ее,
Где царствовал, как знаешь ты, Еврит.
Он поразил царя, ее отца,
Опустошил их город и, как видишь,
380 Вперед послал девицу, и не зря,
Не как рабыню,— нечего и думать;
Что ж странного?— его сжигает страсть.
Вот почему, царица, я решился
Поведать все, что привелось услышать;
И многие трахинцы, вокруг него
Стоявшие толпой, об этом знают.
Все подтвердят. Пусть речь моя горька,—
И сам я ей не рад,— зато правдива.

Деянира

Увы мне, горькой! Вот что совершилось!
Какую ж язву тайную под кров
390 Я приняла! О, горе! Вот какая
Она безродная! И мог он клясться!

Вестник

Она красой сияет и рождением,
Еврита дочь, зовут ее Иолой —
Фиалкою, а он твердил, что рода
Не знает, будто спрашивать не стал.

Хор

Да согнут лиходеи, столь бесчестно
К постыдной прибегающие лжи!

Деянира

О, что мне делать, девушки? Как больно
Нежданные слова пронзили грудь!

Хор

400 Пойди и разузнай ясней: быть может,
Заговорит, когда принудишь силой.

Деянира

Совет хорош, сейчас пойду к нему.

Вестник

Мне подождать? Что мне прикажешь делать?

Деянира

Постой... Тот человек и сам, незванный,
К нам из дому сюда идет как раз.

Входит Лихас.

Лихас

Что, госпожа, Гераклу передать?
Приказывай,— я в путь уже собрался.

Деянира

Так долго здесь ты не был — и спешишь?
Поговорить мы даже не успели.

Лихас

410 Я здесь еще, коль надо что добавить.

Деянира

Откроешь мне всю правду до конца?

Л и х а с

Свидетель Зевс великий,— все скажу.

Д е я н и р а

Кто дева, приведенная тобою?

Л и х а с

Евбеянка... Чья родом, я не знаю.

В е с т н и к

Смотри сюда! С кем разговор ведешь?

Л и х а с

А ты чего? Что за вопрос такой?

В е с т н и к

Изволь ответить, если понимаешь.

Л и х а с

С владычицей, почтенной Деянирой,
Женой Геракла, дочерью Ойнея,
420 С моей царицей, коль глаза не лгут.

В е с т н и к

Я этого и ждал... Ты говоришь,
Она твоя царица?

Л и х а с

Справедливо.

В е с т н и к

Ах, так? Какой же кары ты достоин,
Коль перед ней окажешься лжецом?

Л и х а с

Как так — лжецом? Плетешь ты небылицы!

В е с т н и к

Ну нет, на небылицы ты горазд.

Л и х а с

Уйду. Я глуп, что слишком долго слушал.

В е с т н и к

Нет, не уйдешь... Сперва открой всю правду.

Л и х а с

Ну, говори... ведь ты молчать не любишь.

В е с т н и к

430 Про пленницу, что ты сюда привел...
Ты понял?..

Л и х а с

Понял. Но к чему вопрос?

В е с т н и к

Не говорил ли ты — и скрыл потом,—
Что ты ведешь Еврита дочь, Иолу?

Л и х а с

Кому я говорил? Кто подтвердит,
Что от меня такие речи слышал?

В е с т н и к

Да многим говорил... Толпою целой
Народ трахинский слушал твой рассказ.

Л и х а с

Я говорил: есть слух. Предположенье
И верное известье — не одно.

В е с т н и к

440 Чего предполагать! Не клялся ль ты,
Что к нам ведешь ее — женой Геракла?

Л и х а с

Женой? Нет, ради всех богов, царица
Достойная,— что это за чудаки?

Вестник

Чудак слышал: из-за любви к Иоле
Весь город был спален, что не Омфала
Тому виной, а вспыхнувшая страсть.

Лихас

Владычица, вели, чтоб он отстал,—
Разумному ли говорить с безумным?

Вестник уходит.

Деянира

Нет, заклинаю Этою дубравной,
450 Вершиной Громовержца,— мне не лги!
Ведь речь ведешь ты с женщиной не слабой,
Но знающей мужей. Я понимаю:
Не может быть любовь их постоянной.
Кто Эросу в борьбе противостанет,
Как на бою кулачном,— тот погиб!
Бессмертными, и теми правит Эрос,
И мною, как и всякою другой.
Поистине была бы я безумной,
Виня супруга, впавшего в недуг,
460 Или ее, участницу несчастья...
В беде еще не вижу я позора.
Но если лгать учил тебя Геракл,—
Ты у него худому научился.
А если ты учитель сам себе,—
Стремясь к добру, не окажись злодеем.
Скажи всю правду. Заклеймен свободный
Позором, если уличен во лжи.
Да и не скроешь правды, не удастся.
Те, с кем ты говорил, расскажут мне.
470 Быть может, ты боишься? Не робей!
Мне не узнать всей правды — вот что горько.
А разве страшно знать? Других — и многих!—
Не приводил ли раньше мой Геракл?
И ни одна ни разу от меня
Не слышала попрека... Если ж эта

Истаяла от страсти,— все равно,
Я первая о ней ведь сокрушаюсь.
Всю жизнь ее сгубила красота,
И родину свою она невольно
480 Повергла в рабство. Если что случилось,
Роптать уж поздно. Нет, хитри с другими,
Прошу тебя,— со мной же будь правдив.

Х о р

Она сказала дельно. Не придется
Тебе жалеть. С царицей мы согласны.

Л и х а с

О, если, госпожа, как человек,
Ты понимаешь все и не ревнуешь,—
Я истину открою, не таясь.
Все было так, как этот рассказал:
Безмерной страстью к ней Геракл охвачен.
490 Эхалия, ее несчастный город,
Из-за нее копья добычей стала.
Что ж до него — он не велел скрывать
Иль отрицать пред кем-нибудь. Я сам,
Владычица, боясь печальной вестью
Обидеть сердце женское твое,
Так провинился — ежели виновен.
Теперь, рассказ прослушав до конца,
Прими ее, и пусть твои слова,
К ней обращенные, пребудут крепки.
500 Ведь он, чьих рук неборима сила,
Любовью к ней всецело побежден.

Д е я н и р а

Согласна. Так и надо. Мы не станем
Усиливать постигшее несчастье,
Вотще борясь с бессмертными. Войдем!
Тебе скажу, что передать Гераклу,
И дар ему сvezешь дарам в ответ.
Не отпущу с пустыми я руками
Приведшего мне целую толпу.
(Уходит.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

СТРОФА 1

510 Что ни бой, всегда с победой
Многомошная Киприда.
О бессмертных промолчу:

И Кронида она обольстила,
И Аида пленила, властителя ночи,
И Посейдона, земли колебателя.

Чтобы ложе делить с Деянирой,
Сколь могучие в бой
Выходили соперники
Под удары свирепые,
Под слепящую пыль!

АНТИСТРОФА 1

520 Бог речной — четвероногий,
Круторогий, бык могучий —
Ойниадский Ахелой

И из Фив появившийся Вакховых,
С луком изогнутым, копьями, палицей
Сын Алкмены, — тут ринулись оба,

Бились ради прекрасной невесты,
Но отчаянным боем
Браков добрых богиня,
Золотая Киприда,
530 Управляла одна.

эпод

В кулаки бросался мощный,
Тетива звенела. Слышно:
Бычий рог трещит. Объятий
Не разжать. Сулит погибель
Лоб наставленный. Сшибаясь,
Оба — грозные! — кричат.

А она вдали — красавица —
На холме одна сидела,
Ожидая мужа милого.

540

Долго длилась эта битва.
Двум желанная невеста
Молча в ужасе глядела,—
И, как телочка от матки,
Вдруг от матери ушла.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Д е я н и р а

Пока, подруги, с пленницами гость
Прощается, собираясь в путь обратный,
К вам, милые, я выйти поспешила,
Поведать вам, что я предприняла,
Печалью поделиться и поплакать.

550

Ведь деву ту — нет, верно, уж не деву!—
Я приняла, как корабельщик груз,
Погибельный для сердца своего.
Теперь мы обе на одной постели
Ждем тех же ласк. Вот дар мне от Геракла
За то, что я очаг блюла так долго,
Считая мужа преданным и честным.
Я на него сердиться не могу:
Необоримым болен он недугом.

560

Но с нею вместе жить... О, кто бы мог
Делить с другой единого супруга?
Я вижу все: краса ее в расцвете,
Моя же — увядает. Взор мужчин
Рвет первый цвет, иного им не надо.
Боюсь, Геракл, зовясь моим супругом,
На деле другом будет этой, новой.

Но я сказала: гнев не подобает
Разумным женам. Я открою вам,
Чем думаю помочь своей невзгоде:
Есть у меня от чудища подарок,—

570 Хранится много лет в сосуде медном,—
От Несса космогрудого; когда
Он умирал, дар этот, юной девой,
Я получила. Через Евен глубокий
Кентавр людей переправлял за плату,
Без паруса и весел, на руках.

Когда я молодой женой Геракла
Уехала, покинув дом отцовский,—
Меня он нес. Вдруг посредине брода
Бесстыдною рукой меня схватил.
580 Я вскрикнула. Геракл мой в тот же миг
Крылатую пустил стрелу, и в грудь
Она со свистом чудищу вонзилась.
И Несс сказал, кончаясь: «Дочь Ойнея,
Поверь моим словам — себе на пользу:
Ведь я тебя последней перенес.
Коль ты мою запекшуюся кровь
Сберешь руками, там, где черным ядом
Окрашена она Лернейской Гидры,
590 В ней обретешь ты приворот надежный
Для мужниного сердца: никогда
Он женщину другую не полюбит».

Все это мне припомнилось, подруги.
Я бережно хранила сгусток в доме.
И вот, хитон я смазала той кровью,
Как Несс велел перед кончиной. Дело
Совершено. Я колдовства не знаю
И не терплю причастных колдовству,—
Но, может быть, приворожу Геракла
И одолею чары этой девы.
600 Так поступить решилась я. Но если
Мой шаг безумен, отступлюсь сама.

Х о р

Нет, если ты уверена в успехе,
Поступок твой, нам кажется, не плох.

Д е я н и р а

Да, в средстве я уверена, хоть раньше
Его мне не случалось испытать.

Хор

Предпринимая, надо знать наверно,—
А у тебя есть вера, знанья — нет.

Деянира

Узнаем скоро. Вижу, он выходит
Из двери: в путь обратный собрался.
610 Но сохраняйте тайну! Если скрыт
Проступок наш, то не позорен он.

Лихас

Что приказать изволишь, дочь Ойнея?
Я слишком долго задержался здесь.

Деянира

Вот что успела я надумать, Лихас,
Пока ты пленниц в доме занимал.
Снеси одежду праздничную эту,
Мной сотканную, мужу моему;
Но накажи, чтоб до него никто
620 В нее другой не вздумал облачатся;
Чтоб солнца луч ее не увидал,
Ни пламя очага, ни огонь алтарный,
Доколь ее Геракл в виду у всех
Богам не явит в день закланья жертв.

Вот мой обет: увижу иль услышу,
Что он спасен и дома, в сей хитон
Его одену, и богам предстанет
Он в блеске новом, в новом облаченье.
Предъявишь знак ему, и тотчас он
630 Печать от перстня моего признает.

Теперь иди и помни, что посол
Своей не руководствуется волей.
И будем мы тебя благодарить,
И он и я, признательные оба.

Лихас

Примерно соблюдая долг Гермеса,
Я порученья выполню твои.
Ларец с подарком отвезу и точно
Все передам, что ты мне наказала.

Д е я н и р а

Теперь ты можешь отправляться в путь:
Ты знаешь все, что происходит в доме.

Л и х а с

640 Да, и скажу, что все благополучно.

Д е я н и р а

Про чужестранку тоже: ты свидетель,
Как я радушно встретила ее.

Л и х а с

От радости затрепетало сердце.

Д е я н и р а

Что ж передать еще? Боюсь, не рано ль
Рассказывать ему, как я тоскую,
Не зная, сам тоскует он иль нет.
(Уходит.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА 1

650 Вы, вблизи корабельных приютов,
И у горных горячих потоков,
И на склонах Этейских живущие,
И на взморье залива Мелиды,
На берегах золотострельной богини,
Где Пилейские сборища эллинов
Прославляемы с давних времен!

АНТИСТРОФА 1

Скоро звонкоголосая флейта
Прозвучит не напевом печали,
Но в согласии с лирою Муз.

Возвращается к нам победителем
Сын могучий Кронида. В награду
За свершенные подвиги к дому
Он с богатой добычей спешит.

СТРОФА 2

Ожидали двенадцать мы месяцев,
Но не видели в граде лица его,—
Пропадал где-то за морем без вести.
А его супруга милая
Здесь томилась и рыдала,
Горько плакала, несчастная.
Но наконец многотрудным деяньям
Ярый Арей полагает предел.

АНТИСТРОФА 2

О, явись! О, явись! Да не медлит
Твой корабль многовесельный в море,
Да причалит у нашего города!
Ты покинь на дальнем острове
Алтари, где ныне жертвами —
Слышим — чувствуешь богов!
В новой одежде, исполненный страсти,
Обвороженный любовью, явись!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Д е я н и р а

О милые подруги, как мне страшно!
Не слишком ли далеко я зашла?

Х о р

О чем ты, Деянира, дочь Ойнея?

Д е я н и р а

Не знаю, но боюсь, как бы во зло
Не обратилась сладкая надежда.

Х о р

Ты разумеешь свой подарок мужу?

Д е я н и р а

Да, именно. Теперь я всем скажу:
Не действуйте, пока не все вам ясно.

Х о р

Скажи, коль можно, что страшит тебя?

Д е я н и р а

Случилось небывалое, подруги;
Открою вам неслыханное чудо:
Тот самый клочок прекрасной белой шерсти,
Которым я нарядную одежду
690 Натерла, весь исчез. Его извне
Ничто не съело,— сам себя съедая,
По камню он расплылся. Чтобы вам
Точнее знать, я расскажу подробно.
Все то, чему кентавр, стрелой смертельной
Пронзенный в бок, меня учил, страдая,
Я выполнила точно. Сохраняла
Его слова я в памяти, как надпись
На бронзовой таблице. Соблюдала
Его наказ: держать подальше зелье
700 От солнца и огня, в укромном месте,
Доколь его не применю я к делу.
Все соблюла. Теперь же, в должный час,
Там, в комнатах, я средство применила,
Взяв шерсти клочок от нашей же овцы.
Сложила ткань и в недоступный солнцу
Ларец замкнула, как известно вам.
Вернувшись в дом, я вижу вдруг такое,
Чему нет слов, что превосходит разум.
710 Ту шерсть, которой мазала одежду,
Я бросила на солнечном припеке.
Нагрелся постепенно клочок и вдруг
Стал расплываться по полу и течь,—

И более всего похоже было,
Что деревянные текут опилки.
Так весь он разошелся. А на месте,
Где он лежал, вскипают комья пены,
Как будто сок багровых гроздьев Вакха
Разлили по земле в палящий зной.

Несчастливая, не знаю, что и думать.
720 Я вижу дело страшное свое!
Кентавр из-за меня погиб: с чего же
Ему желать мне блага в смертный час?
Нет! Погубить убийцу он замыслил
И обольщал меня. Но я лишь ныне
Все поняла, когда уж нет возврата.
Коль страшные предчувствия не ложны,
Сама его, злосчастливая, гублю.
Стрела Геракла, знаю я, и бога
730 Хирона погубила: смертоносна
Она для всех животных. Почему же
Тот черный яд, пройдя сквозь рану Несса,
Не сгубит и Геракла? Так и будет.
Но я решила: если он погибнет,
С ним вместе в тот же час умру и я.
Невыносимо жить с худою славой,
Когда не знаешь за собою зла.

Х о р

Страшиться злодеяний надлежит,
Но до конца хранить в душе надежду.

Д е я н и р а

740 Безрадостны твои советы, — в них
Надежды нет, и ободриться нечем.

Х о р

На тех, кто впал без умысла в ошибку,
Не гневаются сильно. Будь спокойна.

Д е я н и р а

Подобные слова не для сраженных
Напастью, а для тех, в чьем доме мир.

Х о р

Беседу с нами ты должна прервать,
Коль посвятить в нее не хочешь сына:
Вот он идет, отца искать ушедший.

Входит Г и л л.

Г и л л

О мать, уж лучше бы одно из трех:
Иль умереть тебе, иль, если жить,
750 Быть матерью другого, не моею,
Или иной и лучшей сердцем стать!

Д е я н и р а

За что, о сын, меня ты ненавидишь?

Г и л л

Узнай: ты мужа своего, — о нет! —
Ты моего отца сейчас убила.

Д е я н и р а

О, что ты говоришь, дитя мое?

Г и л л

Я правду непреложную сказал.
Не сделаешь не бывшим то, что было.

Д е я н и р а

Что ты сказал? Кто называл меня
Винницей такого злодеянья?

Г и л л

Я видел сам мучения отца
760 И говорю о них не понаслышке.

Д е я н и р а

Где ж ты нашел, где встретил ты его?

Коль хочешь знать, мне все сказать придется.

Итак, он шел, разрушив град Еврита,

С добычей и трофеями побед.

Встает над всей Евбеей, с двух сторон

Омытый морем, мыс Кенейский. Там

Он древле почитаемому Зевсу

Алтарь и рошу посвящал. Его

770 Я там увидел и возвеселился.

Он к жертвам приступал. Тут прибыл Лихас,

Неся твой дар — смертельную одежду.

Надев ее, как наказала ты,

Он заколол двенадцать лучших в стаде

Тельцов отборных. А всего пригнал он

До ста голов, всех возрастов, скота.

И вот сперва — злосчастный! — с чистым сердцем,

Наряду радуясь, молиться начал,

780 Когда ж священный пламень дров смолистых,

Насытись кровью, жарко запылал,

Он вдруг покрылся потом. Стан и члены

Ткань облепила плотно, — как ваяют

Художники. Язвительная боль

Проникла в кости. Словно яд смертельный

Жестокой гидры начал грызть его.

Тут к Лихасу воззвал он, — хоть несчастный

Повинен не был в умысле твоём, —

Зачем одежду он принес — изменник?

В неведение ему ответил Лихас,

790 Что передал твой дар, тобой был послан.

Услышал он ответ, и грудь его

Мучительная судорога сжала;

Тут Лихаса он крепко за лодыжку

Схватил рукой и об утес швырнул,

Врезающийся в море. Брызнул мозг,

Кровавый череп на куски разбился.

И возопил народ в священном страхе,

Узрев, что тот в безумье, а другой

800 Погиб. Никто приблизиться не смел.

А он то наземь повергался с воплем,

То вскакивал. В ответ гудели скалы
Евбейские, Локрийские холмы.

Когда же он устал бросаться наземь,
От криков и от воплей ослабев,—
Стал проклинать он брак свой злополучный
С тобою, мать, и свой союз с Ойнеем,
В котором язву дней своих обрел.
И, отведа свой иступленный взор
От дыма жертв, меня в толпе огромной
810 Увидел он в слезах и подозревал:
«Сын, подойди! Не избегай несчастья
Отцовского, хотя б и смерть со мною
Пришлось делить. О, унеси меня
Подальше, прочь от взоров смертных! Если
Мне сострадаешь ты, меня отсюда
Перевези, чтоб я не умер здесь!»

Как он велел, его мы положили
На дно ладьи и, стонущего в муках,
820 Сюда с трудом великим довели.
Его сейчас увидите живым
Иль только что умершим.

Так, о мать,
Ты в умысле на жизнь отца виновна.
Да мстят тебе Эриния и Правда,—
Ужасная мольба! Но ты попрала
Свой долг, убив храбрейшего из смертных,—
Подобного не встретишь никогда!

Деянира идет к дому.

Х о р

Куда уходишь молча? Иль не знаешь,
Что обвиняешь ты себя молчаньем?

Г и л л

830 О, пусть идет! Будь ей попутен, ветер,
Умчи ее подальше с глаз моих!
Зачем ей имя матери носить,
Когда она не мать в своих поступках?
Пускай же ныне вкусит наслажденья,
Которым осчастливила отца.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

Вот как, о девушки, ныне
Явственно стало пророчества
Древнее слово, вещавшее:
Лишь исполнит год двенадцатый
Все свои двенадцать месяцев,
840 Сбросит бремя трудных подвигов
Громовержца кровный сын.
Все неуклонно течет к исполнению:
Как же, не видящий света за гробом,
Станет нести подневольный он труд?

АНТИСТРОФА 1

Если наряд роковой —
Дело кентавровой хитрости —
В грудь его злобно впивается,
850 Если в плоть проник погибельный,
Смертный яд змеи чешуйчатой,
Не увидит он, скончавшийся,
Солнца завтрашнего дня,
Гидры чудовищным призраком схваченный?
Яд на огне прикипел, и безжалостно
Несс черногривый терзает его!

СТРОФА 2

О несчастная!
Бед не ждала она. Горе предвидя,
С новой женою вступившее в дом,
Средство своей применила рукой,
860 Советом чужим сражена,
Погублена страстной любовью,
И мнится, стонет она, и вопит,
И слез изобильных роняет росу...
Так движется рок и вскрывает
Коварства ужасный исход.

Хлынул слез поток,
 Боль разливается в теле — увы!
 Даже и враг достославного мужа
 Ныне пришел бы над ним возопить.
 Увы! Боевое копьё!
 870 Зачем из холмистой Эхалии
 Оно злополучную деву-невесту
 Железною силою к нам привело?
 Но рядом стояла, безмолвна,
 Киприда, виновница бед.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Первое полухорие

Иль обманулась я, иль вправду слышу:
 Какой-то крик разнесся вдруг по дому.
 Что это значит?

Второе полухорие

Не смутный крик, а чей-то вой несется
 Отчаянный. Еще беда случилась.

Хор

880 Смотри,
 Вот, сдвинув брови и глаза потупив,
 Идет старуха что-то сообщить.

Входит кормилица.

Кормилица

Ах, доченьки, немало горьких бед
 Принес нам дар, отправленный Гераклу!

Хор

О чем ты, бабка? Что за горе там?

Кормилица

Царица Деянира в самый дальний
Из всех путей ушла, не торопясь.

Хор

Не умерла ли?

Кормилица

Все сказала я.

Хор

Несчастная скончалась?

Кормилица

Так и есть.

Хор

890

Несчастная погибла...
Как умерла она, скажи?

Кормилица

Ужасной смертью...

Хор

Как рок свой встретила?

Кормилица

Сама себя убила.

Хор

Отчаянье или безумье
Ее сразило лезвием меча?
За смертью — смерть...
И все одна свершила!

Кормилица

Клинком кинжала, вестника беды.

Хор

900 Ты видела — и не могла сдержать?

Кормилица

Да, видела: поблизости стояла.

Хор

Как было все, скажи?

Кормилица

Она своей рукою все свершила.

Хор

Что молвишь?

Кормилица

Истину.

Хор

Породила, породила
Ныне страшную Эринию
К нам явившаяся дева!

Кормилица

О да. И ты еще сильнее страдала б,
Когда б сама присутствовала там.

Хор

910 И женская не дрогнула рука?

Кормилица

Ничуть. Послушай и суди сама.

Она вошла и глянула во двор,
Где сын стелил удобные носилки,
Спеша в обратный путь — встречать отца,—
И в дом вступила, от людей скрываясь;
Припала к алтарям и причитала,
Что им отныне пустовать придется;
Вещей касалась, ей служивших, бедной,

920 Металась по всему дворцу и, встретив
Кого-нибудь из милых домочадцев,
Несчастливая, рыдала, видя их.
Рыдала о своей несчастной доле
И о судьбе оставшихся рабов.
Когда же перестала,— вижу, вдруг
Кидается она к Гераклу в спальню.
Я, притаясь, за ней следила. Вот
Она постель готовит, вот на ложе
Герakлово накинула покров,
930 Потом сама вскочила на кровать,
Посередине села и, ручьями
Слез жгучих обливаясь, так сказала:
«Постель моя, ты, брачный мой покой!
Навек прощайте! Никогда отныне
Вы спящую не примете меня!»
Воскликнула и, твердою рукою
Свой пеплос разорвав, где он у груди
Застежкой золотокованой скреплен,
Все левое плечо и бок открыла.
Я бросилась что было силы сыну
940 О страшных действиях ее сказать...
Когда ж мы с ним обратно прибежали,
Глядим: она лежит, поражена
Кинжалом двусторонним прямо в сердце.
Ее увидев, вскрикнул Гилл: он понял,
Что в исступленье мать себя пронзила;
Узнал от слуг, но поздно, что она
В неведение, по наущенью Несса,
Все делала. И юноша несчастный
Оплакал мать. Над ней рыдал он горько,
950 Он падал на колени, принимал
К ее устам, ложился с мертвой рядом,
Стенал, что обвинил ее безумно
И что лишается обоих сразу,
Что будет жить без матери, отца...
Вот что у нас случилось. Тот безумен,
Кто за два дня загадывает. «Завтра» —
Лишь звук пустой, пока благополучно
Не пережили нынешний мы день.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р

СТРОФА 1

960 Какую сперва нам оплакать беду?
Какая из двух тяжелее?
Сказать я не в силах.

АНТИСТРОФА 1

Одна разразилась под кровом у нас,
Другой, трепеща, ожидаем.
О, горе! О, ужас!

СТРОФА 2

Когда б залетел
В покой наш попутного ветра порыв!
Унес бы меня!
Боюсь умереть
От страха, узрев
970 Могучего Зевсова сына!
Говорят, он уж близко,
В неизбывных мученьях...
И жутко и дивно!

АНТИСТРОФА 2

Недолго пришлось мне
Рыдать соловьем голосистым! Несут
Его на руках
Нездешние люди,
Скорбя, как о друге,—
Беззвучен их горестный плач...
980 Он безгласен... О, горе!
Что случилось? Он умер
Иль в сон погружен?

ЭКСОД

Г и л л

Как о тебе, отец,
Скорблю, о, как скорблю! О, я несчастный!
Что делать мне? Как быть? Ах, горе, горе!

С т а р е ц

Потише, сын! Не пробуждай
Его неистовых мучений.
Еще он жив,— но смерть близка.
Держи его, а сам — молчи.

Г и л л

990 Что говоришь, старик? Ужель он жив?

С т а р е ц

Не разбуди его: он спит.
Не бери, не растравляй
Ужасных схваток злобной боли,
Мой сын.

Г и л л

Злосчастный я! Каким раздавлен
Я бременем! Мутится ум.

Г е р а к л

О Зевс!

Где я? В какой стране? Кто эти люди?
Где я лежу в мученье безысходном?
О, горе мне! Опять терзает боль
1000 Проклятая...

С т а р е ц
(Гиллу)

Ты понял ли, насколько было б лучше
Таить безмолвно скорбь души?
Не должно было отгонять
От везд страдальца
Отрадный сон.

Г и л л

Я удержать себя не мог,
Я не стерпел его ужасной муки.

Г е р а к л

1010 О Кенейский алтарь! Так ли мне воздается,
Злополучному? Я ли тебе не принес
Превеликие жертвы,— свидетель мне Зевс!
Погубил ты, ужасно меня погубил!
И зачем я увидел тебя! Я вовек
Не познал бы вершины безумья,— увы! —
Пред которым бессильно могущество чар!
Где кудесник такой, где искусный тот врач,
Кто бы мог — кроме Зевса — избавить меня?
Было б чудо, когда б он явился.

СТРОФА

1020 О, дайте, дайте мне, несчастному,
Уснуть последним сном!
Зачем касаешься? Ворочаешь зачем?
Меня погубишь ты, погубишь,
Пробудишь вновь затихнувшую боль.
Схватила... Ой!.. Ой!.. Снова подползла...
Неблагодарные, хуже всех эллинов!
Мир очищая, и в дебрях и на море,
Я ль не страдал? А теперь, сокрушенному,
Вы ни огнем, ни копьем не поможете?
О, горе, горе!

1030 Ужель никто не отсечет
Страдальца голову от тела?

С т а р е ц

Чадю Гераклово, мне не под силу,—
Ты помогай. Ты сильнее и моложе,
Помощь моя не нужна.

Г и л л

Я держу.
Только ни я и никто из живущих
Сделать не в силах, чтоб мог позабыться он
И не страдать: это Зевсова воля.

Г е р а к л

АНТИСТРОФА

О сын мой, сын мой! Где же ты?

Приподыми меня...

1040 Возьми меня, вот так... Увы, увы! О боги!

Проклятая!.. Зашевелилась...

Опять, опять... вконец меня замучит...

Увы! Паллада! Снова боль терзает...

Сын! Пожалей же отца! Не осудят...

Меч извлеки, порази под ключицу!..

Сжался!.. Убийца — безбожная мать твоя...

Гибель моя да падет на нее!

Аид, брат Зевсов!

О, упокой, о, упокой

Меня быстролетящей смертью!

Х о р

1050 При виде мук его дрожу, подруги.

Такой достойный муж — в таких страданиях!

Г е р а к л

Свершил я тяжких подвигов немало

Рукой своей и вынес на плечах!

Но даже ненавистный Еврисфей

Иль Зевсова супруга мук таких

Не причиняли мне, как дочь Ойнея

Коварная, облекшая мне стан

Сплетенною Эриниями сетью, —

1060 На гибель мне, к бокам прилипнув, плащ

Плоть разъедает до костей и жилы

Сосет в груди, пьет кровь мою живую.

В мученьях погибает плоть моя, —

Мне пут не одолеть неизреченных.

И все свершило не копье средь поля,

Не рать гигантов, чад земли, не зверь,

Не эллины, не варвары в краях,

Где появлялся я как избавитель.

Нет, женщина бессильная, одна

Меня сразила насмерть без оружия.

О сын, будь ныне подлинно мне сыном
 И матери не предпочти отцу.
 Из дому выведи ее и в руки
 Мои предай, чтоб ясно видел я,
 Кому ты сострадаешь, мне иль ей,
 На язвы тела моего взирая.

Смелей же, сын! О, пожалей отца!
 Для всех я ныне жалок стал. Ты видишь,—
 Как девушка, кричу я и рыдаю,
 Таким никто не выдывал меня.
 1080 Я бедствия переносил без жалоб,
 А ныне кто я? Слабая жена!

О, подойди, поближе стань к отцу.
 И посмотри, какую лютой болью
 Терзаюсь я... Приподыму одежду:
 Смотри, глядите все на муку плоти!
 Глядите все, как жалок я, злосчастный...
 Увы! Увы! О, горе!

Вот вновь схватила боль, горит внутри,
 Язвит бока, опять пойдет борьба
 1090 С настойчивой, снедающею мукой.
 О царь Аид, прими меня!
 О пламень Зевса, порази!
 Ударь, отец... Опять грызет нутро!
 О руки, плечи, грудь моя,
 О мышцы верные, что с вами случилось?

А вами был когда-то уничтожен
 Тот лев Немейский, пастухов гроза,—
 Никто не смел приблизиться к нему,
 И Гидра та, Лернейская гадюка,
 1100 И сонм полулюдей-полуконей,
 Свирепый род надменный, беззаконный
 И непомерной силы; мною вебрь
 Повержен Эриманфский, и в Аиде
 Трехглавый пес необоримый, чадо
 Чудовищной Ехидны, и Дракон,
 Что сторожит плоды на крае мира.

Свершил еще я подвигов немало,—
 Никто не одолел моей руки.
 А ныне, весь изломан и растерзан,

1110 Добыча я слепого разрушенья,
Я, благородной матерью рожденный,
Зовущий Зевса звездного отцом.

Одно лишь знайте: хоть я стал ничем,
Хоть недвижим, пускай придет злодейка —
Она узнает силу рук моих!
И сможет засвидетельствовать людям,
Что и пред смертью я борюсь со злом.

Х о р

О бедная Эллада! Как ты ныне
Осиротеешь, потеряв его!

Г и л л

1120 Отец, ты смолк, — и я могу ответить;
О, потерпи и выслушай меня!
Скажу лишь то, что долг повелевает.
Так яростно не предавайся гневу,
О, выслушай, иначе не поймешь,
Что в ненависти ты неправ и в злобе.

Г е р а к л

Скажи и замолчи. Мешает боль
Тебя понять — мне речь твоя темна.

Г и л л

Хочу сказать, что с матерью случилось, —
И что на ней, злосчастной, нет вины.

Г е р а к л

1130 О негодяй! Ты смел упомянуть
О матери своей — отцеубийце?

Г и л л

В подобный миг молчанье неуместно.

Г е р а к л

О чем молчанье? Об ее злодействах?

Г и л л

О том, что ею ныне свершено.

Г е р а к л

Скажи, но сам не окажись злодеем.

Г и л л

Ее уже не стало — пала мертвой.

Г е р а к л

От чьей руки? Вот сладостная весть!

Г и л л

От собственной, не от чужой погибла.

Г е р а к л

Увы! Не от моей... а заслужила...

Г и л л

1140 Твой гнев пройдет, когда открою все.

Г е р а к л

Речь странная, однако говори.

Г и л л

Она ошиблась: цель была благая.

Г е р а к л

Злодей! Благая цель — убить супруга?

Г и л л

Хотела лишь тебя приворожить,
Жену увидев новую. Ошиблась.

Г е р а к л

И кто ж такой в Трахине чародей?

Г и л л

Ей Несс-кентавр совет когда-то подал
Тем средством страсть твою воспламенить.

Г е р а к л

Увы, увы мне! Гибну я, злосчастный...
1150 Конец, конец... Не мне — сиянье дня.
Увы, я понял все: мне нет спасенья.
Иди, мой сын, нет у тебя отца.
Зови своих всех братьев и Алкмену
Несчастную, что Зевсовой супругой
На горе стала, — я хочу, чтоб вы
Пророчества, мне ведомые, знали.

Г и л л

Но матери твоей здесь нет. Она
Давно уже в Тиринф переселилась
И часть внучат с собою забрала,
1160 А остальные обитают в Фивах.
Мы здесь одни, отец. Лишь прикажи,
Я ревностно исполню все, что должно.

Г е р а к л

Так слушай. Доказать настало время,
Что в самом деле ты Гераклов сын.
Когда-то мне отец мой предсказал,
Что смерть свою приму не от живого, —
Но от того, чьим домом стал Аид.
И вот, в согласье с божьим предсказаньем,
Кентавр меня убил: живого — мертвый.
1170 Теперь узнай, как древнее вещанье
Подтверждено другим, совсем недавним.
У горцев селлов, спящих на земле,
Я записал слова, что повещал мне
Глаголющий листвою Зевсов дуб.
Он предсказал, что время на исходе
И ряду тяжких подвигов моих
Пришел конец. Я думал, буду счастлив...
Но, видно, разумел он смерть мою:
Ведь для умерших нет уже трудов.
1180 Все явственно сбывается, мой сын:
Ты ныне будь соратником отцу.
Не доводи меня до горьких слов,

Но покорись, исполнив тем завет
Прекраснейший — отцу повиновенье.

Г и л л

Хоть я и трепещу перед исходом
Беседы нашей,— все, отец, исполню.

Г е р а к л

Сперва мне руку правую подай.

Г и л л

Отец, ты клятвы требуешь? Зачем?

Г е р а к л

Давай же руку — повинуйся мне.

Г и л л

¹¹⁹⁰ Вот протянул, перечить я не смею.

Г е р а к л

Клянись главою Зевса моего...

Г и л л

Но для чего, родимый? Ты откроешь?

Г е р а к л

...Что выполнишь все то, что повелю.

Г и л л

Клянусь,— и Зевс да будет мне свидетель.

Г е р а к л

Молись о каре, коль нарушишь клятву.

Г и л л

Я клятвы не нарушу... Но молюсь.

Г е р а к л

Ты знаешь Эту — Зевсову вершину?

Г и л л

Да, жертвы там не раз я приносил.

Г е р а к л

1200 Туда, мой сын, на собственных руках
Меня внеси,— тебе друзья помогут,—
Там, коренастый дуб свалив, побольше
Дров накопи да наломай маслины —
И сверху положи меня. Возьми
Сосновый факел и зажги костер.

Но не хочу я видеть слез при этом;
Все соверши без плача и рыданий,
Коль ты мне сын. А если нет,— в Аиде
С проклятием тебя я буду ждать.

Г и л л

Что молвил ты? О, что со мною сделал?

Г е р а к л

1210 Так должно. А не хочешь — поищи
Отца другого,— ты уж мне не сын.

Г и л л

Увы! Увы! Ты требуешь, отец,
Чтоб сын родной твоим убийцей стал!

Г е р а к л

О нет, мой сын,— целителем ты будешь,
Всех мук моих единственным врачом.

Г и л л

Сожгу тебя — и этим уврачую?

Г е р а к л

Страшишься жечь,— хоть прочее сверши.

Г и л л

Тебя перевезем мы, не откажем.

Г е р а к л

А сложат ли костер, как я велел?

Г и л л

1220 Я сам к нему не приложу руки,—
Но остальное совершу покорно.

Г е р а к л

Так, хорошо. Но малую услугу
Среди больших мне окажи вдобавок.

Г и л л

Готов я и на самую большую.

Г е р а к л

Ты, верно, знаешь дочь царя Еврита?

Г и л л

Иолу разумеешь ты, отец?

Г е р а к л

1230 Ты угадал. Вот завещанье, сын:
Когда умру,— коль хочешь уваженье
Мне доказать и клятву соблюсти,—
Женись на ней, послушайся меня,—
Чтобы ее, лежавшую с отцом,
Никто не звал женою, кроме сына.
Мой брак ты унаследуешь. Покорствуй.
Ты мне в большом не отказал, а в малом
Ослушавшись, на нет сведешь всю милость.

Г и л л

Увы! Нельзя сердиться на больных,
Но как терпеть подобное безумье?

Г е р а к л

В твоих словах не слышу я согласия.

Г и л л

Да кто ж ее, виновницу всех мук,

1240 Что терпишь ты, и смерти материнской,
Не помрачась умом, возьмет женой?
Готов я лучше умереть, отец,
Чем рядом жить с таким врагом заклятым.

Г е р а к л

Я вижу: он не явит мне почтения
Перед концом. Но знай — достигнут боги
Того, кто непокорен был отцу.

Г и л л

Увы! Я вижу, ты впадаешь в бред!

Г е р а к л

Ты будишь сам притихнувшую муку.

Г и л л

Несчастный я! Как много бед вокруг!

Г е р а к л

1250 Вниманьем ты отца не удостоил.

Г и л л

Но ты, отец, меня безбожью учишь!

Г е р а к л

Нет, мне утешить сердце — не безбожье.

Г и л л

Свою ты волю мне вменяешь в долг?

Г е р а к л

Да. И богов в свидетели зову.

Г и л л

О, если так, — готов исполнить все.
Тебя да судят боги. Я же кары
Не заслужу за преданность отцу.

Г е р а к л

Прекрасно кончил ты. Еще услуга:
Пока не мучит боль и бреда нет,
1260 Меня сложи скорее на костер.
Берите, подымайте! Вот он — отдых
От всех трудов, вот он, конец Геракла...

Г и л л

Нам к довершенью дела нет помехи,—
Ты сам повелеваешь нам, отец.

Г е р а к л

Приступайте, пока отпустила меня
Боль. Крепись, о душа, и стальную узду
Наложи на уста,— да сомкнутся они,
Словно камни. Ни крика! Хоть дело свое
Против воли творите,— я радости полн.

Г и л л

1270 Подымайте же, други! И даруйте мне
Отпущенье за все, что я ныне свершил.
Вы великую зрите жестокость богов
В этих страшных пред вами творимых делах.
Дети есть и у них, в них родителей чтут,—
И на муку такую взирают они!
Никому не доступно грядущее зреть,
Но, увы, настоящее горестно нам
И постыдно богам,
1280 А всего тяжелее оно для того,
Чья свершилась судьба.

Так идите, не медля, вы, девушки, в дом,
Созерцали вы ныне великую смерть,
Много страшных, дотоле невиданных мук.
Но ничто не вершится без Зевса.

АЯКС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Афина.

Одиссей.

Аякс, вождь саламинцев под Троей.

Хор саламинских воинов.

Текмесса, пленница, возлюбленная Аякса.

Вестник.

Тевкр, сводный брат Аякса.

Менелай.

Агамемнон.

Без речей:

Еврисак, сын Аякса и Текмессы.

Наставник Еврисака.

ПРОЛОГ

Афина
(не видимая Одиссею)

Всегда, как посмотрю, о сын Лаэрта,
Врагам удар готовишь ты неожиданный.
Вот и сейчас: среди шатров Аякса,
Где стан уперся в море, ты давно
Здесь рыскаешь и, вижу, измеряешь
След свежий стоп его, узнать стремясь,
В шатре он или нет,— ты, как собака
Лаконская, вынюхиваешь цель.
10 Аякс — в шатре: с лица его и дланей,
Державших меч убийства, льется пот.
Засматривать тебе не надо в дверь,—
Скажи, чего ты ищешь столь усердно:
Я знаю все — и помогу тебе.

Одиссей

Афины голос — из бессмертных всех
Любимейшей!.. Пусть ты незрима,— внятен
Мне голос твой: он отдается в сердце,
Как звук трубы тирренской златоустой.
Меня узнала ты... Да, я кружусь
Вокруг врага — Аякса-щитоносца,
20 Его ищу, и никого другого,—
Затем, что этой ночью он свершил
Неслыханное... если вправду — он...
Ничто еще не ясно, мы в сомненье,

И добровольно взялся я за розыск.
Сейчас мы обнаружили, что кем-то
Наш скот разогнан весь и перебит.
И пастухи погибли со стадами.
В преступном деле все винят его.
Один из стражей видел, как он полем
30 Шагал один с мечом окровавленным,—
И нам донес. Сейчас же по следам
Я бросился. И вот — то убеждаюсь,
Что след — его, то сам не знаю, так ли.
Ты появилась вовремя, — как прежде,
Так и сегодня мной руководи.

Афина

Я, Одиссей, все знаю и явилась
Быть верным стражем в поисках твоих.

Одиссей

Владычица, тружусь я не напрасно?

Афина

Нет, ибо он то дело совершил.

Одиссей

40 Но что причиной безрассудной бойни?

Афина

Доспех Ахилла... Мучился он гневом.

Одиссей

А для чего ж бросаться на стада?

Афина

Мнил обогреть он руки вашей кровью.

Одиссей

Так замышлял он погубить аргивян?

Афина

И погубил бы, если бы не я.

Одиссей

Как он решился на такую дерзость?

Афина

Пошел на вас один и ночью, тайно.

Одиссей

И что же — подошел он близко к нам?

Афина

Вплотную подошел к шатрам вождей.

Одиссей

50 Но как сдержал он руку, в жажде крови?

Афина

Я удержала, на глаза ему

Набросив тьму слепого ликованья:

На скопище добычи неделеной,

Хранимой пастухами, погнала.

Он ринулся и, все кругом круша,

Ваш скот перерубил. Воображал он,

Что, захватив, разит двоих Атридов

Иль что других преследует вождей.

Я возбуждала дух его заблудший

60 Припадками безумья — в сеть толкала.

А он, закончив свой нелегкий подвиг,

Связал быков, оставшихся в живых,

И прочий скот и, будто бы людей,

Привел в шатер рогатую добычу.

Теперь он привязал их и бичует.

Я покажу тебе, как очевидно

Безумен он, — а ты своим расскажешь.

Постой же здесь, будь твердым, — от него

Не жди себе беды: его глаза

70 Я отведу, чтоб он тебя не видел.

(Зовет Аякса.)

Эй! Полно руки пленников терзать

Оковами! Сюда! Тебя я кличу,

Аякс! Тебя я призываю. Выйди!

Одиссей

Зачем, Афина? Нет, не кличь его!

Афина

Стой молча, ожидай — не будь же трусом.

Одиссей

Молю богами, пусть он не выходит...

Афина

Чего страшиться? Он же человек!

Одиссей

Но твоему слуге он был врагом.

Афина

Не сладостно ль смеяться над врагами?

Одиссей

80 Доволен я и тем, что он в шатре.

Афина

Страшишься, видно, ярости его?

Одиссей

Будь он в рассудке, я бы не страшился.

Афина

Не бойся, он тебя и не приметит.

Одиссей

Возможно ли? — его глаза при нем...

Афина

Он зряч, но мглой ему подерну очи.

Одиссей

Искусны боги — все доступно им.

Афина

Теперь молчи и смиренно стой на месте.

Одиссей

Стою... но лучше б отойти подальше...

Афина

90 Аякс! Аякс! Зову тебя вторично,—
Что ж мало так союзницу ты чтишь?

Появляется Аякс.

Аякс

Привет тебе, Афина, Зевса дочь!
Приход твой к стати: одарю тебя
Я золотом чистейшим в честь победы.

Афина

Да будет так... Но расскажи: свой меч
Ты вдосталь обагрил аргивской кровью?

Аякс

Не отрицаю — есть чем похвалиться!

Афина

Ты на Атридов тоже поднял руку?

Аякс

Впредь никогда не оскорбят Аякса!

Афина

Они убиты — так я поняла?

Аякс

100 Мертвы! — пускай теперь доспех отнимут!

Афина

Так, так... А где ж Лазрта сын? Какая
Его судьба постигла? Спасся он?

Аякс

Ты разумеешь хитрую лису?

Афина

Да. Где же Одиссей, соперник твой?

Аякс

В шатре сидит, владычица... Он связан...
Так лучше... пусть не сразу он умрет.

Афина

А что же дальше? Что еще предпримешь?

Аякс

Что? — привязав его к столбу, в шатре...

Афина

Какую казнь несчастному готовишь?

Аякс

110 Пусть изойдет он кровью под бичом.

Афина

Не мучай ты беднягу столь жестоко...

Аякс

Во всем ином — твоя, Афина, воля...
Но будет он казнен лишь этой казнью.

Афина

Что ж, исполний намеренья свои —
Дай волю гневу, коль тебе отрадно.

Аякс

Иду. За дело! А тебя молю:
Пребудь всегда союзницей моею!
(Уходит.)

Афина

Вот, Одиссей, как власть богов сильна.
120 Кто из мужей разумней был в советах,
Кто в нужный час решительней в делах?

Одиссей

Нет никого... Горюю об Аяксе,
Пусть он мой враг,— он истинно несчастен,
Постигнутый тяжелым помраченьем.
Его судьба... моя,— не все ль одно?
Я думаю: мы все — живые люди —
Лишь призраки, одни пустые тени!

Афина

Вот видишь... Будь же сдержан, никогда
Не оскорбляй бессмертных чванным словом,
130 Не будь надменен, ежели другого
Богатством ты иль силой превзошел.
Любой из смертных может в день единый
Упасть и вновь подняться. Мил богам
Благочестивый, гордый — ненавистен.

ПАРОД

Хор

О Аякс Теламонид, ты крепко стоишь
На земле Саламина морского, средь волн!
Мне дела твои славные — радость.
Но, увы, поразил тебя Зевсов удар,
Оклеветан ты злостно данайцев враждой,—
140 Ужас полнит мне сердце, я весь трепещу,
Как о легких крылах голубица.
Нас минувшею ночью в смятенье поверг
Слух позорный, что вышел ты будто в луга,
Где раздолье коням, и стада порубил —
Всю данайцев добычу,
Ту, что им после долгих досталась боев,—
Поразил ты сверкающим острым мечом.
Распуская облыжно пустую молву,
150 Всем нашептывать стал про тебя Одиссей.
Сплетник всех убедит! Кто теперь клевете
Не поверит?.. Доволен рассказчик, а тот,
Кто рассказчику внемлет,— и вдвое!

Любо всем издеваться над горем твоим,
Все в великую душу без промаха бьют!
Нет, когда б обо мне стали так говорить,
То никто не поверил бы вздорным словам,—
Ибо зависть от века за сильным ползет.
Мелкий люд без поддержки могучих людей —
160 Для стены крепостной ненадежный оплот.
Малый держится, если великий при нем,
А великий — коль малый с ним рядом стоит...
Но подобные мысли напрасно внушать
Тем, кто отроду скуден умом,— а меж тем
Эти люди злословят теперь про тебя.
В этом деле тебе мы не в силах помочь,—
Сам себе ты на помощь приди, государь:
На глазах у тебя не решатся шуметь,
А вдали расшумелись, что птичьи стада.
170 Устрашились бы коршуна, если бы ты
Показался неожиданно,— затихли бы вмиг
И безмолвно к земле бы припали!

СТРОФА

Не Артемида ль Бычица, дочь Зевсова,—
Ширится быстрая молвь!
Стыд и позор! — не богиня ль внушила
Тебе на стада, на добро всенародное, ринуться?
Ее не почтил ты, быть может, плодами победы,
Доспехами лучшими? Иль, на оленя охотясь,
Без приношенья оставил?
Иль бог Эниалий в медной броне, оскорбленный,
180 Отмстил за обиду копейщика, богу союзного,
Хитростно беды ночные наслав?

АНТИСТРОФА

Сын Теламонов, с пути ты не сбился бы,
Если бы воля твоя.
Нет, никогда на стада не напал бы.
Посланница божья постигла — болезнь...
Удержите ж,
О Зевс с Аполлоном, Атридов язык злоречивый!
Повсюду обманную сеют в народе молву

Владыки великие с гнусным
Отродьем нечистого, падшего рода Сизифа.
190 О царь, перестань клевету поощрять недостойную,
Лик свой скрывая под сенью шатра!

эпод

Брось же убежище!
Выйди, выйди! Слишком долго
Медлишь в бездействии,
Позабыв о бранной славе,—
Лишь раздуваешь ты гнев небес.
А вражий навет
Широко разносится
По дубравам с тиховойнным
200 Ветром,
И смеются громко люди злые,
И не проходит моя печаль.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Текмесса

Корабельщики, люди Аякса-царя,
Эрефидов туземных потомки!.. Увы!
Горе горькое!.. Здесь, на чужбине, одни
Тщимся мы оберечь Теламонов очаг.
А могучий Аякс, уstraшенье врага,
Распростерся в шатре,
Помраченный душевною бурей.

Хор

210 Но какое же горе с собой принесла
День сменившая ночь?
Телеванта-фригийца дочь, расскажи:
С бою взятое брачное ложе любя,
Друг — Аякс необорный лелеет тебя,—
Все ты знаешь и можешь поведать.

Текмесса

Как рассказ поведу, как слова я найду?
Знай: несчастье случилось. Что смерть перед ним?

Этой ночью, безумьем неожиданным объят,
Достославный себя опозорил Аякс.
220 Сам взгляни — ты увидишь под сенью шатра
Груды залитых кровью, растерзанных жертв,—
Туши павших от длани Аякса.

Х о р
СТРОФА

О, весть плачевная! О, доблестный Аякс!
Не доверять — нельзя, перенести — нет сил...
Знатные в стане аргивяне слух повторяют,
Голос народа молву разносит.
Горе! Страшен мне день грядущий.
Нет сомненья: погибнет славный —
230 Мечом своим почернелым,
Дланью своей безумной
Быков убивший
И верховых
Сразивший пастухов.

Т е к м е с с а

Увы!.. Потом... потом он привел
С собой захваченные стада.
Одних зверей душил, повалив,
Других рвал надвое, брюхо вспоров,
Двух белых баранов схватил — одного
240 Обезглавил вмиг, и отсек язык,
И прочь отшвырнул.
Другого в шатре к столбу привязал
И, привязь конскую взяв, скрутил
И сечь стал звонким двойным бичом,
Ругаясь дурно, — не люди, но бог
Внушал те речи безумцу.

Х о р
АНТИСТРОФА

Как видно, нам пора иль головы накрыть
Да незаметно прочь бежать от здешних мест,
Иль на скамью корабельную сесть и, схватившись

250

За быстрые весла, судно погнать
 По простору широкого моря...
 Нам расправа грозит от Атридов
 Двоедержавных... Страшно
 С ним вместе принять страданье!
 Побьют и нас
 Камнями с ним,
 Чей необорен рок!

Текмесса

260

Прошло... Затих, как порывистый Нот...
 Нет больше молний... Разум вернулся,—
 Но скорбью он новой теперь томим.
 Смотреть в себя, зреть муки свои,
 Зная, что сам ты виновник мук,—
 Вот истинное страданье.

Хор

Покой, конечно, принесет отраду:
 Не столь томит минувшая беда.

Текмесса

Будь выбор у тебя, что ты избрал бы:
 Знать радости ценой страданья близких
 Иль с близкими страдать и самому?

Хор

Двойная мука хуже, госпожа.

Текмесса

Но муки нет, и все же мы несчастны.

Хор

270

Что говоришь? Тебя не понял я.

Текмесса

Аякс — доколе пребывал в безумье —
 Сам услаждался бедствием своим,
 А я была в рассудке и страдала.
 Теперь, когда он стих, придя в себя,—

Томиться начал тягостною скорбью,
И я — не меньше прежнего, с ним вместе.
Не вдвое ль эта мука тяжелей?

Хор

280 Согласен и боюсь: не бог ли некий
Его разит, — когда покой желанный
Не сладостней ему, чем злой недуг?

Текмесса

Ты верно судишь: так оно и есть.

Хор

С чего же началась беда лихая?
Скажи — ведь мы с тобой страдаем тоже.

Текмесса

Узнайте же, коль делите с ним горе...
В полночный час, когда уже погасли
Вечерние огни, взяв меч двуострый,
Он устремился вон, без всякой цели.
А я — его бранить: что ты надумал,
290 Аякс? Куда стремишься ночью? — вестник
Тебя не звал, не слышно было звука
Военных труб... сейчас все войско спит...
А он в ответ обычные слова:
— Жена! Молчанье — украшенье женщин!..—
Замолкла я — он выбежал один.
Не знаю, что творилось там, снаружи, —
Он возвратился, связанных ведя
Коров, собак-овчарок — всю добычу
Косматую!.. Тех обезглавил, этих
300 Передушил, им брюхо распоров,
Других связал и сечь стал, как людей,
А бил он скот!.. Потом из двери вышел
И там, заговорив с незримой тенью,
Стал поносить Атридов, Одиссея —
И громким смехом месть торжествовал.
Потом ворвался вновь в шатер, и тут
К нему помалу возвратился разум.

Он оглядел шатер, всю мерзость в нем,
Схватился за голову, завопил,
310 Сел на останки перебитых жертв
И, в волосы себе вцепясь, ногтями
Их рвал. Так долго он сидел... Потом
Стал угрожать мне страшными словами,
Коль я не разъясню, что приключилось,
И спрашивал, что делается с ним.
Я, милые, в тот миг перепугалась —
И рассказала все, что только знала.
И тотчас он так жалко застонал,
Как не стонал при мне еще ни разу.
320 Он говорил, бывало, что у трусов,
У малодушных стон такой,— а сам
Все продолжал стонать, негромко, глухо —
Мычал, как бык... В отчаянье глубоком
Он и сейчас. И не пил и не ел,
Лежит, безмолвный, посреди животных,
Которых сам мечом своим сразил...
И ясно по словам его и воплям:
Недоброе замыслил он... Войдите ж,
Друзья мои,— затем я и пришла,—
330 И помогите, ежели вы в силах:
Таких, как он, речь друга покорит.

Х о р

Текмесса, Телевтанга дочь, ужасен
Рассказ твой: он сошел с ума от горя.

А я к с
(за сценой)

Увы! Увы мне!

Т е к м е с с а

Ему как будто хуже... Или вы
Не слышите, что на́ крик он кричит?

А я к с
(за сценой)

Увы! Увы мне!

Х о р

Что с ним? Он бредит?.. Или память вновь
Томит его той мукой неотступной?

А я к с
(за сценой)

Увы! О, сын мой, сын!

Т е к м е с с а

340 О, горе!.. Еврисак, тебя он кличет...
Что он задумал?.. Где ты?.. Горе мне!

А я к с
(за сценой)

Зову и Тевкра... Где же Тевкр? Добычу
Все грабит безо времени?.. Я гибну...

Х о р

Нет, он в своем уме... Откройте дверь:
Меня он устыдится, может быть.

Т е к м е с с а

Сейчас приотворю, и ты увидишь,
Что натворил он и каков он сам.

Виден Аякс.

А я к с
СТРОФА 1

Увы!
Друзья моряки! Вы, верные мне,
Доныне одни свой долг соблюли.
Здесь я, други... А вокруг —
Смотрите! — встал кровавый вал,
Бурей лихой гонимый.

Х о р

350 Твои слова, к несчастью, подтвердились:
Сомненья нет — безумным стал Аякс.

Аякс
АНТИСТРОФА 1

Увы!
Вы, стойкий народ, корабельный оплот,
Чьи взносятся весла над безднами вод!
Вы — единственная помощь
Против горьких бед моих...
Сжальтесь, молю... убейте!

Хор

360 Недоброго не молви: злом не мысли
Зло излечить — лишь усугубишь муку.

Аякс
СТРОФА 2

Подумай! — храбрец,
С душою высокой,
Которому страх
Неведом в боях,
Вдруг — грозный — напал
На смирных животных!
Увы!.. Не смешно ли?..
Позор мне и стыд!

Текмесса

370 Аякс-властитель, перестань, молю.

Аякс
Ты не ушла еще? Прочь!.. Уходи!
Увы!.. Увы!..

Хор

Смирись, бессмертных ради, образумься.

Аякс
Злосчастный!.. Из рук упустил
Злодеев своих!..
На круторогих быков напал,

На шумливые отары
Коз — потоки
Их черной крови пролил!

Х о р

380 Зачем страдать о том, что миновало?
Таков закон: что было раз, то было.

А я к с

АНТИСТРОФА 2

Все зрящий насквозь,
Всех бедствий орудье,
Хитрец Одиссей,
Грязнейшая мразь!
Срам войска!.. Увы!
Теперь ты ликуешь!
Элорадно теперь
Хохочешь, злодей!

Х о р

390 И смех людской и слезы — в воле вышних.

А я к с

О! Встретиться бы с ним... пусть я повержен...
Увы! Увы мне!

Х о р

В такой беде не будь самонадеян.

А я к с

О Зевс, прародителей прадед!
Убить бы его,—
Гнусную мразь, болтуна!
И братьев двоедержавных —
И самому
Потом расстаться с жизнью!

Т е к м е с с а

400 Так говоря, желай и мне кончины,—
К чему мне жить, когда ты будешь мертв?

Аякс
СТРОФА 3

Увы!

Один свет мне — тьма...
Ты, Эреб, для меня
Светлей света дня.
Прими, о, прими
В обитель свою,
Прими жильца, недостойного
Взирать на богов бессмертных
410 И недостойного помощи
Недолговечных людей!
Горе! Зевсова дочь,
Грозная богиня,
Страдальца к гибели гонит.
Ах, куда пойду?
Где приют найду,
Если, други, отныне все прошлое сгнуло,
И вокруг меня
420 Безумной бойни жертвы,
И все полки двоих Атридов
Смерть мне сулят?

Текмесса

Ах я, несчастная! — в рассудке здоров
Он век таких не вымолвил бы слов!

Аякс
АНТИСТРОФА 3

О шумное море!
О вы, берега,
Пещеры, луга!
Как долго, долго
Медлил я здесь,
430 Близ вражьей Трои!.. Но полно,
Здесь доле живым не останусь...
Не удержать вам Аякса... все,
Рассудком здравые, знайте!

Ты, о ближний Скамандр,
К морю льющийся, славу
Аргивян лелеявший!.. Нет,
Не видать тебе
Впредь Аякса... Пусть
Горды речи его, — но не видела Троя
Равного ему
440 Среди приплывших морем
Из Эллады... И вот, позорно,
В прах он повержен!

Хор

Как удержать его?.. Невыносимо
Мне слушать этот вопль из бездны бедствий.

Аякс

Ай-ай!.. Аякс! Кто только мог подумать,
Что роковым окажется созвучье
Меж именем моим и криком скорбным!
Поистине — стенать мне и стенать!
450 Родитель мой был первым удостоен
Награды бранной, он от этой Иды
Со славою вернулся в дом родной.
А я, вступив на тот же берег Трои,
Я — сын его, не менее могучий, —
Чья длань свершила подвиги не меньше,
Отринутый аргивянами, гибну...
Но твердо верю: если бы Ахилл
При жизни объявил, кому наградой
За доблесть присудить его доспех,
Награду получил бы только я.
460 Атриды ж, обойдя меня, вручили
Доспех ему, способному на все.
Когда б глаза и ум мой не затмились,
Не извратили замыслов моих,
Не состоялся б этот суд неправый.
Но Зевсова, с ужасным взором, дочь —
Неодолимая — мне ум смутила,
Когда на них я длань вооружал, —
И обагрил я руки скотской кровью!

Наперекор мне смерти избежав,
470 Они хохочут!.. Но когда вредить
Бессмертные начнут, последний трус
Спасется от могучего... Что ж делать?..
Богам я, очевидно, ненавистен,
И эллинскому войску, и троянцам
Со всем их краем... Не уплыть ли к дому
Эгейским морем, бросив здесь Атридов,—
Отчалить?.. Но с какими я глазами
Явлюсь к отцу? И как потерпит он,
480 Что возвращаюсь с голыми руками,
Без воинских наград, не раз венчавших
Его с великой славой?.. Невозможно!..
Или к троянским броситься стенам,
Там биться одному и честно пасть?..
Но этим лишь обрадую Атридов...
Не быть тому! Найти мне должно способ
Отцу седому доказать, что сын,
Рожденный им, не малодушный трус.
Позорно мужу долгих жаждать дней,
490 Когда от мук не видно избавленья.
Какая радость день за днем влачить
И только лишь отодвигать кончину?
Не нужен мне и даром человек,
Питающий надежды по-пустому.
Нет, благородный должен славно жить
И славно умереть. Я все сказал.

Х о р

Никто не обвинит тебя, Аякс,
В неискренности: это — голос сердца:
Но перестань, оставь такие мысли
И дай друзьям тобой руководить.

Т е к м е с с а

500 Властитель мой, Аякс! Для человека
Нет бедствия печальней рабской доли.
Родитель мой — свободный: он ли не был
Среди фригийцев знатен и богат?
А я в рабынях... Так судили боги,—

Вернее, мощь твоя... Взойдя на ложе
С тобой, Аякс, твоей навек я стала.
О, заклинаю Зевсом-Домодержцем
И ложем брачным, сочетавшим нас,—
510 Не допусти, чтоб, отданная в руки
Твоих врагов, обиды я узнала.
Едва умрешь, едва меня покинешь,
Знай, в тот же день меня захватят силой
Аргивяне, и нам с твоим ребенком
Обоим есть придется рабский хлеб.
И кто-нибудь из них, господ, уколет
Мне сердце горьким словом: — Вот подруга
Аякса, первого в аргивской рати.
Как сладко ей жилось — и вот кем стала! —
520 Так скажет он... Тяжка мне будет доля,—
Но срам падет на род твой и тебя.
Стыдись отца, которому готовишь
Ты злую старость, матери своей,
Годами древней, день и ночь молящей,
Чтобы живым вернулся ты домой.
О, сжался, царь, над сыном! Без тебя
Он будет жить заброшенным ребенком
Среди опекунов немилых. Сколько
Нам бед сулит обоим смерть твоя!
530 Надеяться мне не на кого боле...
Копьем своим мой край родной когда-то
Ты разорил. Второй удар судьбы:
Мать и отец в Аид переселились...
Где я найду отчизну, где богатства,
Тебя утратив? Ты — вся жизнь моя.
Подумай обо мне — ведь должен муж
О радостях любви лелеять память.
В нас чувство благодарное родится
От чувства благодарного, — супруг,
Забывший нежность ласк, неблагороден.

Х о р

540 Аякс, хочу, чтоб ты был так же тронут,
Как тронут я... Одобри речь ее.

Аякс

Одобрю, несомненно — если только
Исполнить согласится, что веляю...

Текмесса

О милый мой Аякс, я все исполню!

Аякс

Хочу увидеть сына... принеси...

Текмесса

Его упас от гибели мой страх.

Аякс

Когда со мной был приступ?.. Так я понял?

Текмесса

С тобою встреться, мог он умереть.

Аякс

Теперь, пожалуй, это было б кстати...

Текмесса

550 Но я сумела избежать беды.

Аякс

Твою предусмотрительность хвалю.

Текмесса

Так чем же услужить могу тебе?

Аякс

Дай с ним поговорить, его увидеть...

Текмесса

Он близко, здесь, под наблюденьем слуг.

Аякс

Так почему же медлит он прийти?

Текмесса

Мой сын! Отец зовет! Эй, кто-нибудь!
Сюда его за ручку приведите!

Аякс

Что ж не идет? Или не слышал зова?

Текмесса

Да вот уже слуга ведет его.

Входят наставник с Еврисаком.

Аякс

560 Веди его, веди... Не утрашится
Он зрелища недавнего убийства —
Недаром же он сын мой кровный! С детства
Пускай к крутому привыкает нраву
Отца — и уподобится ему.
О сын мой! Будь счастливей, чем отец,
Но схож с ним в остальном... дурным не будешь!
А я сейчас — завидую тебе:
Не чувствуешь всех тяжких мук моих.
Блаженна жизнь, пока живешь без дум,
570 Пока не знал ни радостей, ни скорби.
Но срок придет — еще врагам покажешь,
Каков твой нрав и кто родитель твой.
Пока питай дыханьем легким ветра
Жизнь юную — ей, матери, на радость.
Уверен я, — ахеец ни один
Не оскорбит тебя хулою гнусной
И без меня; блюстителем твоим
Я верного оставляю Тевкра. Пусть
Его здесь нет — врагов он где-то гонит...
580 А вы, бойцы, мой полк морской, — я с просьбой
К вам обращаюсь: окажите милость
И передайте Тевкру мой наказ, —
Чтоб он ко мне, в мой дом, отвез младенца;
Пусть Теламон и бабка Эрибея
В нем обретут поддержку древних лет.
А мой доспех — его да не присудят

590 Ни судьи, ни губитель мой — ахейцам.
Ты сам — «Широкощитый»! Ты бери
Мой щит непрободимый, в семь слоев,
И за ремень держи, прошитый крепко.
Пусть остальной доспех сожгут со мной.

(К Текмессе.)

А ты скорей возьми ребенка, дома
Укройся, не стеной перед шатром,
Брось плакать... Женщины слезолюбивы!
Скорее же!.. Не станет умный лекарь
Творить заклятья там, где нужен нож.

Хор

Страшит поспешность страстная твоя,
И этих слов не по душе мне резкость.

Текмесса

О властелин Аякс, что ты задумал?

Аякс

600 Брось спрашивать-выпытывать, будь скромной.

Текмесса

О скорь!.. Во имя твоего ребенка
И всех богов: не предавай ты нас!

Аякс

Ты досаждаешь мне... Не знаешь разве,
Что у богов уже я не в долгу?

Текмесса

Не богохульствуй.

Аякс

Говори другому.

Текмесса

Не хочешь слушать?

Аякс

Много говоришь.

Текмесса

Но страшно мне...

Аякс
(слушам)

Скорей ее заприте!

Текмесса

Смягчись, молю богами!

Аякс

Ты безумна,
Теперь уж поздно нрав мой изменять.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

СТРОФА 1

610

О Саламин знаменитый, встал
Ты, сияя, средь волн морских!
Всем немеркнувшей светишь славой!
А я свои дни, злополучный,
Влачу на полях троянских,—
Счет потерял годам!
Как камень, стерся в потоке лет!
Одну лишь храню надежду,—
В ней радости нет! — что скоро
Я уйду в обитель мрака,
В устрашающий Аид.

620

АНТИСТРОФА 1

Новый на нас ополчился враг:
Божьим болен Аякс недугом —
Неисцелимо. Увы, увы!
Его ли не провожали
Мощного в грозный бой
В те дальние дни... А ныне
Великой скорбью он стал друзьям.
Деянья, доблесть его
Забыты, увы... забыты...—

630

Ибо сердца нет в Атридах,
Благодарность им чужда.

СТРОФА 2

Когда старуха мать
В сединах преклонных лет
Злую услышит весть,
Весть, что сын дорогой
Жертвою стал безумья,
Скорбную-скорбную песнь
Затянет несчастная... Нет,
Не стон соловья,
640 Не пенье птицы печали,
Нет, раздирающий душу
Вопль раздастся... Руками
Станет старая грудь поражать,
Космы терзать седые.

АНТИСТРОФА 2

Тому, кто болен безумьем,
Отрадней скрыться в Аид!
Славных потомок отцов,
Лучшим Аякс уродился
Из ратоборцев ахейских,
650 Но ныне с нравом своим
В тяжком разладе... сам
Себя потерял...
О несчастный отец! Какая
Ждет тебя весть! — непосильная
Сына постигла напасть,—
Такой досель ни один Эакид,
Кроме него, не ведал.

Входит Аякс с мечом в руке.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Аякс

Безмерное, превыше чисел, время
Скрывает явь и раскрывает тайны.
660 Всего ждать можно... Время сокрушает

И клятв ужасных мощь, и силу духа.
Вот так и я, выносливый на диво,
Смягчился вдруг, остыл, как меч в воде,
От женских слов — и жалко мне оставить
Среди врагов вдовицу с сиротой.
Пойду к местам купальным, на луга
Прибрежные, очищусь омовеньем —
Да отведу богини тяжкий гнев.
670 Там отыщу нехоженое место —
И спрячу ненавистный этот меч,
От глаз людских подальше закопаю.
Ночь и Аид там да блюдут его.
С тех пор как меч тот получил я в дар
От Гектора, от злейшего врага,
Я доброго не видел от аргивян.
Народная правдива поговорка:
«Дар от врага не впрок: дар, да не дар»...
Итак, теперь я уступать решил
680 Богам. Отныне буду чтить Атридов,
Им подчинюсь, они — вожди... А как же?
И мощь и крепость уступают сану.
Так по снегу ходящая зима
Склоняется пред летом плодоносным;
Так раздается ночи темный купол
Пред лучезарным белоконным днем;
Спадает ветер яростный — и море
Стенать перестает; сон всемогущий
Не вечно в путах держит человека...
Что ж нам не научиться быть разумным?
690 Я — научусь... Недавно понял я,
Что недруга должны мы ненавидеть,
Но знать, что завтра можем полюбить;
И другу быть опорой, но помнить,
Что недругом он может завтра быть.
Да, часто ненадежна пристань дружбы...
Все будет хорошо... А ты, жена,
Иди в шатер и помолись, чтоб боги
Исполнили желания мои.
700 Вы также, о друзья, меня уважьте:
Скажите брату Тевкру, лишь прибудет,

Чтоб помнил нас — и вас бы не забыл.
А мне... идти мне надо... Поступайте ж,
Как я сказал — и скоро, может быть,
Узнаете, что отстрадал страдалец.
(Уходит.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

СТРОФА

О, трепет радости! Я окрылен, ликую!

Ио! Ио! Пан! Пан!

710 Пан, о странник морской, явись,
Божественных хороводов царь,
Покинь Киллены кремнистый кряж
С бурей снежной, о Пан! Сойди!
Ныне нисский и кносский пляс —
Безыскусный — затей, зачни,
О Пан, Пан!

К пляскам нынче лежит душа.

Ты, пересекши

Море Икарово,

Аполлон-Делиец, зримо

Нам явись,

Приди, приди —

720 И благосклонен во веки веков

К нам будь!

АНТИСТРОФА

Отвел Арей от наших глаз несчастья тучу.

Ио! Ио! Вновь, Зевс,

Ясный свет благодатных дней

Быстроходным светит судам,

Ибо ныне забыл Аякс

Про обиду, свершил Аякс

Приношение священных жертв,

730 С благочестием вящим вновь

Богов почтил.

Истинно, время стирает все.

Что несказанным,
Невероятным
Назову, когда Аякс
Ныне, на счастье,
Отрекся неожиданно
От распри былой, от великой вражды
К Атридам!

Входит вестник.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Вестник

740 Во-первых, други, сообщить спешу,
Что Тевкр явился только что с Мизийских
Высот. Но как пришел к шатру вождей,
Аргивяне его позорить стали
Все как один. Узнав, что прибыл он
Из своего похода, окружили
И начали язвить, кто как умел,—
Что он, мол, брат безумца, лиходея,
Предателя; что надобно бы смертью
Его казнить, побить его камнями.
750 И до того дошло, что уж мечи
Повыхватили,— наивысшей силы
Достиг тут крик, но умиротворило
Его благоразумных старцев слово...
Да... где ж Аякс?.. Ему поведать надо:
Он прежде всех об этом должен знать.

Хор

Его здесь нет, он только что ушел —
И чувства в нем и разум обновились.

Вестник

Увы, увы!

Я слишком поздно с вестью был отправлен —
Иль мешкал сам, да вот и опоздал!

Хор

Но почему обеспокоен ты?

Вестник

760 Тевкр наказал, чтоб из шатра Аякс
Не выходил, доколь он не прибудет.

Хор

Но вышел он с прекраснейшею целью:
Умилостивить хочет гнев богов.

Вестник

Или твои слова полны безумья,
Иль не в своем уме пророк Калхант.

Хор

О чем же он пророчит?.. Что ты знаешь?

Вестник

Вот что я знаю, вот чему свидетель:
От места, где вожди сидели в круге,
770 Вдруг отошел Калхант и в отдаленье,
Приветливо руки коснувшись Тевкра,
Настойчиво советовал ему
Весь день сегодня средствами любими
Аякса удержать в его шатре,
Коль он живым желает видеть брата;
Божественной Афины гнев лишь ныне
Преследует его — так он сказал.
Пустых, самонадеянных людей
Ввергают боги в бездну тяжких бедствий,—
780 Сказал гадатель, — стоит человеку
Забиться и судить не по-людски.
Аякс и в путь пускался безрассудным,—
Внять не хотел внушениям отца.
Тот говорил: «Сын, побеждай копьем,
Но только с божьей помощью...» А сын
Ему ответил глупо, с хвастовством:
«И жалкий трус с богами одолеет!
А я завоевать надеюсь славу

И без богов!.. Так похвалялся он.
790 В другой же раз божественной Афине,
Когда она Аякса поощряла
Разить врагов кровавою рукой,
Ужасно он ответил, несказанно:
«Царица, стой за спинами других,—
Коль в сече я, так не прорвут нам строя!»
Тем вызвал он вражду и гнев богини.
Так рассуждать не должен человек...
Но, может быть, переживи он сутки,
Коль бог пошлет, его еще спасем.
800 Так предсказал гадатель. Тотчас Тевкр
Меня прислал с собранья передать
Вам свой наказ... Но если миг упущен,
Так он погиб,— коль вправду вещь Калхант.

Х о р

Несчастливая Текмесса, дочь беды!
О, выйди к нам и вестника послушай,—
Слова его — как по сердцу ножом.

Входит Текмесса.

Т е к м е с с а

Что, горькую, меня зовете снова,
От долгих мук вздохнувшую едва?

Х о р

О, выслушай его рассказ: принес
Он горестные вести об Аяксе.

Т е к м е с с а

810 Увы! Что говоришь... Так мы погибли?

Х о р

Что ждет тебя, не знаю... Но коль вправду
Аякс ушел... тревожусь за него...

Т е к м е с с а

Да... он ушел... и горе ждет меня...

Вестник

Тевкр повелел удерживать Аякса
В шатре,— чтоб он не выходил один.

Текмесса

Где ж Тевкр?.. И почему такой приказ?

Вестник

Вернулся только что... Боится он,
Не стал бы роковым уход Аякса.

Текмесса

О, горе мне!.. Кто ж вразумил его?

Вестник

820 Сын Фестора, гадатель: этот день,—
Сказал он,— смерть иль жизнь ему дарует.

Текмесса

Ужасный рок!.. Ах, други, помогите!
Зовите Тевкра, тотчас же!.. А вы
К восточным бухтам, к западным бегите,
Ищите след погибельный Аякса!
Я поняла... Он обманул меня,
Он разлюбил, он оттолкнул меня!..
Как быть нам, сын?.. О, не сидеть на месте!
830 Пойду и я, насколько станет сил...
Идем! Скорей! Немедля! — если мы
Хотим спасти стремящегося к смерти.

Хор

Иду и докажу не на словах,
Что быстрым быть и действовать умею.

Перемена места действия. Пустынный берег моря.

Аякс

Меч воткнут крепко — если только время
Об этом рассуждать! — вверх острием,—
Дар Гектора — врага, не побратима,
Чей вид и тот был взору ненавистен.

Он крепко врыт во вражью землю Трои,
Прожорливым отточенный бруском.
840 Его я ладно вставил: без огреха
Он обеспечит скорую мне смерть.
Готово все... О, помоги мне, Зевс,
Как только дело правое свершится;
Молю тебя о невеликой чести:
Пошли гонца с печальной вестью к Тевкру,—
Пусть первым унесет мой прах, едва,
Упав на меч, его залью я кровью,—
Чтоб не заметил враг меня и труп
Не бросил на съеденье псам и птицам.
850 Вот, Зевс, моя мольба... И ты приди,
Гермес, водитель душ в подземном царстве,
Чтобы меня, лишь меч вонзится в бок,
Без судорог мгновенно успокоить.
И Девственниц всевечных призываю,
Эриний быстроногих, зрящих все
Страданья смертных,— пусть они увидят,
Как чрез Атридов жалко гибну я,
И злейшей карой пусть достигнут их,
Злодеев гнусных. Как самоубийцей
860 Кончаю жизнь от собственной руки,
Пусть от руки родной они погибнут!
Спешите же, о мстительницы, мчитесь,
Губите беспощадно их полки!
А ты, свой бег стремящий небосклоном,
О Гелий! Увидав мой край родной,
Сдержи коней вожжами золотыми
И объяви беду мою и смерть
Отцу седому с матерью несчастной,—
И бедная, той вестью сражена,
870 Великим воплем огласит весь город.
Но прочь пустые мысли,— тщетны слезы...
Пора немедля к делу приступить.
О Смерть, о Смерть! Брось на меня свой взор!
Но чтить тебя и там я буду, в мертвых...
О засиявший день! И ты, о Гелий,
Небесный конник! К вам я обращаюсь
В последний раз... я уйду навеки...

880 О солнца свет! О Саламин священный,
Родимый край! Очаг надежный дедов!
Вы, знатные Афины, братский род!
О вы, ручьи и реки, ты, равнина
Троянская! Кормильцы вы мои!
Прощайте!.. Боле не промолвлю слова...
Богам подземным прочее скажу.

ПАРОД ВТОРОЙ

Первое полухорие

Трудиться — множить труд трудом.

Где не был я, где не искал? —

И ничего нигде не мог я вызнать.

Но чу!

Я снова слышу будто шум...

Второе полухорие

890 Свои! — отряд товарищей по судну.

Первое полухорие

Ну что же?

Второе полухорие

Мы с запада весь берег исходили.

Первое полухорие

Нашли?

Второе полухорие

Нашли себе мучение — и только.

Первое полухорие

А мы с востока бухту обыскали —

И там нигде Аякса не видать.

Хор

СТРОФА

О, кто же, кто —

Поморец какой,

Рыбак-трудолюб,

Бессонный ловец,—

900

О, кто из богинь,
Чей дом на Олимпе,
Кто из нимф
К Босфору струящихся рек,—
Кто скажет, где блуждает он,
Ожесточен душою?

Ах, уж я ль не ходил, не бродил,
Я ль не искал,
Я ль не терпел? —
910 Но не прибыл с ветром попутным к пристани,
Несчастливого страдальца не сыскал.

Текмесса
Увы, увы мне!

Хор
Чей слышен крик поблизости, из чащи?

Текмесса
Ах, горе мне!

Хор
То пленница злосчастная Текмесса,—
Ее души отчаявшейся вопль.

Текмесса
Пропала я, погибла, умираю...

Хор
Но что случилось?

Текмесса
920 Аякс... он там лежит... себя убил он...
Насквозь пронзенный, свесился с меча.

Хор
Нет нам теперь возврата...
Ты убил, злополучный царь,
Тех, с кем по морю дружно плыл...
Горестно ей, бедняжке!

Т е к м е с с а

Одно теперь осталось нам — стенать...

Х о р

От чьей же он руки погиб, злосчастный?

Т е к м е с с а

От собственной. Что это так, бесспорно
Доказывает врытый в землю меч.

Х о р

930 Что же мы, други?..
 Один, без близких,
 Пролил ты кровь!
 Как же я слеп был, как неразумен!
 Я пренебрег тобой!..
 Где же, где же
 Лежит он — тот,
 Чья непреклонна душа,
 Чье имя зловеще?

Т е к м е с с а

940 Нехорошо, чтоб на него смотрели..
 Накрою тело сложенным плащом.
 О, даже другу видеть не по силам,
 Как из ноздрей и свежей раны хлещет
 Кровь черная самоубийцы... Горе!
 Что делать мне?.. Кто из друзей подымет
 Твой прах?.. Где Тевкр?.. Когда бы прибыл он
 И вместе с нами брата упокоил!
 Аякс злосчастный! Кем ты был? Чем стал?..
 И у врагов исторгнул бы ты слезы...

Х о р

АНТИСТРОФА

950 Обречен ты был,
 Обречен ты был,
 Необузданный дух,
 В свой срок завершить
 Исходом ужасным

Ряд бесчисный
Мук своих.

Вот отчего ты стонал,
Хулил Атридов день и ночь,
Полон жестокой вражды,
Угрожающей страсти поли.

960 Беда за бедой
С тех пор начались,
Как спор загорелся,

кто же — храбрый —
Доспехом будет награжден Ахилла.

Т е к м е с с а

Увы, увы мне!

Х о р

О, как она страдает сердцем верным!

Т е к м е с с а

Увы, увы мне!

Х о р

Я не дивлюсь, о милая, что стонешь,
Такого друга-мужа потеряв.

Т е к м е с с а

Ты — только видишь скорбь, а я — терзаюсь.

Х о р

То правда.

Т е к м е с с а

970 Увы, мой сын, — какое ждет нас рабство,
Какие нам опекуны грозят!

Х о р

Ты в скорби своей, увы,
О неслыханном вслух сказала...
Жесток нрав царей Атридов...
Боги, беду отвратите!

Т е к м е с с а

Не быть тому, когда б не божья воля.

Х о р

На нас взвалил он непосильный груз.

Т е к м е с с а

Нас грозная Паллада, Зевса дочь,
Преследует в угоду Одиссею.

Х о р

980

В душе своей черной,
В душе коварной
Смеется над горем,
Нежданно постигшим нас,
Многоопытный муж
Злорадным смехом!..
Увы, увы!
Смеются, внемля ему,
И братья Атриды!

Т е к м е с с а

990

О, пусть хохочут, радуясь моей
Беде... Быть может, не любив живого,
О мертвом пожалеют в трудный час.
Глупец имеет счастье — не хранит,
А потеряет счастье — так оценит.
Моя печаль сильнее, чем их веселье.
А он — блажен... Все то, к чему стремился,
Он получил. Он умер, как желал.
Чего же им торжествовать?.. Он умер —
То воля божья, а не их, о нет!
Пусть Одиссей злорадствует... Не рано ль?
1000 Они его лишились... Он ушел, —
А мне остались плач и воздыханья.

Приближается Т е в к р.

Т е в к р

Увы, увы мне!

Хор

Молчи... Я слышу будто голос Тевкра;
О нашем общем горе вопль его.

Входит Тевкр.

Тевкр

Аякс любезный! Брат ты кровный мой!
Что сделал ты?.. Ужель молва не лжет?

Хор

Да, Тевкр, он умер — в том сомненья нет.

Тевкр

О, горе мне! О, тягостная доля!

Хор

Да, тягостная.

Тевкр

Горе, горе мне!

Хор

¹⁰¹⁰ Плачь!.. Как не плакать!..

Тевкр

О, удар внезапный!

Хор

Да, Тевкр, удар...

Тевкр

О, бедный я!.. Но где же,
Где сын его? Он здесь, в земле Троянской?

Хор

Тут, у шатра, один...

Тевкр

(к Текмессе)

Скорей как можно
Веди его сюда, чтоб кто-нибудь
Из недругов не мог его похитить,

Как львенка у осиротевшей львицы.
Ступай скорей... Пособницей мне будь:
Ведь рады все торжествовать над мертвым!

Текмесса уходит.

Хор

1020 Ты об его заботишься младенце! —
Так завещал он, будучи в живых.

Тевкр

О, зрелище, плачевнее всех зрелищ,
Когда-либо являвшихся очам!
Горчайшая из всех дорог дорога,
Которой я, возлюбленный мой брат,
По следу злой погибели твоей
Пришел сюда, едва о ней услышав! —
Затем, что быстро разнеслась молва
Среди ахейцев, словно божий голос,
1030 Что умер ты... Я стоном застонал
Еще вдали... А здесь — от горя гибну.
Увы мне!
Откинь же ткань: пусть худшее предстанет...

С тела Аякса откидывают покров.

О, страшный вид!.. Жестокая решимость!..
Как я скорблю о гибели твоей!
Куда пойду, к кому, — когда по долгу
Тебе не подал помощи в беде?
Быть может, Теламон, отец наш общий,
Меня изволит ласково принять,
1040 Когда вернусь я без тебя? О нет!
Ведь он не улыбался даже в счастье...
Чего не скажет!.. Как не охулит!..
Отродьем назовет рабыни пленной.
Он скажет, что тебя, Аякс любимый,
Как слабый трус, я предал иль желал
И честь и дом твой хитростью присвоить.
Так скажет гневный старец, раздраженный
На склоне лет, поссориться способный
Из мелочи пустой... Меня изгонят,

1050 Вон выбросят и будут звать рабом,
А не свободным... Вот что будет дома...
И в Трое проку мало — здесь враги.
А бедам всем причиной — смерть твоя.
Как быть? О, как сниму тебя, несчастный,
С плачевного кровавого меча,
На коем дух ты испустил?.. Да, Гектор
Тебя убил, хоть мертвый сам... Взгляните
На участь этих двух богатырей:
Как поясом, что подарил Аякс,
1060 Прикручен к вражьей колеснице, Гектор
Влачился окровавленный, доколь
Не отдал душу, — так Аякс на меч,
Дар Гектора, повергся и погиб.
Меч этот — не Эриния ль ковала?
Тот пояс — не Аид ли, лютый мастер?
Но я скажу: всё боги совершили,
Как все дела людей вершат, — кому
Не по сердцу подобное сужденье,
Пусть мыслит инак, я же мыслю так.

Х о р

1070 Не нужно долгих слов, — подумай лучше,
Как схоронить его и что ответить:
Я вижу, враг идет — злодей, конечно,
Над горем нашим поглумиться рад.

Т е в к р

Но кто подходит к нам? Кто этот воин?

Х о р

Сам Менелай, в поход погнавший нас.

Т е в к р

Да, он, — вблизи его узнать не трудно.

Входит Менелай.

Менелай

Эй, ты! Тебе я говорю: касаться
Покойника не смей — пускай лежит.

Тевкр

С чего заговорил ты так надменно?

Менелай

Так порешили — я и воеводы.

Тевкр

1080 Благоволи причину объяснить.

Менелай

Мы из дому с собой везли Аякса,
Как друга и союзника, — но в нем
Врага, лютей троянцев, обрели.
Все войско он сгубить хотел и ночью
Отправился разить его копьем.
Когда б попытку не пресекли боги,
Его судьба постигла бы всех нас,
Мы пали бы постыдной смертью, он же
1090 Остался б жить. Но пыл его безумный
Бог отвратил, направив на овец
Да на коров... Никто теперь не властен
Предать его земле. Нет, где-нибудь
Он брошен будет на сыром песке
И снедью станет для прибрежных птиц.
Не подымай же крика, не грози.
Коль мы не совладали с ним живым,
Так с мертвым сладим — хочешь иль не хочешь —
И приберем к рукам. Ведь он при жизни
Слов никогда не слушался моих.
1100 Плох воин рядовой, когда не хочет
Начальникам своим повиноваться.
Нет, в государствах не цвести законам,
Коль с ними рядом не живет боязнь.
Начальствовать над войском невозможно,
Коль совести и страха в людях нет.
Да знает человек, пусть мощен он,
Что может пасть от легкого удара.
А тот, в котором есть и страх и стыд,
В благополучье жизнь свою проводит.
1110 Но если в государстве всем дать волю

И допустить бесчинствовать, ко дну
Пойдет оно и при попутном ветре.
Хочу я тоже видеть должный страх.
Не надо думать, прихотям служа,
Что мы за них страданьем не заплатим.
Всему — черед. Он был горяч, заносчив, —
Теперь высокомерен буду я.
Не смей же предавать его могиле,
Чтоб не упасть в могилу самому.

Х о р

1120 Твои слова разумны, Менелай.
Но берегись: не оскорбляй умерших!

Т е в к р

Друзья! Теперь я вижу: дива нет,
Коль погрешит простолюдин ничтожный,
Когда и муж, как будто благородный,
Столь явно попирает правду. Как?
Как — повтори-ка? Ты сюда привел
Аякса, как союзника ахейцев?
Иль вышел в море он не добровольно?
1130 Когда ты был вождем ему? Как смеешь
Подвластными ему распоряжаться?
Ты — в Спарте царь, а нам ты не владыка.
Не больше ты имел законных прав
Владычить им, чем он — тобой владычить.
Сам подчиненным прибыл ты, верховным
Ты не был воеводою, Аяксу
Ты не начальник. Царствуй над своими,
Бичуй их грозным словом... Я же брата
Предам земле, как должно, — если даже
Ты запретил — ты иль иной владыка.
1140 Не побоюсь. Он воевал не ради
Твоей жены, трудился доброхотно —
Его обязывали клятвы. Ты
Тут ни при чем: ничтожных он не чтит.
Поэтому веди хоть полководца
С глашатаями — на шумиху вашу
Не обернись. Не выше ты себя!

Хор

Таких речей в час горя не люблю:
Хоть справедливы в резкости,— а жалят.

Менелай

Вооружен ты луком, а спесив!

Тевкр

1150 Я — лучник вольный,— не тружусь за мзду.

Менелай

А при щите ты вовсе бы зазнался!

Тевкр

Хоть ты и со щитом, с тобой я слажу!

Менелай

Отвагу ты питаешь пустословьем!

Тевкр

Прав человек — так может гордым быть.

Менелай

Что ж? И убийца мой почтен — по праву?

Тевкр

Убийца?.. Чудеса: убитый — жив!

Менелай

Бог спас меня, но все же он убийца.

Тевкр

Спасенный богом, не гневи богов!

Менелай

Богов законы я ль не соблюдаю?

Тевкр

1160 Ты запрещаешь мертвых хоронить.

Менелай

Врагов страны... Их хоронить нельзя.

Тевкр

В твоих глазах Аякс был враг страны?

Менелай

Взаимна наша ненависть, ты знаешь.

Тевкр

Ты уличен был в краже голосов.

Менелай

Подсчитывали судьи, а не я.

Тевкр

Прикрашивать умеешь ты злодейства.

Менелай

От слов таких... кому-то будет худо!

Тевкр

Не хуже, смею думать, чем другим...

Менелай

Так слушай: хоронить его нельзя.

Тевкр

1170 Ты — слушай: схороню его, и тотчас.

Менелай

Я видел: некто, храбрый на словах,
Раз моряков отплыть заставил в бурю.
Но буря разыгралась, и храбрец
Лишился тут же языка, под плащ
Залез,— и все лежачего топтали.
Знай, буря может встать из малой тучки
Великая и загасить твой пыл,
И зычный крик, и дерзостные речи!

Т е в к р

А я — я видел одного безумца:
1180 Он над бедою ближнего глумился,
И кто-то... очень на меня похожий...
Сказал ему: «Безумный человек!
Не относись презрительно к умершим —
Ты на себя несчастье навлечешь!»
Так он увещевал его... А ныне...
Я не его ли вижу?.. Это — он?..
Не кто иной!.. Ясна ль моя загадка?

М е н е л а й

Я уйду. Срам, ежели узнают,
Что применял я речи, а не власть.

Т е в к р

1190 Ступай. Еще срамнее слушать мне,
Как говорит глупец слова пустые!

Менелай уходит.

Х о р

Будет распря, великая будет борьба, —
Так не медли же, Тевкр, торопись, начинай,
Погребальную яму копай мертвецу —
Пусть лежит, упокоен в могиле сырой,
Приснопамятной людям вовеки.

Входит Т е к м е с с а с Еврисаком.

Т е в к р

А вот как раз жена его и сын
Сюда идут украсить холм могильный
Несчастливого. О, подойди, дитя,
1200 И прикоснись просительно рукою
К родителю, жизнь давшему тебе.
Сядь близ него, держа в ручонках пряди
Волос моих, своих и материнских —
Дар трех просящих. Если ж кто из войска
Захочет силой оторвать тебя
От мертвого, — пусть, родиной отвергнут,

Погибнет гнусной смертью, без могилы.
Да будет срезан род его, как я
Срезаю эту прядь. Возьми ее.
1210 И пусть тебя никто не потревожит.
Колена преклони пред ним... А вы —
Не женщины, не стойте робко одаль.
Итак, иду — ослушник — рыть могилу.

Тевкр уходит.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

Скоро ль скитальческим годам предел?
Долго ль еще
Им приводить за собой неизбывные
Муки? Долго ль еще
В сечах злых
1220 Нам копьем потрясать у стен
Великой Трои, где нам —
Эллинам —
Позор и срам?

АНТИСТРОФА 1

Что́ не исчез в пространстве небес,
Что́ не сошел
До срока в приют всеприимный Аида
Тот, кто эллинам первый преподал
Бранное дело,
Искусство мечом ненавистным владеть!
1230 Пошли за бедами беды...
Сгубил он
Род людской!

СТРОФА 2

Лишен я венков — то его вина! —
И кубков глубоких с влагой вина,
Забыл я утечи сборищ веселых,
Забыл я звуки сладостных флейт...

Ах он несчастный!..
Отнял у нас
Ночи блаженства.
Любовь, о, любовь!
Нет и любви, увь!..
Лежу на земле
Неприбран, немыт —
Одна лишь роса, что ни ночь,
Мочит мне волосы...
Не забыть злополучной Трои!

АНТИСТРОФА 2

1250 Рядом со мной, бывало, вставал
Верной оградой от страха ночного,
От дров вражых — отважный Аякс.
А теперь... он жертвою стал разъяренного
Бога... Чего же,
Какой же отныне
Радости ждать?
Теперь — быть бы там,
Где над зыбями встал
Лесом одетый,
Морем омытый
Суний, и, мимо пройдя
Его плоского темени,
Святым поклониться Афинам!
Входят Тевкр и Агамемнон.

ЭКСОД

Тевкр

1260 Я поспешил вернуться, увидав,
Что быстро к нам идет сам Агамемнон,
И ясно — ждать недобрых надо слов.

Агамемнон

Ты, как доносят мне, в хвастливой речи
Посмел нас безнаказанно хулить?

Сын пленницы! О, если б благородной
Ты вскормлен был,— как стал бы ты кичиться,
Как задира́л бы голову, когда,
Ничтожный сам, за призра́к, за ничто
1270 Так ратуешь! Клянешься, что над войском,
Судами и тобой не властны мы?
Что сам, как ца́рь, приплыл сюда Аякс?
Такую речь терпеть ли от... раба?
Чего о нем так гордо ты кричишь?
Где шел он в бой или стоял в строю,
Где б не был я? Иль он один — ахеец?
Не стоило аргивян созывать
Решать судьбу Ахиллова доспеха,
Коль нас теперь так ославляет Тевкр,—
1280 Когда, и побежденные, вы все же
Решению суда не подчинились
И, посрамленные, всегда готовы
Напасть на нас иль тайно уязвить.
Да, с нравами такими невозможно
Установить какой-либо закон,—
Коль будем отводить мы тех, кто избран,
А задних выдвигать начнем вперед.
Не быть тому. В беде надежней всех
Не тот, кто мощен и широкоплеч,—
1290 Одолевает в жизни только разум.
Могуч широкобрюхий бык — однако
Им управляет незаметный кнут.
Предвижу: это самое лекарство
Ждет и тебя, коль ты умней не станешь,
Коль будешь забываться, распустив
Язык нахальный... из-за мертвеца!
Эй, протрезвись! Ты знаешь, чей ты сын,—
Хоть бы позвал свободного сюда,
Чтоб за тебя поговорил он с нами,—
1300 А то тебя мне трудно разуметь:
Я варварской не понимаю речи.

Х о р

Сдержитесь же, благоразумны будьте,
Вы оба! — вот мой лучший вам совет.

- Увы! Как скоро подвиги умерших
 Стираются! Как предает их память!
 Он двух достойных слов сказать не хочет!
 Ты позабыт, Аякс... А за него
 Не раз ты жизнью жертвовал в сраженье!
 Да, все прошло... погубило без возврата.
 Ты, столько праздных слов наговоривший,
 1310 Забыть изволил, как Аякс однажды
 Вас выручил один, когда в окопы
 Вы спрятались, разбитые врагом,
 Уже без сил, а пламя между тем
 Охватывало палубы судов,
 И Гектор через рвы высоко прядал,
 К ним прорываясь?.. Помнят все: Аякс
 Тот подвиг совершил, — а ты толкуешь,
 Что где б он ни был, там бывал и ты!
 1320 Что он исполнил долг, вы признаете?
 Или когда он с Гектором вступил
 В единоборство, сам, без принужденья,
 Па вольной жеребьевке; он не бросил
 Комок из влажной глины, — нет, он сделал
 Нелипкий шарик, подвижной, чтоб первым
 Он выпасть мог из шлема с пышным гребнем.
 Таков был он, — а я при нем был, раб,
 Сын варварки!.. Ты на себя взгляни:
 Иль не знаешь ты, что древний Пелоп,
 1330 Твой дед родной, был варваром, фригийцем?
 Что преподнес Атрей, отец твой, брату
 Чудовищную снедь — детей его?
 И сам рожден ты матерью-критянкой,
 Которую отец застал с рабом
 И вышвырнул безмолвным рыбам в пищу!
 И ты меня рождением попрекаешь?
 Тогда как мой родитель Теламон,
 Нахрабрейший в войске, мать мою
 В подруги получил — царевну тоже,
 1340 Лаомедонта дочь, — наградой бранной,
 Которую вручил ему Геракл.

Двух благородных благородный сын —
Могу ль родного опозорить брата?
И смеешь ты лишать его — страдальца —
Честного погребенья? Где твой стыд?
Знай, что, его без погребенья бросив,
С ним заодно бросаешь нас троих.
Мне доблестней, в открытую сразившись,
Пасть за него, чем за жену твою
Иль Менелая. Думай о себе,
1350 Не обо мне. Не оскорбляй меня!
Иль, дерзости дать волю не успев,
Сам от меня сбежишь, как трус ничтожный!

Хор

Царь Одиссей, ты вовремя подходишь,
Коль их не ссорить хочешь, а разнять.

Входит О д и с с е й.

Одиссей

Что с вами? Услыхал я издалека
Атридов крик над славным мертвецом.

Агамемнон

Тевкр только что обидными словами
Нас оскорбил, владыка Одиссей.

Одиссей

1360 Да?.. Но готов простить я человеку,
Коль бранью отвечает он на брань.

Агамемнон

Я лишь бранил,— он дерзок был на деле.

Одиссей

Что ж сделал он? Чем оскорбил тебя?

Агамемнон

Упорствует, что не оставит трупа,
Что похоронит мне наперекор.

Одиссей

Могу ль, как друг, быть откровенным с другом,—
Грести с тобою вровень, как всегда?

Агамемнон

О, говори — не слушать не разумно:
Из всех аргивян ты — мой первый друг.

Одиссей

1370 Так слушай же. Молю тебя богами:
Не оставляй его непогребенным,
Не будь жесток, не поддавайся гневу
И ненавистью лютой справедливости
Не попирай. Ему всех ненавистней
Я в войске был с тех пор, как мне был отдан
Доспех Ахилла. Все ж его позорить
Не стану, пусть он враг мой. Признаю:
Он был из нас, явившихся под Трою,
Всех доблестней, коль не считать Ахилла.
1380 Его лишая чести, ты не прав.
Ведь не его, а божи законы
Ты оскорбляешь. Если умер честный,
Его нельзя бесчестить — пусть он враг.

Агамемнон

Из-за него со мной в борьбу вступаешь?

Одиссей

Да, враждовать могу лишь благородно.

Агамемнон

Ты должен сам попать его ногами!

Одиссей

Не радуйся неправедным доходам.

Агамемнон

Быть праведным — не так легко царям.

Одиссей

На то советы преданного друга.

Агамемнон

Но честный подчиняться должен высшим.

Одиссей

1390 Но уступать друзьям — победа тоже.

Агамемнон

Кого — подумай! — хочешь ты почтить?

Одиссей

Он был мой враг, но был велик душою.

Агамемнон

Так почитать погибшего врага?

Одиссей

Но в нем вражда пред доблестями меркнет.

Агамемнон

Однако же непостоянен ты!

Одиссей

Друзья сегодня — завтра нам враги.

Агамемнон

Друзьями ли считать таких друзей?

Одиссей

Не одобряю непреклонных душ.

Агамемнон

Однако ж люди примут нас за трусов!

Одиссей

1400 За справедливых люди примут нас.

Агамемнон

Так ты велишь позволить погребенье?

Одиссей

Я даже сам приду сюда помочь.

Агамемнон

В подобном деле — каждый за себя...

Одиссей

Не за себя стоять, так за кого же?

Агамемнон

Тебе, не мне, припишут погребенье.

Одиссей

Тебя равно все честным назовут.

Агамемнон

1410 Поверь, тебе и большую услугу
Я оказать всегда готов... Но он
Останется врагом мне лютым здесь
И в преисподней. Поступай как знаешь.
(Уходит.)

Хор

Безумец лишь способен, Одиссей,
Сказать, что ты не мудрым уродился!

Одиссей

Тебе я заявляю, Тевкр: отныне
Я — бывший враг — Аяксу другом стал.
В его похоронах и я желаю
Принять участие, выполняя свято
Все, чем должны мы лучших почитать.

Тевкр

1420 О благородный Одиссей, — хвала
Твоим словам! Я худа ждал... Но вот
Ты, главный враг Аякса среди аргивян,
Один нам руку протянул, не стал,
Живой, над мертвым злобно издеваться,
Как сумасбродный полководец наш.
Явился к нам он с братом и хотел
Покойного лишить последней чести!

Так пусть отец державный на Олимпе
С Эринией, все помнящей, и с Правдой,
Вершащей суд, воздаст им злом за зло,—
1430 Им, пожелавшим бросить на позор
Умершего. Но ты, о сын Лаэрта,
Сам в погребенье лучше не участвуй,—
Покойному, боюсь, то будет в тягость.
А в остальном ждем помощи твоей,
И ежели ты воинов пришлешь нам,
Мы рады им. О прочем позабочусь.
Знай, нам участие дорого твое.

Одиссей

А я хотел... но ежели ты против,
Я возражать не стану, уйду.
(Уходит.)

Тевкр

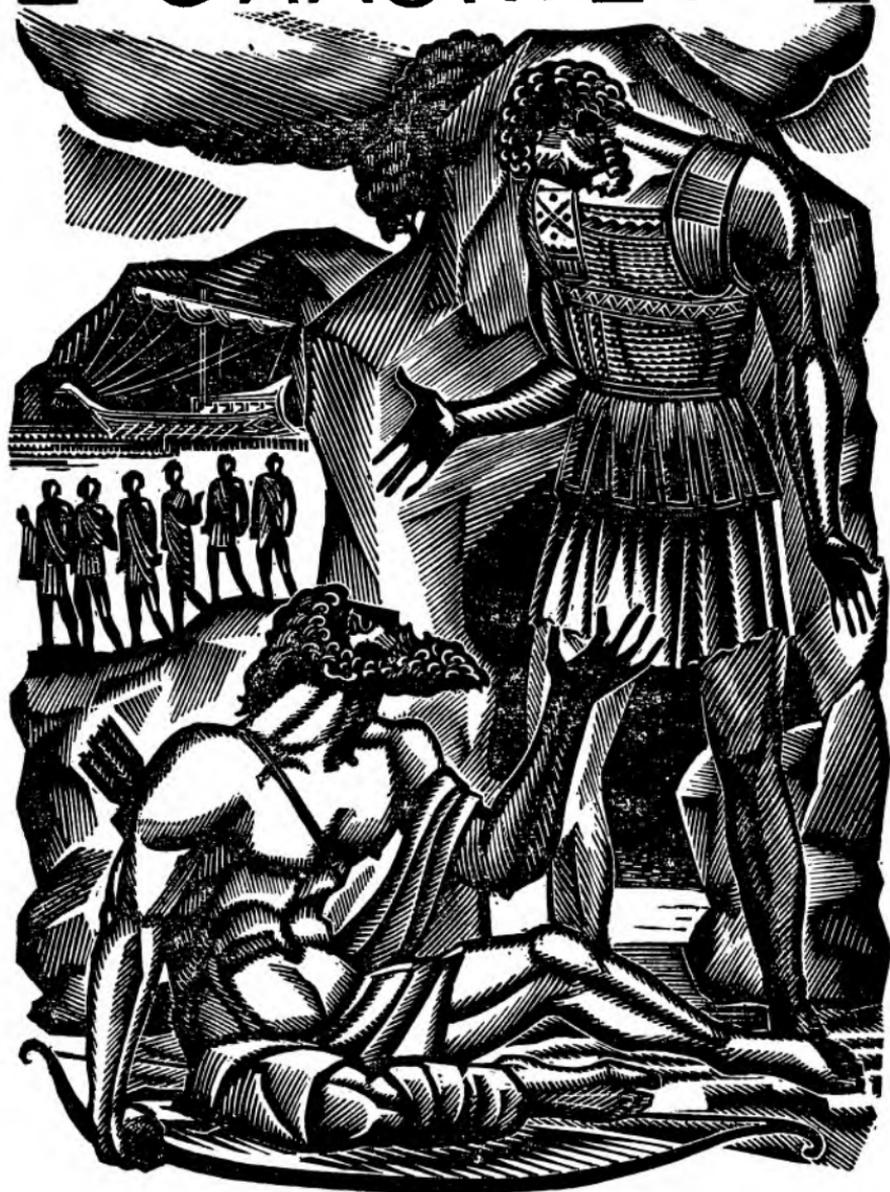
Довольно! — мы времени много и так
1440 Потеряли. Копайте могилу скорей!
А вы водрузите объятый огнем
Для святых омовений треногий котел.
Вы же, третий отряд,
Отправляйтесь немедля в Аяков шатер,—
Принесите доспех его... кроме щита.
Ты, мой мальчик, рукой к дорогому отцу
Прикоснись и по мере силенок своих
Помоги мне его под бока приподнять.
1450 До сих пор извергается черная кровь
Вверх из жил неостывших... Вы все, что ему
Назывались друзьями,— за дело, скорей!
В честь храбрейшего мужа несете вы труд,—
Вы вовек не служили подобным ему,—
Говорю о покойном Аяксе.

Хор

Учит многому опыт. Никто из людей
Не надейся пророком без опыта стать.
Непостижны грядущие судьбы.

ΦΙΛΟΚΤΗΣΤ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Одиссей.

Хор моряков.

Лазутчик под видом купца.

Неоптолем.

Филоктет.

Геракл.

ПРОЛОГ

Одиссей

Вот и омытый морем дикий Лемнос —
Безлюдная, пустынная земля.
Здесь, о Неоптолем, дитя Ахилла,
Храбрейшего из греков, мной когда-то
Оставлен был мелиец, сын Пеанта,
С больною, загноившейся ногой —
Начальствующих был на то приказ:
При нем свершать уж не могли мы с миром
Ни жертв, ни возлияний — так вопил он
10 На весь военный стан, стонал и беды
Накликивал... Но для чего о прошлом
Рассказывать? Не время многословить.
Прознает он, что прибыл я, — тогда
Прощай вся хитрость: упусти его.
Итак, теперь ты должен мне помочь:
Ступай и посмотри, где здесь пещера
О двух отверстиях, — солнце в холода
Там пригревает с двух сторон, а летом
20 Спать хорошо при легком сквозняке.
Пониже, слева, — если только цел он, —
Найдешь источник ключевой воды.
Потом вернись тихонько сообщить,
Здесь он живет иль где-нибудь подальше.
А я тебе, что надо, доскажу,
И, сговорившись, завершим мы дело.

Неоптолем

Царь Одиссей, задача не трудна:
Мне кажется, я вижу ту пещеру.

Одиссей

Где видишь? Ниже или над собой?

Неоптолем

Вверху... но тихо все, шагов не слышно.

Одиссей

30 Вглядись: он не лежит ли там, не спит ли?

Неоптолем

В пещере пусто, нет там никого.

Одиссей

Но видно ли, что все же в ней живут?

Неоптолем

Там ворох листьев — видимо, ночуют.

Одиссей

Пещера остальная вся пуста?

Неоптолем

Вон кубок деревянный самодельный,
Работы неискусной... и огниво.

Одиссей

Да, это он сокровищ накопил...

Неоптолем

Ах, что это? — Какие-то лохмотья,
На солнце сохнут: гной их пропитал.

Одиссей

40 Сомненья нет — он здесь живет... и сам
Поблизости... С ногою, столько лет
Недужною, не отойдешь далеко.

Он, верно, вышел пищи поискать
Иль травы рвет, смягчающие боль.
(Указывая на моряка, спутника Неоптолема.)
Отправь его разведать: коль врасплох
С ним встретимся, меня охотней сгубит,
Чем всякого другого из аргивян.

Неоптолем
(к моряку)

Ступай! (К Одиссею.) Дорога будет
под надзором.
Так продолжай, что ты хотел сказать.

Одиссей

50 Ахиллов сын, ты прибыл ради дела,
Где мало быть могучим храбрецом.
Услышишь то, чего не знал ты раньше.
Способствуй мне — ты должен мне помочь.

Неоптолем

Приказывай.

Одиссей

Так слушай: Филоктета
Ты должен хитрой речью обмануть.
Когда он спросит, кто ты и откуда,
Ответь: Ахиллов сын — скрывать не надо...
Скажи, что ты плывешь домой, покинув
Стан эллинов, что их ты ненавидишь,
60 Что к ним прибыть тебя молили сами,
Иначе, мол, не взять им Илиона, —
Когда же ты потребовал по праву
Доспех отца, то в просьбе отказали
И Одиссею отдали его.
Брани меня вовсю и сколько хочешь,
Я не обижусь, — а не кончишь дела,
Так всех аргивян горем поразишь.
Доколе Филоктетов лук не наш,
Тебе не сокрушить страну Дардана.
70 Ведь ты не то, что я: ты можешь с ним

Беседовать уверенно, спокойно.

Ты плыл под Трою, не давая клятвы,
Не из нужды... В походе первом не был.
А мне нельзя придумывать, — к тому же
Коль лук при нем и он меня увидит,
Так мне конец, да и тебе со мной.
Ты должен хитрый выдумать рассказ,
Чтобы похитить лук непобедимый.
Ты, знаю, сын мой, не рожден таким,
80 Чтоб на обман идти и на коварство, —
Но сладостно... торжествовать победу!
Решись!.. Вновь станем честными... потом...
Забудь же стыд, — всего на день один
Доверься мне... а после почитайся
Весь век благочестивейшим из смертных!

Неоптолем

Когда претят мне чьи-либо слова,
Их выполнять мне мерзко, сын Лаэрта!
Я не рожден для подлого лукавства, —
90 Был не таков, по слухам, и отец.
Нет, взять готов я Филоктета силой, —
Но не обманом: он, с одной ногой,
Нас, столькох, одолеть в борьбе не сможет.
Помощник твой боится оказаться
Предателем... Царь, честно проиграть
Прекраснее, чем победить бесчестно.

Одиссей

О сын Ахилла, в юности и я
Не скор был на язык и скор на дело.
Но опытнее стал и понял: в мире
Не действия всем правят, а слова.

Неоптолем

100 Но ты же мне приказываешь — лгать!

Одиссей

Ты должен Филоктета взять обманом.

Неоптолем

Зачем обман — не лучше ль убеждать?

Одиссей

Не убедишь... и силой не возьмешь...

Неоптолем

Он так в своем могуществе уверен?

Одиссей

Непобедимым луком сеет смерть.

Неоптолем

Так, стало быть, и подходить опасно?

Одиссей

Лишь с хитростью, как я тебе сказал.

Неоптолем

Но не считаешь ты, что ложь — позор?

Одиссей

Нет,— если ложь бывает во спасенье.

Неоптолем

110 Ты не краснеешь сам от этих слов?

Одиссей

Коль виден прок, так действуй не колеблясь.

Неоптолем

Какой мне прок, что он вернется в Трою?

Одиссей

Пасть может Троя от его лишь стрел.

Неоптолем

Как?... Стало быть, не я разрушу Трою?

Одиссей

Ни стрелы без тебя, ни ты без них.

Неоптолем

Да... Эти стрелы стоит нам добыть...

Одиссей

Знай: будешь ты вдвойне вознагражден.

Неоптолем

Чем?.. Я, узнав, не откажусь, пожалуй...

Одиссей

И доблестным и мудрым будешь назван.

Неоптолем

120

За дело же! И пусть умолкнет совесть!

Одиссей

Но ты запомнил все мои советы?

Неоптолем

О, будь уверен, — раз я обещал.

Одиссей

Итак, останься здесь и жди его.

А я пойду, чтоб он меня не видел.

Лазутчика верну я на корабль;

Но если вы задержитесь, обратно

Пришлю сюда того же человека

Под видом корабельщика-купца, —

130

Пускай его он примет за чужого.

Речь хитрую он заведет, мой сын, —

Из слов его все извлекай, что нужно.

Я ухожу, теперь — твоя забота.

Пусть нас ведет Гермес — Водитель душ

С Афиною, заступницей моею.

(Уходит.)

ПАРОД

Хор

СТРОФА 1

Чужому на чужбине — что мне должно, царь,
Таить и что говорить
Ему, недоверчивому?
Научи. Ты всех искусней
На земле и всех мудрее.
140 Ведь божественный скипетр Зевса
У тебя, государь, в руке.
Волей неба наследник ты
Древней власти. Наставь же, сын,
Как нам лучше помочь тебе.

Неоптолем

Как я вижу, ты хочешь взобраться сперва
На обрыв и жилище его осмотреть, —
Так исследуй спокойно. Но только к жилью
Подойдет он — угрюмый скиталец, — следи:
150 Буду знаки рукой подавать. Помогай,
Как потребуют время и дело.

Хор

АНТИСТРОФА 1

Давно твои заботы нас заботят, царь,
Всегда за благом твоим
Следит ревниво мой глаз.
Но скажи вернее, где же
Он приют себе устроил,
Где живет? Не бесполезно
Место знать, чтоб он, таясь,
Не застиг случайно нас, —
160 Где он входит, где выходит,
Где тропа к его жилью?

Неоптолем

Вон его обиталище с входом двойным —
Видишь? — в полой скале.

Хор

А куда же он сам, злополучный, ушел?

Неоптолем

Верно, здесь на какой-нибудь ближней тропе
Бродит в поисках пищи. Молва говорит,
Что охотой одной существует бедняк,
Бьет пернатыми стрелами диких зверей,—

В неизбывном унынье.

170

Горе, истинно горе!.. Страдает давно —

И не может найти

Исцелителя длительной муки.

Хор

СТРОФА 2

Жалко, жалко мне бедного!

Нет заботы о нем людской,

Не присмотрит за ним никто.

Несчастливец, всегда один,

Хворью тягостной мучится!

А любая нужда вставать

Заставляет, идти... И как

180

Он терпит такую жизнь?

Вот она — длань богов!..

О, несчастнейший смертных род!

Нет его горестям меры...

АНТИСТРОФА 2

Из людей родовитейших

Никому не уступит он...

А томится, всего лишен,

Вдалеке от товарищей.

Только зверя пятнистого

Да косматого видит здесь.

190

Безнадёжно страдает он

От мук, от голода лютого,—

Эхо одно вдали

Повторяет, болтливое,

Раздирающий крик его.

Неоптолем

Не дивлюсь я его горемычной судьбе:
Злые беды страдальца, коль здраво сужу,
От бессмертных исходят,—наслала же их
Хриса, чьи беспощадны возмездья. И то,
200 Что поныне, беспомощный, бедствует он,—
Тоже воля богов: значит, некий из них
Допустить не изволит, чтоб стрелы свои
Необорные, божьи, направить он мог
Против Трои — до срока, когда, говорят,
Принесут они Трое погибель.

Хор
СТРОФА 3

Потише, сын мой...

Неоптолем

Что такое?

Хор

Звуки слышатся...

Словно кто-то страдает тяжело...

Да, это стон...

Только где же?.. Откуда он?..

Слышу, явственно слышу: кто-то

По дороге бредет с трудом...

210 Различаю глухой, гнетущий

Голос издали... Кто-то стонет,

Жалобно стонет...

Сомнения нет...

Хор
АНТИСТРОФА 3

Итак, мой сын...

Неоптолем

О чем ты?

Хор

Будь готов, решай,

220 Что делать... Он — близко, вон
Подошел к жилью.
Не играет он на свирели,
Как пасущий стада пастух,—
Нет, он громко от мук вопит:
Или ногу зашиб в пути,
Или в бухте, где нет причала,
Корабль увидал?..
Кричит так страшно!

Входит Ф и л о к т е т.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Ф и л о к т е т

О чужестранцы!
Кто вы такие? Как смогли причалить?
Ни пристани здесь нет, ни поселенья.
О, где, где ваша родина? Какого
Вы роду-племени? На вас, я вижу,
230 Столь милая мне эллинов одежда!
Услышать дайте говор ваш... Не бойтесь,
Что так я одичал... Не отвращайтесь,
Нет, жальтесь над несчастным, одиноким,
Покинутым, без близких, средь лишений.
Заговорите, если вы — друзья..
Ответьте мне: несправедливо было б
Вам — мне не дать ответа, мне же — вам.

Н е о п т о л е м

Скажу тебе, во-первых, чужестранец:
Мы — эллины,— ты это знать желал...

Ф и л о к т е т

240 О, дорогая речь! Как сладко слышать
Такого мужа после стольких лет!
Зачем ты здесь? Что привело тебя,—
Что, юноша? Какой счастливый ветер?
Скажи мне все — я знать хочу, кто ты.

Неоптолем

Мой край родной — омытый морем Скирос.
Плыву домой. Зовусь Неоптолемом,—
Я сын Ахилла. Знаешь все теперь.

Филоктет

Сын друга моего, земли родной!
О старого питомец Ликомеда!
Зачем сюда пристал? Плывешь откуда?

Неоптолем

250 Сейчас я путь держу от Илиона.

Филоктет

Что ты сказал?.. Когда в поход на Трою
Мы отправлялись, с нами ты не плыл.

Неоптолем

Ты тоже был участником похода?

Филоктет

Иль ты не знаешь, кто перед тобой?

Неоптолем

Нет, я тебя не видел никогда.

Филоктет

Не знаешь даже имени? Не слышал,
Как бедствую, как погибаю здесь?

Неоптолем

Поверь, я ровно ничего не знаю.

Филоктет

260 Поистине, несчастный я, богами
Отверженный!.. И слуха обо мне
Ни дома нет, ни в остальной Элладе!
А те, кем так безбожно был я брошен,
Смеются, притаясь... Меж тем недуг мой
День ото дня становится все злей.

О юноша, достойный сын Ахилла,
Ты, может быть, и слышал обо мне:
Владелец я Гераклова оружия,
Я — Филоктет, Пеанта сын. Два брата —
270 Вожди полков — и кефалленян царь
Предательски здесь бросили меня,
Когда лихой терзал меня недуг,
Лихой укус ехидны смертоносной.
На острове покинули больного,
Как по пути с омытой морем Хрисы
Их корабли причалили сюда.
Едва приметили, себе на радость,
Что я заснул, устав от сильной качки,
На берегу, в укрытье под скалой,
280 Уплыли, мне, несчастному, подбросив
Тряпья да снеди малость... им самим
Так пострадать бы!.. Каково мне было
Проснуться после их отплытья, сын!
Как плакал я! Как горестно стонал,
Когда увидел, что суда уходят,
С которыми я прибыл, что со мною
Нет ни души, кто мог бы мне помочь,
Болящему! Смотрел — и ничего
Не находил кругом... одно лишь горе,—
Но горя — в изобилие, милый сын!
290 Так дни за днями шли, и приходилось
Мне самому прокармливать себя
В моем жилище тесном. Этот лук
Мне был кормильцем: диких голубей
Я им стрелял. К тому, что добывала
Стрела, слетев с упругой тетивы,
Я, злополучный, полз ползком, влача
С трудом большую ногу. Нужно ль было
Достать воды иль сучьев наломать,—
300 Зимой мороз не редок,—я, несчастный,
Едва тащился. Не было огня,—
Я из кремней насилиу высекал
Сокрытое в них пламя — тем и жил.
В конце концов есть и огонь и кров,
Все, что мне нужно,— нет лишь исцеленья.

Теперь скажу об острове: никто
По доброй воле здесь не бросит якорь.
Здесь некуда причалить мореходу,
Чтоб выгодно поторговать; приюта
Здесь не найти нигде! Кто осторожен,
310 Сюда не подплывет — случайно разве,—
Кто долго жил, с тем всякое бывало.
Зайдут иные, сын,— поговорят...
Сочувствуют... Из жалости подбросят
Какой-нибудь еды или тряпья.
Когда ж прошу меня домой доставить,—
И слушать не хотят! Я, злополучный,
Десятый год здесь гибну — голодаю
И бедствую, и ест меня болезнь.
320 Вот что со мною сделали Атриды
И Одиссей! О, пусть пошлют им боги
Так пострадать, как я теперь страдаю!

Хор

И я, поверь, сочувствую тебе
Не меньше тех пришельцев, сын Пеанта...

Неоптолем

Согласен я со всем, что ты сказал:
Сам хорошо я знаю и Атридов,
И дерзость Одиссея... Злые люди!

Филоктет

И ты клянешь Атридов ненавистных?
И ты обижен? Пострадал от них?

Неоптолем

330 О! Я насыщу ненависть свою!
Пускай узнают Спарта и Микены,
Что Скирос тоже доблестных родит!

Филоктет

Отлично, сын... Скажи, из-за чего же
Ты против них такой питаешь гнев?

Неоптолем

Пеанта сын, я расскажу — хоть тяжко! —
Как был я оскорблен, прибыв под Трою.
Лишь рок судил Ахиллу умереть...

Филоктет

Увы!.. Не продолжай... Скажи сперва,
Скажи... ужели сын Пелея — умер?

Неоптолем

340 Да, — но убит был богом, а не смертным,
Как говорят: сражен стрелою Феба.

Филоктет

Убитый был убившего достоин!
Смущен я, сын... о бедах ли твоих
Расспрашивать или о нем скорбеть?

Неоптолем

С тебя довольно бед своих, несчастный,
Чтоб не скорбеть о горести других.

Филоктет

Ты правильно сказал... но продолжай, —
Как был ты ими оскорблен, поведай.

Неоптолем

350 На судне расписном ко мне явились
Царь Одиссей с наставником отца
И заявили — вправду иль обманно, —
Что, раз отец мой умер, суждено
Мне — только мне — разрушить крепость Трои.
Так говорили, друг мой, торопя
Отплытие, — и я пустился в путь.
Всего сильнее я жаждал увидеть
Покойного еще не погребенным, —
Я раньше не видал отца... К тому же
Влекла и мысль твердыню Трои взять,
360 И на вторые сутки по отплытье
Мы счастливо к печальному Сигею
Причалили. Я окружен был войском.

Приветствовали дружно. Все клялись,
Что видят вновь Ахилла, как живого.
А он — был мертв... И я в глубоком горе
Его оплакал, а потом пошел
К друзьям Атридам — так я полагал! —
Спросить доспех отца и остальное.
Увы! Как был бесстыден их ответ!
«О сын Ахилла, что принадлежало
370 Родителю, бери, но у доспеха
Теперь другой хозяин — сын Лаэрта!»
Я зарыдал, вскочил, охвачен гневом,
И говорю им в горести своей:
«Презренные! Решились вы другому
Отдать доспех мой, не спросясь меня?»
Тут Одиссей сказал — стоял он рядом:
«Мне, юноша, доспех по праву отдан:
Доспех и тело я ведь отстоял».
380 Тут я вскипел и все, что мог придумать
Обидного, сказал ему в лицо:
Ведь он отнять задумал мой доспех!..
И тот, хоть от природы хладнокровен,
Был, видно, уязвлен и отвечал:
«Твой долг быть с нами, ты же с нами не был.
И речь твоя дерзка. Так знай: на Скирос
Тебе с доспехом этим не отплыть!»
Наслушавшись подобных оскорблений,
Теперь плыву домой... Меня ограбил
Злодей и сын злодея Одиссей.
390 Не так виню его, как их — вождей.
Ведь город или рать всегда зависят
От тех, кто во главе стоит. Наказы
Начальников народ нередко портят...
Я кончил. Ненавидящий Атридов
Да будет мил богам, как мил он мне.

Х о р
СТРОФА

Зевса мать,
Кормящая и всех и вся, о Гея,
Чей приют — златой Пактол! Богиня гор!

400

К тебе мы и там
Взывали, под Троей,
Могучая Матерь,
Когда оскорбили
Атриды его,
Вручив Одиссею
Ахиллов доспех —
Награду наград,—
К блаженной, тебе,
Которой упряжка
Львы-быкбойцы!

Филоктет

410

Я вижу, чужестранцы, — в самом деле
У нас судьба — едина. Узнаю
Атридов руку, руку Одиссея.
О, у него всегда дурные речи
На языке; лукавый негодяй,
Стремится он всю жизнь к бесчестным целям.
Хоть нечему дивиться здесь, но все же
Дивлюсь: как допустил Аякс великий?

Неоптолем

О друг, он был уж мертв. Нет, не могли бы
Они меня ограбить, будь он жив.

Филоктет

420

Как?.. Иль ушел и он в обитель мертвых?

Неоптолем

Да, он не видит больше света дня.

Филоктет

Конечно! Ни Тидеево отродье,
Ни сын, Сизифом проданный Лазрту,
Не умерли!.. Вот им бы умереть!

Неоптолем

Напротив. Будь уверен: процветают
Они теперь в аргивском ополченье.

Филоктет

А этот старец доблестный... мой друг,
Пилиец Нестор — жив?.. Он их злодействам
Препятствовать умел советом мудрым.

Неоптолем

430 Его постигло горе: потерял он
Возлюбленного сына, Антилоха.

Филоктет

Ты сообщил о смерти двух мужей,
Которых смерть мне всех иных больнее.
Увы, увы!.. Что ж думать?.. Этих нет,
А Одиссей все жив, когда ему бы
Погибнуть подобало вместо них!

Неоптолем

Смел и хитер... Да ведь сорваться может
И хитрая затея, Филоктет.

Филоктет

440 Но — заклинаю! — где же был в то время
Патрокл, любимец твоего отца?

Неоптолем

Патрокл, увы, скончался тоже. Словом,
Одно скажу: война дурных щадит —
Ей любо похищать лишь наилучших.

Филоктет

Согласен. Потому-то и хочу
Спросить тебя о негодяе том,
Говоруне искуснейшем — что с ним?

Неоптолем

Ты разумеешь снова Одиссея?

Филоктет

Нет, не его... А был такой Терсит.
450 Бывало, разглагольствует, хоть слушать
Его никто не хочет. Жив ли он?

Неоптолем

Да, жив, по слухам,— я его не видел.

Филоктет

Я так и знал: не погибает злое,—
Нет, боги покровительствуют злу.
Им любо плута тертого, лукавца
Нам из Аида возвращать! А честных,
Достойнейших знай гонят в царство тьмы!
Что тут сказать?.. Как восхвалять богов?
Я их хвалю... но вижу: дурны боги!

Неоптолем

460 Что до меня, сын властелина Эты,
Я твердое решение принял: впредь
Остерегаться Трои и Атридов.
Нет, у кого дурной силен над честным,
Благое гибнет и у власти трус,—
Тех никогда не назову друзьями.
Я удалюсь на мой скалистый Скирос
И буду счастлив там, с меня довольно.
Итак, пора мне на корабль. Прощай,
О сын Пеанта! Боги да пошлют
470 Желанное страдальцу исцеленье.
Идемте же! Лишь только бог нам даст
Погоду, в тот же час подыдем якорь.

Филоктет

Так скоро, сын?..

Неоптолем

Ждать надобно погоды
Не вдалеке, а возле корабля.

Филоктет

Молю отцом и матерью твоей,
Всем, что тобой в краю родном любимо,
Молю тебя: не покидай меня
Здесь одного,— мои ты видел муки,
Ты слышал, сколько бедствий здесь терплю.

480 Возьми меня с собою, — неприятен,
Я понимаю, этот лишний груз...
Но наберись терпенья. Светлым душам
Не мил позор, их честь — в поступках добрых.
Откажешь мне — заслужишь ты упреки,
Исполнив же — прославишься, мой сын.
Дай мне живым сойти на землю Эты.
Ты на заезд и дня не потеряешь!
Решись! Возьми меня с собою, брось
Куда-нибудь — на нос, иль на корму,
Или на дно, — где я мешал бы меньше!
490 Склонись! Во имя Зевса всех молящих,
О, согласись! Хромой, я на коленях
Тебя молю, бессильный... Не покинь
Страдальца здесь, где нет следа людского.
Спаси меня, свежи меня домой
Иль в Халкодонтскую доставь Евбею —
Оттуда путь до Эты недалек, —
К Трахинскому хребту, к струям прозрачным
Сперхея; дай любимому отцу
500 Меня обнять... боюсь, давно он умер
Там без меня... Не раз я у заезжих
Расспрашивал и слал к нему мольбы, —
Чтоб сам приплыл он, взял меня и вывез
На родину. Иль умер он, иль те,
Кого я посылал, спешили к дому,
Пренебрегая мной, — винить ли их!
Теперь тебя молю, в котором вижу
И спутника и вестника, — о, сжался!
Спаси меня! Опасна и страшна
510 Судьба людей — им изменяет счастье!
Пусть горе далеко — должны мы помнить
Всегда о нем; живя благополучно,
Тем более беречься мы должны.

Х о р
АНТИСТРОФА

Сжался, царь!
О тягостных поведал он бореньях —
Бед подобных да не ведают друзья!

О, если ты злостных
Не терпишь Атридов,
Их козни на пользу
Ему обрати.
520 Я взял бы страдальца
На свой снаряженный,
На быстрый корабль,
Отвез бы в желанный
Отеческий край,
Домой... Избежал бы
Я гнева богов.

Неоптолем

Со стороны глядишь — не будь поспешен:
Как станет невтерпеж его зараза,
Не измени сужденья своего!

Хор

530 О нет! Уверен будь, что не придется
Меня потом за это упрекать.

Неоптолем

Ну что же! Отставать от вас мне стыдно
В желанье другу нашему помочь.
Итак — плывем! Готовься же, мой друг.
На корабле тебя охотно примут.
О, только бы отплыть нам дали боги
От этих скал в наш предрешенный путь!

Филоктет

О, счастья день! О юноша прекрасный!
540 Вы, милые гребцы! Как я на деле
Вам докажу признательность свою?
В дорогу, сын!.. Но раньше в нежилое
Зайдем жилье — проститься. Сам увидишь,
С каким трудом поддерживал я жизнь.
Никто на свете, думаю, не смог бы
Стерпеть и вид один моих мучений.
Но я себя к страданиям приучил.

Хор

Стой! К нам подходят двое — что-то скажут?
Один моряк — из ваших, а другой,
Знать, чужанин... Потом туда войдете...

Входят л а з у т ч и к, переодетый купцом, и другой — м о р я к.

Купец

550 О сын Ахилла, с просьбой обратился
Я к моряку, который сторожит
С двумя другими твой корабль у моря,
Чтоб он сказал, где отыскать тебя.
Не чаял здесь с тобою повстречаться.
Я — корабельщик; при немногих людях
Плыву домой из Трои в Пепареф,
Обильный виноградом. Но, узнав,
Что моряки — твои, я порешил
Не отплывать отсюда молчаливо,
560 А все тебе открыть... и жду награды.
Ты, может быть, еще не знаешь сам
О том, какие ныне строят козни
Аргивяне... не только строят козни,—
А уж взялись за дело и не медлят...

Неоптолем

Не чужд я благодарности, ценю
Любезное твое предупреждение.
Но поясни: о чем ты? Знать хочу,
Что мне еще аргивяне готовят?

Купец

570 Пустились за тобой на кораблях
Тесея сыновья и старый Феникс.

Неоптолем

Чтоб силою вернуть иль убеждением?

Купец

Не знаю сам: передаю, что слышал.

Неоптолем

А Феникс и товарищи его —
Усердствуют не ради ли Атридов?

Купец

При этом дело делается спешно.

Неоптолем

Что ж Одиссей сюда не прибыл сам
С известием? Чего-нибудь страшится?

Купец

Он и Тидеев сын искать другого
Готовились, когда я отплывал.

Неоптолем

580 Сам Одиссей?.. Но кто же тот... другой?

Купец

Да есть один... Но этот человек —
Кто он? — остерегись... услышать может...

Неоптолем

Друг пред тобою — славный Филоктет.

Купец

Не спрашивай же боле!.. Поскорее
Отчаливай... беги от этих мест!

Филоктет

О чем он, сын? С тобою потихоньку
Торгуется... не обо мне ли речь?

Неоптолем

Не знаю сам... Но пусть открыто, вслух
Он скажет все тебе, и мне, и им.

Купец

590 Ахилла сын, не ссорь меня с их войском,
Не принуждай — от них благодетельный
Немало вижу, бедный человек.

Неоптолем

Я враг Атридов, этот чужестранец —
Мне лучший друг: их ненавидит тоже.
Коль с добрым чувством ты пришел ко мне,
Так ничего утаивать не должен.

Купец

О юноша, подумай...

Неоптолем

Я подумал.

Купец

Ты будешь отвечать.

Неоптолем

Пусть... Говори!

Купец

600 Изволь. Как раз отправились — за ним
Тидеев сын с могучим Одиссеем
И клятву дали возвратить его,
Иль убедив вернуться, или силой.
Все слышали ахейцы, как о том
Вел речи Одиссей. В успехе дела
Уверен он, — уверенней, чем спутник.

Неоптолем

610 Но что ж Атридов побудило вдруг
Вновь, через столько лет, о нем подумать,
Которого здесь бросили когда-то?
Какая прихоть? Или месть богов,
Готовая всегда карать дурное?

Купец

Открою все, коль, видно, ты не слышал.
Был у троян гадатель благородный,
Приамов сын, по имени Елен.
И вот лукавец, всеми поносимый,
Плут Одиссей, один, средь ночи выйдя,

Схватил его и славную добычу
Привел, в цепях, к ахейцам на собрание,
Им предсказал гадатель между прочим,
620 Что не разрушить им твердыню Трои,
Пока... его не привезут назад,
Уговорив покинуть этот остров.
Едва о том услышал сын Лаэрта,
Сейчас же обещал его доставить
И показать ахейцам, похваляясь,
Что убедит вернуться добровольно,
А если нет, так силой привезет, —
В том голову давал на отсечение.
Ты слышал все, о сын. Но мой совет
Тебе и всем твоим — поторопиться.

Ф и л о к т е т

630 Несчастный я! Так он — само злодейство! —
Меня уговорить дал клятву... Нет!
Нет, я скорей на свет из царства мертвых
Вернусь, как некогда отец его.

К у п е ц

Не знаю ничего. Я возвращаюсь
На свой корабль... Так помогай вам боги!
(Уходит.)

Ф и л о к т е т

Друг, не ужасно ль это? Сын Лаэрта
Надеется, что, обольстив, ахейцам
Меня покажет там, спустив на берег?
640 Нет, я скорей послушаюсь мерзейшей
Ехидны, от которой обезножел!
О! все сказать способен он, на все
Дерзнуть. Да, знаю: он придет.
Скорей же, сын! Пусть море всю ширью
Отделит нас от корабля его!
В путь, в путь скорей!.. Поторопившись с делом,
Спокойным сном бываешь награжден.

Неоптолем

Лишь ветер переменится, отчалим.
Пока еще он не попутен нам.

Филоктет

Любой хорош, когда бежишь от бедствий.

Неоптолем

650 Но этот ветер плыть и им мешает.

Филоктет

О! Никакой не помешает ветер
Разбойникам и грабить и хватать.

Неоптолем

Коль так — плывем... Но забери в жилье,
Что надобно или оставить жалко.

Филоктет

Да, надо взять... хоть выбор не велик!

Неоптолем

Найдется все на корабле моем...

Филоктет

Там у меня трава: ее кладу
На язвину, и утихают боли.

Неоптолем

Неси ее. Что хочешь взять еще?

Филоктет

660 Стрелы там не осталось ли случайно...
Боюсь, другому как бы не достались.

Неоптолем

А держишь ты... тот самый, славный лук?

Ф и л о к т е т

Вот он, в руке моей — другого нет.

Н е о п т о л е м

Взглянуть могу ль поближе, прикоснуться,
Могу ль его почтить, как божество?

Ф и л о к т е т

Ты, милый сын мой, можешь... Все мое
К твоим услугам,— все, чего желаешь.

Н е о п т о л е м

Хочу его коснуться, если это
Богам угодно. Если нет — не надо.

Ф и л о к т е т

670 Святые, сын, слова... Коснись: ты — можешь.
Ведь ты один вернул мне солнца свет,
Мой край эгейский, старого отца
И близких всех. Врагами я повержен —
Ты над врагами вновь меня вознес.
Не бойся. Можешь брать его и снова
Мне возвращать. Гордись по праву: ты
Один его коснулся... Ты — достоин.
Я сам его благодеяньем добыл.

Н е о п т о л е м

680 Я счастлив, что узнал тебя, что ты
Мне друг. Кто на добро добром ответит,—
Друг истинный, ценнее всех богатств.
Входи же внутрь.

Ф и л о к т е т

Войди и ты со мной:
Я человек больной, меня поддержишь.

Входят в пещеру.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

СТРОФА 1

Я слыхивал преданье, — пусть не видел сам, —
Как грозный вседержавного Крона сын
Иксиона, проникшего
К ложу бога,
К колесу прикрутить велел.
Но не слышал я и не видел я,
690 Чтобы столько мук человек терпел
От судьбы, как этот злосчастный муж.
Никому не строил козней,
Зла не знал,
Честным с честными был — и вот
Гибнет, брошенный! Дивлюсь:
Как же мог он, одинокий,
Внемля волн одних прибой,
Не погибнуть, столь гонимый
Беспощадною судьбой?

АНТИСТРОФА 1

700 Один, ходить не в силах, сам себе сосед, —
И никого, кто был бы при нем, страдальце,
С кем бы мог поделиться он
Долгой мукой,
Плоть снедающей, пьющей кровь.
Кто б корней целебных нарыл ему
Из земли святой, из кормилицы!
Кто бы мог горячей крови поток
Из его открытой язвы
Остановить —
710 Из недужной его стопы.
День за днем влачился он,
Еле ползал, — как младенец,
Если няньки нет при нем;
Только боли полегчают,
Плелся, выхода искал.

СТРОФА 2

От земли от святой
 Он не вкушал плодов,
 Тех, что ест человек,
 Плуг познавший и серп,—
 720 Нет, питался лишь тем,
 Что добудет ему
 Лук крылатый своей стрелой.
 О, душа горемычная!
 За десять долгих лет
 Не услаждался
 Вином,— нет, жаждой томимый,
 Вкруг глядел, не найдется ль где
 Родниковой воды глоток!

АНТИСТРОФА 2

730 Ныне встретил бедняк
 Сына добрых людей.
 Беды пройдут, и он
 Счастлив станет, велик!
 Юный везет его
 На корабле своем,
 После стольких годов, в родной
 Край, обитель мелийских нимф,
 На побережья Сперхевы,
 Где меднощитый
 Муж на высотах Эты,
 740 Озаренный огнем родителя,
 В сонм бессмертных вознесся.
 Входят Неоптолем и Филоктет.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Неоптолем

Иди, прошу... Но что ты без причины
 Вдруг замолчал? И чем ты так встревожен?

Ф и л о к т е т
Ох, ох, ох, ох!..

Н е о п т о л е м
Что стонешь?

Ф и л о к т е т
Ничего... Идем, мой сын.

Н е о п т о л е м
Иль мучает тебя твоя болезнь?

Ф и л о к т е т
Нет, нет... постой... как будто полегчало...
О боги!..

Н е о п т о л е м
Что ж ты богов так слезно призываешь?

Ф и л о к т е т
Чтоб снизошли помочь и нас спасти.
Ох, ох, ох, ох!

Н е о п т о л е м
750 Но что с тобой? Или сказать не хочешь?
Не запирайся... Ты страдаешь, друг...

Ф и л о к т е т
Пропал я, сын... Скрыть не могу от вас
Свои мученья... Ах!.. Опять вступило...
Вступило... Ах, несчастный, бедный я!..
Пропал я, сын... Снедает... Ай-ай-ай!..
Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай!..
Сын, ради бога... если при тебе
Есть меч, молю, ударь им по ноге
Моей больной!.. Скорее... отсеки...
760 О, не щади меня!.. Скорее, сын!..

Неоптолем

Что нового случилось? Почему
Такие вопли, стоны? Что с тобой?

Филоклет

Ты знаешь, сын мой...

Неоптолем

Что?

Филоклет

Ты знаешь, милый...

Неоптолем

Не знаю, что с тобой...

Филоклет

Не знаешь?.. Ай!..

Неоптолем

Да, тяжело выносить такой недуг...

Филоклет

Невыразимо тяжело... Сжался, сын!

Неоптолем

Что ж делать мне?

Филоклет

Не брось меня со страха...

Последний приступ был давно... и этот
Утихнет скоро... скоро...

Неоптолем

О, несчастный!

Филоклет

770 Несчастный, да... поистине страдалец...

Неоптолем

Помочь тебе? Рукою поддержать?

Ф и л о к т е т

Не надо, нет... А лук возьми — об этом
Меня просил ты только что... Пока
Болезни приступ не отпустит, зорко
Блюди его... Едва лишь боль стихает,
Мной всякий раз овладевает сон.
Мук раньше не прервешь... Но после дайте
Мне спать спокойно... Если ж в это время
Придут они... богами заклинаю:
780 Ни волей, ни неволей, ничем
Не отдавай им лука — иль погубишь
Ты и себя со мной, тебя молящим.

Н е о п т о л е м

Я бдителен, а лук держать мы будем —
Лишь ты да я... Давай его — на счастье!

Ф и л о к т е т (передавая лук)

Вот, милый... Но моли богов ревнивых,
Чтоб ты через него не пострадал,
Как я и тот, кто обладал им прежде.

Н е о п т о л е м

Да будет так, молю. И пусть удачным
И легким будет плаванье, куда бы
790 Ни вел нас бог! Готовьтесь же к отплытью.

Ф и л о к т е т

Боюсь, мой сын,— исполнится ль желание:
Кровь черная закапала из язвы
Опять... опять ждать приступа... Увы!
Стопа моя! Опять начнется мука...
Вступает вновь...
Вот... подошло вплотную... Горе мне!
Вы видите... Но только — не бегите!
Увы, увы!
800 О кефалленский «друг»! Тебе бы эту
Всю душу раздирающую муку!
Ах, ах!.. Вы двое, братья-полководцы,

Вы, Агамемнон с Менелаем! Вам бы
Такую боль на годы!.. а не мне...

Ох, горе, горе!

О смерть, о смерти! Давно тебя зову,
Всяк день зову... Иль ты прийти не можешь?
О юноша! О мой великодушный!
Возьми меня, сожги в огне лемносском,
Которому так часто я молился!

810

Когда-то просьбу ту же для Геракла
Исполнил я — и луком награжден.

Я жду ответа.

Что же молчишь? Где ты витаешь, сын?

Неоптолем

Давно в душе твоею мукой мучусь.

Филоктет

Не беспокойся... Боль находит сразу,
Зато и отпускает скоро, сын.
Но умоляю — не бросай меня!

Неоптолем

Нет, — мы останемся.

Филоктет

И ты?

Неоптолем

О да.

Филоктет

Я связывать тебя не стану клятвой.

Неоптолем

820

Не вправе я уехать без тебя.

Филоктет

Дай руку в подтвержденье.

Неоптолем

Вот рука.

Филоктет

Теперь веди меня, веди...

Неоптолем

Куда же?

Филоктет

Наверх.

Неоптолем

Иль бредишь вновь? Что смотришь в небо?

Филоктет

Оставь,пусти...

Неоптолем

Куда пустить?

Филоктет

Оставь...

Неоптолем

Нет, не могу.

Филоктет

Убьешь меня, коль тронешь.

Неоптолем

Изволь, не стану — только успокойся.

Филоктет

О мать Земля! Прими меня... кончаюсь...

Нет сил моих терпеть... не держат ноги...

Неоптолем

830 Сон овладел им, видимо, надолго.

Уж свесилась бессильно голова.

Все тело обливает пот холодный.

А на стопе чернеющая жила,

Я вижу, прорвалась. Друзья, оставим

Его в покое — пусть себе уснет.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р
СТРОФА

Сон, ни страданья, ни боли не знающий,
Нежным дыханьем повеи!

Мир и отраду дающий владыка!

Этот сиящий свет

840 Да не угаснет в очах его сонных...

Сойди, исцелитель, сойди!

Сын, решай же: как поступишь,

С нами плыть куда надумал?

Видишь сам, — он спит глубоко.

Для чего нам медлить здесь?

Доброго часа

Не упустить бы!

Удачу сулит он,

Спешить велит.

Н е о п т о л е м

850 Спит и не слышит... Но знаю: напрасно мы

Лук захватили бы,

Если, с собой не забрав и хозяина,

В море пустились бы.

Восторжествует лишь он. Привезти его —

Божье веление.

Стыд и позор — похваляться, не выполнив

Хитрого дела.

Х о р
АНТИСТРОФА

Юноша, бог обо всем позаботится...

Но берегись — говори

860 Тихо со мною, тихонько ответствуй:

Сон у болящих — не сон.

Все, что вокруг, различает он явственно,

Дремлет, а внемлет всему...

С осмотрительностью вящей

Завоеывай награду,

Дело делай втихомолку...

Я о спящем говорю...

Но если решил ты
Забрать горемыку,
Разумность велит нам
Бояться беды.

870

эпод

Ветер, ветер подул нам, сын!
Он — ты видишь — лежит, не зряч,
Беззащитный, окутанный
Тьмой... Полуденный сон глубок.
Не шевельнет ни рукой, ни ногой, —
Замер... с виду — мертвец мертвецом.
Мне рассудок говорит:
Будь разумен, лишь действуй,
Чтобы ужасов не знать!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Неоптолем

880 Молчите, говорю, и образумьтесь.
Он поднял голову, открыл глаза.

Филоктет

Вновь вижу свет!.. И вы, друзья, вы здесь, —
А я и не надеялся... О милый,
Не думал я, что так ты терпелив,
Что здесь мои переживаешь муки
С сочувствием, готовый мне помочь.
О нет! Атриды, «славные вожди»,
Не так легко сносили эту тягость.
Сам благородный, благородной крови,
890 Ты без усилья терпишь, милый сын,
Мой крик истошный и зловонье язвы.
Теперь же, друг, раз боль моя утихла
И отдохнуть дала мне наконец,
Приподыми меня, чтоб мог я встать.

Когда же минет слабость, на корабль
Пойдем скорей и отплывем немедленно!

Неоптолем

Я радуюсь, что ты остался жив
И боль утихла,— я терял надежду:
Так был ужасен вид твоих мучений!
900 Казалось мне: уж нет тебя в живых.
Теперь вставай. А хочешь — эти люди
Снесут тебя: им труд любой не в тягость,
Коль это общий — твой и мой приказ.

Филоктет

Благодарю... Приподыми меня,
Как ты хотел. Не надо их: до срока
Не удручай их запахом тяжелым,—
Еще со мной придется вместе плыть.

Неоптолем

Да будет так. Вставай же... сам держись!

Филоктет

Сейчас, привстану... ведь не в первый раз.

Неоптолем

910 Увы, увы!.. Что ж делать мне теперь?..

Филоктет

О чем ты, сын? Что хочешь ты сказать?

Неоптолем

Что говорить, не знаю... Я в смущенье.

Филоктет

В смущенье, сын?.. Не надо слов таких.

Неоптолем

Дошел я до того, что сам страдаю.

Филоктет

Что? Иль тебе болезнь моя мешает
И ты решил не брать меня с собой?

Неоптолем

Да, все претит, коль сам себе изменишь
И делаешь наперекор душе.

Филоктет

920 Достойного спасаешь ты: ни словом,
Ни делом не унизишь ты отца.

Неоптолем

Боюсь дурной я славы — вот чем мучусь...

Филоктет

О нет, ты чист... но слов твоих... страшусь...

Неоптолем

О Зевс! Что ж делать? Все сказать пора...
Иль вновь его обманывать бесстыдно?

Филоктет

Да он готов — коль я не заблуждаюсь —
Предать меня, здесь бросить и отплыть?

Неоптолем

О нет, не брошу... Только я боюсь,
Что, взяв тебя с собою, огорчу.

Филоктет

О чем ты говоришь? Не понимаю.

Неоптолем

930 Открою все... Ты должен — в Трою плыть,
Туда, к ахейцам и к судам Атридов.

Филоктет

Что?.. Горел..

Неоптолем

Не стнай, еще не знаешь...

Филоктет

Чего?.. Что хочешь сделать ты со мной?

Неоптолем

Спасти тебя, во-первых; во-вторых,
С тобой опустошить равнины Трои.

Филоктет

Так думаешь ты вправду?

Неоптолем

Побуждает

К тому необходимость — не гневись.

Филоктет

Погиб я... предан... Что же, чужестранец,
Ты натворил?.. Скорей отдай мне лук!

Неоптолем

940 Не властен я: приказ вождей исполнить
Глас истины и выгода велит.

Филоктет

Огонь лихой! Чудовище! Предатель!
Со мной как поступил ты, нечестивец?
Так обманул! И мне в лицо глядишь...
Не я ль к твоим коленам припадал?
Отняв мой лук, ты жизнь мою похитил!
Отдай его, отдай! Сын, заклинаю
Богами родины — не погуби!
950 О, горе мне!.. И говорить не хочет...
Неужто не отдаст?.. Отворотился...
О вы, заливы, скалы! Звери гор,
Сожители мои! Утесов кручи!
Взываю к вам — к кому ж еще звать? —
А вы к моим привыкли горьким пеням!..

Вот что со мною сделал сын Ахилла...
Клялся свезти домой — а гонит в Трою!
Он правую мне руку дал — и предал!
Украд мой лук, священный дар Геракла,
Чтоб показать аргивянам своим!
960 Меня забрать он хочет силой, я же
Совсем бессилён... я — лишь тень от дыма,
Мертвец я... призрак... Будь я здоровей,—
Нет, не посмел бы он... Да и большим-то
Лишь хитростью сумел он овладеть!
Обманут я, злосчастный. Что ж мне делать?
Отдай мне лук!.. Стань вновь самим собою.
Ответь же мне!.. Молчишь... Увы... конец...
О мой приют пещерный, возвращаюсь
970 К тебе без стрел, на голод обречен.
Уж не пронзает мне поднебесных птиц,
Зверей в горах. Теперь, увы, несчастный,
Для тех, кем сам питался, стану снадью,
Добычею для собственной добычи —
За смерть их — смертью заплачу... Все он,
Он, с виду чуждый зла!.. Так сгинь!.. Но полно...
Еще ты образумишься, быть может...
А если нет — позорно пропадай!

Хор

Что ж делать? Отплывать ли, государь,
Иль продолжать его моления слушать?

Неоптолем

980 Ах, я ему сочувствую глубоко...
Уже давно... тем более сейчас.

Филоктет

О, сжался, сын, молю: не допусти,
Чтобы тебя в насилье упрекнули.

Неоптолем

Но как же быть?.. Ах, для чего покинул
Я Скирос свой! Так тяжело на душе...

Филоктет

О Лемнос мой! О всемогущий пламень,
Затеplенный Гефестом! Как стерпеть,
Что увезти меня он хочет силой?

Одиссей

Так знай же: Зевс над этим краем царь.
То Зевса воля,— я лишь исполнитель.

Филоктет

Придумал!.. Прячась за спину богов,
И их, подлец, в лжецов ты превращаешь.

Одиссей

Нет, чтy их предсказанья... Ехать — должно.

Филоктет

Нет, говорю.

Одиссей

Да, говорю: покорствуй!

Филоктет

1010 Ах я, злосчастный! Значит, я родился
Рабом, а не свободным.

Одиссей

Вовсе нет.

С первейшими ты равен. Вместе с ними
Возьмешь и в прах повергнешь Илион.

Филоктет

Нет, ни за что... хотя бы пострадать
Еще не так пришлось на этой круче.

Одиссей

Что ж хочешь сделать?

Филоктет

Броситься с утеса
И голову о камни раскроить.

Одиссей

Схватить его! — Чтоб броситься не мог!

Филоктет

О руки, руки вы мои! — лишились
1020 Желанной тетивы... он вас скрутил...
Ты, в ком святой и честной мысли нет,
Как ты подкрался, как поймал меня!
Юнцом, мне незнакомым, заслонился!
Хоть нравом схож он не с тобой, скорее —
Со мной, — твои он выполнял приказы.
Раскаяньем он мучится теперь,
Что прегрешил и причинил мне муку.
Душа дурная, вечно с задней мыслью,
1030 Ты научил его лукавым козням, —
А он их чужд, он не хотел того.
Меня связав, ты с острова увозишь,
Где сам когда-то бросил одного,
Без дома и без близких — труп живой.
Увы!
Погибни же! — не раз я так молился...
Но радости мне боги не дают:
Ты жив, доволен, — я же, злополучный,
Знай бедствую, терплю за мукой муку.
1040 А ты и полководцы — два Атрида,
Чей ты слуга, — глумитесь надо мной.
По принуждению ты отплыл, обманщик,
Под Трою с ними. Я же, горемычный,
Семь кораблей привел им добровольно —
И брошен был... ты утверждаешь — ими,
Они твердят — тобой... На что я вам?
Что вам во мне? Ведь я — ничто, я умер
Для вас давно. Отверженный богами,
Иль я теперь не хром и не зловонен?
Как жертвовать и возлиять богам
1050 При мне? Ведь я за это был покинут!
Так пропасть же на вас! И пропадете
Через меня, коль правда есть на небе.
А правда есть, да, есть — вы не приплыли б

Бедняги ради, сами по себе —
Вам обо мне бессмертные вещали...
О родина! О бдительные боги!
Да покарайте ж, покарайте их
Всех наконец! — коль вы жалеть способны.
1060 Мне жить ужасно... Но едва услышу,
Что их уж нет,— забуду про болезнь!

Х о р

И на словах упорен и на деле...
Не гнется он под тяжестью беды.

О д и с с е й

Сказать я мог бы много, если б время
Позволило,— но лишь одно скажу:
Всегда я там, где быть велит мне дело.
И если речь идет о честных людях,
Так не найдется праведней судьбы.
Да, я рожден, чтоб все одолевать,—
1070 Но не тебя... Тебе я уступаю
Охотно. Развяжите же его
И более не трогайте... Остаься
Здесь: ты не нужен нам, твой лук — у нас.
Наш славный Тевкр — он это дело знает,
Да я и сам умею с луком ладить:
Я мечу в цель уверенной рукой.
На что ж ты нам?.. Броди себе один
По Лемносу. Мы — едем. И, быть может,
Меня ждет честь, сужденная тебе.

Ф и л о к т е т

1080 Что ж делать мне, злосчастному?.. И ты
Аргиевнам с моим предстанешь луком?

О д и с с е й

Довольно, не перечь. Я уезжаю.

Ф и л о к т е т

О сын Ахилла! Как? И ты уедешь,
Мне на прощанье слова не сказав?

Одиссей

Идем. Брось на него смотреть, — не то
Испортишь все своим мягкосердечьем.

Филоктет

(хору)

О чужестранцы! Неужель вы тоже
Не сжалитесь, покинете меня?

Хор

Вот юный наш начальник. Наше дело —
Его слова покорно повторять.

Неоптолем

(хору)

1090 Пусть говорит, что я мягкосердечен...
Побудьте тут, раз хочет Филоктет,
Пока на судне не наставят мачту
И не свершим моления богам.
За это время может он решенье
Переменить. Мы с ним идем, а вы —
Услышите наш зов, бегите тоже.

Одиссей и Неоптолем уходят.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Филоктет

СТРОФА 1

Ты, пустынный вертеп в скале,
Где и энной я и стужу знал,
Разлучиться с тобой, увы,
1100 Видно, мне не судьба, — моей
Смерти станешь свидетель.
Горе мне, горе!..

Ты, пещера злосчастная,
Горькой скорбью моей полна.
Чем же завтра я буду жив?
Ах, на что мне надеяться?
Отныне буду следить в выси
В ветре пронзительном птиц полет,
А сбить на лету — не смогу!

Х о р

1110 Сам ты, сам, о злополучный,
Долю себе избрал.
Она не от сильных мира сего.
Если б ты был разумен,
Верно, тогда променять не подумал бы
Лучшую долю на худшую!

Ф и л о к т е т

АНТИСТРОФА 1

1120 О, несчастный, несчастный я!
Изнурен я страданиями.
Погибать одному мне здесь,
Век людского не зреть лица.
Чахнуть вплоть до кончины...
Увы, увы!
Как могучей рукой своей,
Как крылатой стрелой своей
Стану снедь добывать теперь?
Ах, меня провели слова,
В сердце лукавом укрытые...
Так пострадать бы злодею — ему
Мученья мои претерпеть!

Х о р

1130 Боги, боги так судили.
Мы не стали б тебе
Козни чинить, — других проклинай,
Беды на них скликай,
А у меня лишь одно пожелание:
Дружбы моей не отвергни!

Ф и л о к т е т

СТРОФА 2

Ах! Теперь он сидит — злодей —
У белеющих волн морских,
Потрясает мой лук — моей
Горькой жизни кормильца! Кто
1140 К нему прикоснуться
Смел! О милый,
Милый мой лук,
Вырван ты силой
Из рук моих...
Скорбно тебе — если можешь почувствовать!
Нет, отныне не придется
Другу Гераклову
В дело пускать тебя,
Лук мой, по-прежнему.
1150 У тебя хозяин новый —
Ныне лукавец владеет тобой!
Подлые видишь обманы,
Гнусный лик его ненавистный,
Видишь мерзость бесчисленных козней,
Им творимых против меня...
О Зевс!

Х о р

Есть у каждого право
Правду вымолвить вслух.
Но не надо, сказав, язвить,
Желчным словом уста сквернить:
1160 Войском послан Неоптолем,
По приказу он все свершил
Ради блага друзей, а мы
Ему помогали.

Ф и л о к т е т

АНТИСТРОФА 2

Ты, добыча крылатая!
Вы, о звери с огнем в глазах,
В чащах горных бродящие!

1170 Полно прятаться, прочь бежать!
Нет стрел у меня,
Верной защиты
В мощных руках!
Горе, о, горе
Бедному мне!
О, приближайтесь! Отныне бояться
Нечего... Сходись, слетайся!
Сладко вам будет
Вдосталь насытиться
Этой исчахшею,
В пятнах, плотью! Смерть за смерть!
1180 Ибо я скоро с жизнью расстанусь:
Где я прокорм найду?
Воздух пищи не даст мне отныне.
Как же мне быть теперь, обделенному
Всем, что живущим дарует кормилица
Земля?

Х о р

Умоляю богами:
Если гостя ты чтишь,
Подошедшего дружески,
Сам к нему подойди и знай —
1190 Вышло время избыть болезнь.
Тяжко вечную боль питать,
Беспрестанную муку сил
Не станет терпеть!

ЭКСОД

Ф и л о к т е т

Ах, зачем напоминаешь мне про боль мою, о лучший
Из бывавших здесь? Страдальца что ты мучаешь?.. Зачем?..

Х о р

Что сказал ты?

Ф и л о к т е т

Вижу,
Ты намерен
Взять меня в тот
Ненавистный
Край троянский?

Х о р

1200

Согласись: знай,—
Там конец бед.

Ф и л о к т е т

Место мне — здесь,
Вам пора — в путь!

Х о р

По сердцу, по сердцу нам, чужеземец, твое повеление.
Идем же, идем же!
Живо на судно, к своим местам!

Ф и л о к т е т

Зевсом молю, внимающим клятвы,—
Не уезжайте!

Х о р

Полно, сдержись!

Ф и л о к т е т

Други, останьтесь! Ради богов!..

Х о р

1210

Что ты кричишь?

Ф и л о к т е т

Увы! Увы!
О, рок, о, рок!.. Я погиб, пропал...
Нога... нога... Как мне быть с тобой?..
Как, несчастному, жить мне впредь?
Сюда! Ко мне... подойдите вновь...

Хор

Что зовешь? Или новый приказ
Дать надумал? Что же велишь?

Филоктет

Не упрекайте:
С мыслью речь моя не в ладу...
Дикой мукой истерзан я...

Хор

1220 Ну, так плывем,— приглашаем по-дружески.

Филоктет

Нет, ни за что! — в этом будьте уверены.
Нет — если даже огнем своей молнии
Сам Громовержец меня поразит!
Троя да сгинет и все, кто под Троей
Ныне стоит, кто покинул когда-то калеку
несчастливого...
Просьбу одну лишь, молю вас, исполните...

Хор

Просьбу? Какую?

Филоктет

О, дайте, о, дайте мне
Меч, коль найдется, топор или что-нибудь...

Хор

Что же задумал ты, с чем ты торопишься?

Филоктет

1230 Тело на части хочу разрубить...
Смерть... смерть... вот надежда моя...

Хор

Что?..

Филоктет

Пойду искать отца...

Хор

Но в каком краю?

Филоктет

В Аиде.

Знаю, нет его на свете...
Город, город мой родной!
Не видать тебя мне боле,
Горемычному.

1240 Сам я бросил твои священные
Струи!.. Пошел к данайцам в союзники,
К ненавистным!.. и вот... пропал.
(Уходит.)

Хор

Тебя давно пора бы здесь оставить
И возвратиться на корабль,— но вижу:
Ахиллов сын сюда идет, а следом —
Поспешными шагами Одиссей.

Входят Неоптолем с Одиссеем.

Одиссей

Скажи, зачем обратно ты пошел
И почему такая торопливость?

Неоптолем

Спешу исправить сделанное зло.

Одиссей

Речь странная... Какое зло ты сделал?

Неоптолем

Послушался тебя и рати всей.

Одиссей

1250 Но что ж ты недостойного свершил?

Неоптолем

Я человека гнусно обманул.

Одиссей

Кого же?.. Что ты замышляешь вновь?

Неоптолем

О, ничего... но только... сын Пеанта...

Одиссей

Что ты намерен сделать?.. Страшно мне...

Неоптолем

Он дал мне лук... И вот намерен я...

Одиссей

О Зевс! Что говоришь?.. Уж не вернуть ли?..

Неоптолем

Я взял его обманом, не по праву.

Одиссей

О боги, боги!.. Или ты смеешься?

Неоптолем

Да... если правду насмех говорят.

Одиссей

¹²⁶⁰ Что за слова?.. О чем ты, сын Ахилла?

Неоптолем

Иль дважды мне прикажешь повторять?

Одиссей

Нет, предпочел бы я и раз не слышать.

Неоптолем

Так знай же: все ты слышал до конца.

Одиссей

Найдется сила — помешать тебе!

Неоптолем

Что ты сказал? Да кто ж мне помешает?

Одиссей

Вся наша рать, и с нею вместе — я.

Неоптолем

Сам ты умен, а речи не умны.

Одиссей

Твои слова и действия — безумны!

Неоптолем

Но честны,— честность выше, чем расчет.

Одиссей

1270 А разве честно уступать плоды
Моих советов?

Неоптолем

Поступил я дурно
И попытаюсь искупить свой грех.

Одиссей

И не боишься ты ахейской рати?

Неоптолем

За мною правда, и твой страх мне чужд.

Одиссей

Так я смогу тебя заставить силой.

Неоптолем

И силе я твоей не подчинюсь.

Одиссей

Бой будет не с троянцами — с тобой!

Неоптолем

Да будет так.

Одиссей

Мою ты видишь руку
На рукояти?

Неоптолем

1280 На мою гляди:
Она за меч схватиться не замедлит.

Одиссей

Ну, прекратим... Приеду — расскажу
Товарищам — они тебя накажут.
(Уходит.)

Неоптолем

Стал осторожен!.. Будь таким и впредь,—
Тогда, пожалуй, избежишь несчастья.
А ты, о сын Пеанта, Филоктет,
Покинь жилище каменное, выйди!

Филоктет
(за сценой)

Что вновь за крик перед моей пещерой?
Что кличете? Зачем я нужен вам?
(Показывается у входа в пещеру и видит Неоптолема.)
1290 Ох, не к добру... Иль новых, худших бед
Мне принесли вдобавок к прежним бедам?

Неоптолем

Постой, сначала выслушай меня.

Филоктет

Боюсь... Уж раз ты сладкими словами
Меня прельстил — и худо было мне.

Неоптолем

Или нельзя переменить решение?

Филоктет

Ты, замышляя лук похитить мой,
Казался тоже честным, тайный недруг!..

Неоптолем

Сейчас не то. Я только знать желал бы:
Упорствуешь ли все остаться здесь
Иль с нами поплывешь?

Филоктет

1300 Молчи, довольно.
Что б ни сказал ты, будет все напрасно.

Неоптолем

Ты так решил?

Филоктет

Решил, бесповоротно.

Неоптолем

Признаюсь, мне хотелось убедить
Тебя словами. Если ж не умею,
То прекращу.

Филоктет

Напрасны все слова.

1310 Не завоеешь ты расположенья
Души моей. Сперва ты жизнь мою
Украл, потом с советами явился!
Ты, жалкий сын великого отца!
Пропасть вам всем — Атридам первым, сыну
Лаэрта и тебе!

Неоптолем

Сдержи проклятья.
Из рук моих прими свой лук и стрелы.

Филоктет

Что ты сказал?.. Ужели вновь обман?

Неоптолем

Клянусь тебе светлейшей славой Зевса.

Филоктет

О, дивные слова!.. Но как им верить?

Неоптолем

Докажет дело. Протяни же руку —
И вновь владей оружием своим.

Входит Одиссей.

Одиссей

Нет! Запрещаю — именем Атридов
И рати всей — свидетели мне боги!

Филоктет

1320 Чей это голос, сын? Не Одиссея ль
Я слышу?

Одиссей

Да, я здесь перед тобой —
И знай: тебя отправлю в Трою силой,
Желает ли Ахиллов сын иль нет.

Филоктет

(натягивая лук)

Так берегись: метка моя стрела.

Неоптолем

(хватая Филоктета за руку)

Нет, нет! Молю богами, не стреляй!

Филоктет

Пусти, молю богами, милый сын!

Неоптолем

Нет, не пущу...

Филоктет

Зачем мешаешь мне
Пронзить врага стрелою?

Неоптолем

Не добудешь
Ты этим чести ни себе, ни мне.

Одиссей уходит.

Филоктет

1330 Знай лишь одно: водители полков,
Ахейские глашатаи неправды,
Отважны на словах, на деле — трусы!

Неоптолем

Лук — снова твой: не можешь ты теперь
Ни гневаться, ни упрекать меня.

Филоктет

Да, да, — ты показал, какой ты крови:
Ты не Сизифов сын, ты — сын Ахилла,
Который был так славен средь живых
И столь же славен в сонмище умерших.

Неоптолем

1340 Отраднo мне, что моего отца
Ты хвалишь... и меня... Послушай все же,
Чего хочу. Всѣ смертные должны
Претерпевать, что послано богами.
Кто ж сам себе устраивает беды,
Как ты сейчас, того весьма законно
Ни извинять не станут, ни жалеть.
Ты желчен стал, советников не терпишь,
Ты сердисься на дружеские речи,
Как будто пред тобою злостный враг.
Послушай же и нáтвердо запомни,
1350 В свидетели я призываю Зевса:
Твой злой недуг тебе богами послан, —
Приблизиться дерзнул ты к стражу-змую,

Святилище бескровельное Хрисы
Хранящему в укрытье. С этой хворью,
Доколе солнце всходит и заходит,
Не справишься, коль сам, по доброй воле,
Не вступишь на троянскую равнину.
А с нами там — Асклепия сыны.
Они тебя излечат. С этим луком
И с помощью моей ты крепость Трои
1360 Повергнешь в прах. Откуда знаю, — слушай.
Там есть у нас один троянец пленный,
Елен, гадатель дивный, — он сказал,
Что так должно свершиться; и еще:
Что неизбежно Троя этим летом
Падет. Гадатель ставит жизнь в залог,
Что ложным не окажется вещанье.
Теперь ты знаешь все, — так уступи.
Ведь выгода немалая: храбрейшим
1370 Меж эллинами почитаться, добрых
Найти врачей и к высшей прыгнуть славе —
Многострадальной Троей овладеть!

Филоктет

О жизнь, о жизнь! Зачем меня ты держишь,
Постылая? Не дашь сойти в Аид?
Увы! Что делать? Как я слов его
Ослушаюсь? — они так благосклонны!
Что?.. Уступить?.. Но как, злосчастный, людям
Я покажусь? Кто мне хоть слово скажет?
Глаза мои, все зревшие, что было, —
1380 Вы ль стерпите, что заодно я снова
С Атридами, сгубившими меня,
И с окаянным отпрыском Лаэрта?
Меня язвит не прошлое страданье.
Предвижу, сколько новых мук еще
Терпеть от них! Ведь, разрешившись злом,
Душа всю жизнь дела питает злые.
Но я тебе дивлюсь: ты должен был бы
Не возвращаться в Трою и меня
Не допускать. Ты ими оскорблен,
Как сын, ты обещещен, а меж тем

1390 Сам служишь им и вот — меня неволишь.
Не надо, друг... Меня свезти ты клялся
На родину... Плыви и сам на Скирос...
А злые да погибнут злою смертью!
Признательность заслужишь ты вдвойне:
И от меня и от отца, — злодеем
Ты прослывешь, злодеям помогая.

Неоптолем

Ты прав, — и все ж хочу, чтобы, доверясь
Богам и мне, со мной, как с верным другом,
Решился ты отплыть от здешних мест.

Филоктет

1400 Как? В Трою, к ненавистнейшему сыну
Атрееву? С моей больной ногой?

Неоптолем

К тем, кто твоей гноящейся стопы
Боль исцелит и твой недуг излечит.

Филоктет

Совет ужасный... Что ты говоришь?

Неоптолем

Обоим нам сулит он только благо.

Филоктет

Так говоря, богов ты не стыдишься?

Неоптолем

Нет, не стыжусь — друзьям хочу добра.

Филоктет

Кому добра — Атридам или мне?

Неоптолем

Я друг тебе, ты слышишь слово дружбы.

Филоктет

1410 А сам готов предать меня врагам?

Неоптолем

О друг, не будь в несчастьи заносчив.

Филоктет

Предашь меня,— тебя насквозь я вижу.

Неоптолем

О нет... Меня не хочешь ты понять.

Филоктет

Одно я знаю: ими был я брошен.

Неоптолем

Тебя теперь они же и спасут.

Филоктет

Нет, никогда!.. Я не поеду в Трою.

Неоптолем

Ну что же делать, если я не в силах
Тебя склонить мой выполнить совет...
Могу я замолчать. А ты — живи,
1420 Как прежде жил, не чая избавленья.

Филоктет

Пусть претерплю, что претерпеть мне должно.
Но ты клялся, дав правую мне руку,
Меня домой доставить,— так исполни
Свои слова, мой сын, и бросим речь
О Трое — с ней наплакался я вдоволь.

Неоптолем

Что ж — изволь! Плыvem!

Филоктет

О радость! Благородные слова!

Неоптолем

Так вперед! И твердым шагом!

Филоктет

Я иду по мере сил.

Неоптолем

Да,— но как ахейцев гнева я избегну?

Филоктет

Не тужи.

Неоптолем

Вдруг они родной мой Скирос разорят?

Филоктет

Но я — с тобой!

Неоптолем

1430 Чем же ты помочь мне можешь?

Филоктет

Лук Геракла натяну...

Неоптолем

Ты сказал...

Филоктет

Врагов отважу!

Неоптолем

Поклонись земле — и в путь!

Появляется Геракл.

Геракл

Путь тебе не положен, доколе моим

Не внял ты словам, о Пеантов сын!

Знай: ты подлинно слышишь Гераклов глас

И воочию видишь Гераклов лик.

Из небесной обители ради тебя

Я сошел — возвестить

Зевса вышнего волю, дороге твоей

Воспрепятствовать: путь ты неверный избрал.

1440 Внимай же словам моим ныне:

Скажу сперва о собственной судьбе.

О, сколько вынес я трудов, доколе
Бессмертья не обрел, как ныне зришь.
Знай: так же суждено страдать тебе,
И ты достигнешь подвигами славы.
Излечишь там жестокий свой недуг
И, признанный первейшим в ополчение,
Париса, зачинателя всех зол,
1450 Моими стрелами убьешь. И Трою
Разрушишь ты и в свой дворец отправишь
Отцу Пеанту, к луговинам Эты,
Добычу, дар признательного войска.
А прочее, что ты возьмешь с врагов,
Снеси туда, где мой пылал костер,—
Во славу стрел моих. Теперь внимай,
Ахиллов сын. Ты без него не можешь
Взять Трою, он не может — без тебя.
Как два совместно вскормленные льва,
1460 Друг друга берегите. Я же в Трою
Асклепия пошлю — излечит он
Твою болезнь. Вновь Илион падет
От стрел моих. Так суждено. Но там,
Край разорив, богов почитите вышних!
Все остальное ниже ставит Зевс,
Родитель мой. А благочестье вечно
Сопровождает смертных и по смерти.

Филоктет

Ты, чей голос желанный мне снова звучит,
Наконец ты явился!
Вновь я вижу тебя!
1470 Через долгие годы! Твоим я словам
Не могу не покорствовать, внемля тебе.

Неоптолем

К твоему примыкаю решению и я.

Геракл

Не медлите ж доле. За дело, пора!
Побуждает нас время
И ветер попутный, подувший с кормы.

Филоктет

В путь!.. Но дайте проститься мне с этой землей.
Прости, мой приют одинокий! И вы
Простите, о нимфы ручьев и лугов,
И могучий, о скалы гремящий прибор!
1480 Здесь, бывало, в глубоком укрытье моем,
Южный ветер, ты голову мне увлажнял.
Здесь я слышал вдали, как Гермеса гора
Откликается эхом на крики мои,
На унылые стоны страдальца... Прости,
О источник Ликея, священный родник!
Покидаю я вас, покидаю навек,—
А не чаял уж с вами расстаться! Прощай,
Лемнос мой, опоясанный морем! О, дай
1490 Мне на радость до цели желанной доплыть,—
Указует мне путь всемогущая Мойра,
Слово близких и бог, укрощающий все,
Всех случившихся дел совершитель.

Хор

Так идемте все вместе, друзья! Но сперва,
Отъезжая, помолимся нимфам морским
О счастливом прибытии нашем.

ΕΛΕΚΤΡΑ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Наставник (Талфибий).

Орест.

Электра.

Хор микенских девушек.

Хрисофемида.

Клитемнестра.

Эгисф.

Без речей:

Пилад.

ПРОЛОГ

Н а с т а в н и к

Сын Агамемнона, полки под Трою
Водившего когда-то! Наконец
Ты видишь то, чего столь долго жаждал:
Желанный древний Аргос, край священный,
Где овод жалил деву, дочь Инаха.
А вот, Орест, и Волчий рынок, богу-
Волкоубийце посвященный. Слева —
Храм Геры знаменитый. Нет сомненья,
То золотом обильные Микены
10 И Пелопидов дом многострадальный,
Откуда в день, когда отец твой пал,
Тебя из рук сестры твоей я принял,
Увел, и этим спас, и возрастил
До зрелых лет — да отомстишь убийцам!
Теперь, Орест, и ты, наш лучший друг,
Пилад, решим немедля, что нам делать.
Кругом уж солнца лучезарный свет
Птиц утренние песни пробуждает
20 И звездной ночи благодная тень
Расходится. Никто еще из дома
Не выходил... Советуйтесь. Не время
Раздумывать: час действовать настал.

О р е с т

О мой слуга любимый! Как примерно
Ты верность дому нашему хранишь!

Конь крови благородной, хоть и стар,
В опасности не упадет духом,
Но прядает ушами. Так и ты
Нас ныне побуждаешь — первый в строе.
Тебе свои намеренья открою.

30 Со всем вниманьем выслушай меня,
И, если заблуждаюсь, то поправь.
Я посетил святилище Пифона,
Узнать стремясь, как должен я отмстить
За смерть отца, как отплатить убийцам,—
И вот пресветлый мне ответил Феб,
Что хитростью, без войска, без оружия,
Мечь праведную сам свершить я должен.
Поскольку мне такое было слово,
Ты выбери минуту и войди

40 К ним в дом; все разузнай, что там творится,
И нам поведай. Не узнают гостя:
Ты постарел и не был здесь давно...
Совсем седой... Тебя не заподозрят.
Речь поведи, что ты, мол, чужестранец,
Фокеец, мол; что послан Фанотеем,—
А он союзник самый мощный их.
Потом скажи, скрепив известье клятвой,
Что волею судьбы погиб Орест,
Что на пифийских играх с колесницы

50 Упал он и разбился. Так скажи.
А мы, как бог велел, сперва почтим
Отцовскую могилу возлияньем
И прядями волос своих. Потом
Вернемся вновь с той бронзовой урной,
Которую — ты знаешь — скрыли в чаше,
И принесем, воспользовавшись ложью,
Им радостную весть, что плоть моя
Сгорела на огне и пеплом стала.
Пускай живой я мертвым назовусь.

60 Смущаться ли, когда уж близко слава.
Полезна речь — так, значит, хороша.
Встречал людей я мудрых, объявлявших
Себя умершими,— потом домой
Они лишь с вящей честью возвращались.

Надеюсь, что вослед за этой вестью
Явлюсь врагам сияющей звездой!
Ты, родина! Вы, боги здешних мест!
О, дайте путь мне счастливо окончить.
70 Вы, родовые сени! Вас очистить
Пришел я ныне, по внушенью бога.
Меня не прогоняйте прочь, дозвоьте
Вступить в права и вновь свой дом воздвигнуть!
Я все сказал. А ты теперь, старик,
Ступай, свою обязанность исполни.
Мы с ним уйдем. Благоприятный случай —
Распорядитель первый дел людских.

Э л е к т р а
(за сценой)

О, горе мне, злосчастной!

Н а с т а в н и к

Мне чудится,— послушай,— там, за дверью,
Наверное, служанка стонет, сын...

О р е с т

80 Ужели то несчастная Электра?
Не стать ли здесь? — прислушаться бы нам...

Н а с т а в н и к

Никак нельзя: помимо Аполлона
Предпринимать не должно ничего.
Начнем же с возлияний в честь отца —
Они дадут нам силы и победу.

Э л е к т р а
(за сценой)

90 Солнца свет непорочный!
Ты, о землю объемяющий воздух!
Вы ль не слышали, как я стенаю?
Вы ль не слышали, как я горюю,
Как я в грудь себя до крови бью,
Только черная ночь удалится!
Жалкое ложе в жилище беды

Знает одно, как в бессоннице долгой
Я о несчастном рыдаю отце!
Арей, бог кровавый, не принял
Жизни его на далекой чужбине,—
Мать с Эгисфом, с любовником, вместе
Темя секирой ему разрубили,
Как дровосеки рубят дубы.
100 Слез о тебе, о родимый, не слышно.
Я лишь одна о твоей убиваюсь
Жалкой, постыдной смерти!
Нет, никогда, никогда
Не перестану стенать неутешно,
Плакать, доколь буду видеть мерцанье
Всезрящих светил и сияющий день!
Соловьем, потерявшим птенцов,
Буду петь свои пени, открыто
110 Буду горько стенать у отцовских дверей.
О, жилище Аида, приют Персефоны!
О, подземный Гермес и могучая Кара!
Честные Эринии, дочери богов!
Вы незаконные зрите кончины,
Зрите обманом сквернимые ложа,—
Явитесь! На помощь! Отмстите за гибель
Отца моего!
Приведите любимого брата ко мне!
Мне уже не по силам нести за плечом,
Одинокой, суму моей скорби!

ПАРОД

Х о р

СТРОФА 1

120 О злосчастной матери дочь,
Друг Электра! Долго ль еще
Будешь слезы ты лить,—
Что богоотступная
Мать заманила в ловушку коварную,

Гнусно на смерть обрекла Агамемнона?
Смерть, смерть виновным! — если позволительно
Изречь подобную мольбу!

Электра

Ах, благородные сердцем
Девушки! Скорбь вы мою утешаете...
130 Вижу и чувствую, — верьте, приметно мне
Ваше участие... Но нет, я по-прежнему
Стану стенать о несчастно погубленном
Отце... О, пусть
Дружеской нежностью связаны мы во всем,
Оставьте, дайте мне
Скорбеть, молю!..

Хор

АНТИСТРОФА I

Но никто отца твоего
Не вернет из гавани той,
Из приюта всеобщего,
140 Ни мольбою, ни стонами.
Ты же своим безысходным страданием
Губишь себя, надрываясь без устали...
Но в столах избавленья не найти от бед!
Зачем сама ты ищешь муки?

Электра

Скуден умом, кто постыдно
Об отошедших забудет родителей!
Нет, мое сердце пленяет поющая
Горько об Итисе, — вечно об Итисе! —
150 Птица пугливая, Зевсова вестница.
О Ниобея!
Мать злополучная! Боготворю тебя,
Всечасно льющую слезы
В скале-могиле.

Хор
СТРОФА 2

Не ты одна из смертных,
Дитя, познала скорбь.
Но превзошла ты в горе всех домашних,
Родных своих
Единокровных:
160 Хрисофемида живет же и Ифианасса,— и тот,
Чья молодость омрачена печалью.
О, счастье!.. Микены пресветлые
Скоро встретят его,
Как царского сына, когда, благосклонностью
Ведомый Зевса, он — Орест — вернется!

Электра

Нет, не устану я ждать его... Безбрачна,
Бездетна, дни провожу в тоске.
Все обливаюсь слезами... Исхода
Нет мне из бедствий... Дела и слова мои
170 Он позабыл на чужбине... О, мало ли
К нам доходило вестей неоправданных?
Он жаждет и день и ночь
Быть здесь... и нет его... нейдет.

Хор
АНТИСТРОФА 2

Крепись, о дочь, крепись!
Великий видит Зевс
Все с высоты, Зевс надо всем владыка.
Доверь ему желчь
Души болящей.
Не забывай о врагах, но умерь свою ненависть,
180 Все сглаживает время, резвый бог.
Придут, не оставят нас
Сын Агамемнона, в Крисе
Ныне живущий, где скотные пастбища,
И бог, владычащий над Ахеронтом.
помни:

Электра

Но жизни безнадежной доля бóльшая
Уже промчалась — и слабеют силы.
Я изнываю одна, без родителей,
Милый супруг за меня не заступится;
Словно чужачка, рабыня презренная,
Лишь услужаю в хоромах отеческих,
Убого одетая,
190 Брожу вокруг пустых столов!

Хор

СТРОФА 3

Скорбный голос прозвучал
И при встрече и на пире
В час, когда секиры медной
Поразил его удар.
Подсказало коварство, убила любовь.
Ужасное дело четой совершили,—
Кто бы ни был зачинщиком ужаса — бог
Или смертный.

Электра

О, день, всех ненавистней дней
200 В моей несчастной жизни!
О, ночь, о, несказанный пир!
О, тягость скорби!
Горе! Постигла отца
Недостойная гибель от сдвоенных рук...
Отняли в миг тот и жизнь мою...
Предали... обрекли на муку...
Ты, олимпийский великий бог,
Злым страданием им воздай!
210 Что за деянье свершили! — так пусть же
Век им радостей не знать!

Хор

АНТИСТРОФА 3

Воздержись от лишних слов.
Рассуди, что недостойно

Погружаешься в печали.
Им причиной — ты сама.
Ты немало прибавила бед к беде,
Ты опять и опять поднимаешь войну
В унылой душе... Бесполезно вступать
В спор с сильнейшим.

Электра

220 Ах! Ужас, ужас вынудил... Знаю
Свой пыл мятежный... Нет, скорбеть
Средь ужасов не перестану,
Стенать в тоске
Буду, доколь жива.

От кого, кто в сужденьях разумен, скажите,
Милые сестры, могла б я услышать
Мудрое слово себе в облегченье?

230 Полно, полно меня утешать.
Скорби моей не будет конца,
Не перестану я сетовать в горести,
В неистощимых слезах.

Хор

эпод

Говорю, добра желая,
Как заботливая мать:
Полно горем множить горе!

Электра

240 Есть ли отчаянью мера?.. Скажите,
Праведно разве не помнить умерших?
Неблагодетель кто станет оправдывать?
Мне от таких уваженья не надо...
Пусть я, счастьем владея, его не вкушу,
Если, крылья связав громких воплей своих,
Не ублажу отца!

Горе! Простерт он, нем,
Прахом стал, ничем,
А убийц его не постигла месть!
Значит, не стало на свете стыда

И благодетелья
Нет более в сердцах у смертных!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Хор

И о себе и о тебе заботясь,
Я вышла, дочь. Но коль совет мой плох,
Мы за тобой идти готовы следом.

Электра

250 Самой, подруги, стыдно мне: чрезмерно
Я предаюсь слезам. Не обессудьте,—
Я поневоле плачу. Кто из женщин,
Рожденных благородно, удержался б
От слез, такое в доме видя зло?
Оно же, с каждым днем и каждой ночью,
Не убывая, все пышней цветет.
Во-первых, мать, моя родная мать
Врагом мне лютым стала. Во-вторых,
260 С убийцами отца, в своем же доме,
Я жить принуждена, от них завишу,
Они и дать и отказать мне властны.
О, что за дни я провожу, подумай,
Воочью видя, как Эгисф на троне
Родимого сидит, в его одежды
Наряженный,— свершает возлиянья
У очага, где сам его убил!
И наконец — последнее бесчестье:
Лежит убийца нашего отца
270 В постели с нашей матерью злосчастной,—
Коль матерью еще возможно звать
Ее... с ним разделяющую ложе!
Какая наглость: жить с убийцей мужа
Как с мужем!.. Ей не страшен гнев Эриний.
Нет, словно похваляясь черным делом,
В тот самый день, когда родитель мой
Пал, умерщвленный по ее коварству,
В честь мертвого устраивает пляски,
Спасителям-богам приносит в жертву
280 Овец,— а я, я вижу все и, прячась,
Рыдаю, убиваюсь и кляню

Злосчастный «агамемноновский» праздник!
Ведь мне и плакать вволю не дают...
Потом она, с достоинством обычным,
Несчастную, меня же попрекает:
«Ты, нечестивица, богов забыла!
Одна ль из смертных ты отца лишилась?
Одна ль горюешь?.. Пропадай же!.. Боги
Подземные да не прервут твой стон!»
290 Вот как хулит... Но только слух дойдет,
Что близок брат Орест, летит ко мне
И в ярости кричит: «Ты виновата
Во всем! Не ты ль из рук моих когда-то
Похитила и увела Ореста?
Но знай: дождешься справедливой мзды!»
Так лается. Меж тем супруг светлейший,
С ней стоя рядом, вторит ей в подмогу,—
Он, весь разврат, весь подлость, он, который
Ведет сраженья женскою рукой!
300 А я томлюсь тоской, все жду Ореста —
Когда ж придет наш истребить позор?!
Но нет его... Минувшие надежды
Погибли, нет и в будущем надежд.
Тут, милые, по праву можно стать
Несдержанной и неблагочестивой.
Да, злая жизнь толкает нас на зло.

Х о р

Ведем мы разговоры... а Эгисфа
Здесь нет, скажи? Он вышел из дворца?

Э л е к т р а

Конечно. Будь он здесь, я за порог
Не перешла бы. За городом он.

Х о р

310 О, если так, готова я смелее
С тобою разговаривать, сестра.

Э л е к т р а

Его здесь нет,— все спрашивай, что хочешь.

Хор

Что нового о брате знаешь? Скоро ль
Прибудет он иль нет? Я знать хочу.

Электра

Он обещал, но вот не держит слова.

Хор

Большое дело делают — подумав.

Электра

Его спасала я без всяких дум...

Хор

Терпи: он добр, он близких не покинет.

Электра

О, верю! — жить иначе не могла бы...

Хор

320 Ни слова боле: из дворца — я вижу —
Хрисофемиды к нам идет, родная
Сестра твоя. Несет в руках дары,
Которыми Подземных почитают.

Хрисофемиды

Какие речи вновь ведешь, сестра?
О чем шумишь, зачем под портик вышла?
У долгих лет не хочешь научиться
Напрасному не предаваться гневу?
Я и сама страдаю, сознаю,
330 Как тяжело все, и, если б стало силы,
Я показала б им свою... любовь!
Но в бурю лучше плыть спустивши парус.
Зачем пытаться наносить удар,
Когда нет сил? Живи и ты, как я...
Однако я могу лишь дать совет,
А выбор — за тобой... Чтоб быть свободной,
Покорствую, сестра, имущим власть.

Электра

Позор! Такого позабыв отца,
Ты матери преступной угождаешь!
Ведь все твои увещеванья — ею
340 Подсказаны, советы — не твои.
Одно из двух: иль осторожность брось,
Иль прежней оставайся, но о близких
Забудь. Сказала ты, что, будь ты в силах,
Им показала б ненависть свою, —
Когда ж я за отца отмстить пытаюсь,
Не помощью — помехой мне встаешь.
Предательство прибавить хочешь к бедам?
Ты мне скажи... нет, я сама скажу:
Что выиграю я, оставив вопли?
350 Ведь я... живу? — пусть дурно, но с меня
Достаточно: я жизнь им отравляю —
И этим чту отца, — коль есть отрада
Там, в царстве тьмы... А ненависть твоя —
Лишь на словах. С убийцами отца
Ты заодно... Когда бы обещали
Мне все дары, столь лестные тебе,
Я все ж не покорилась бы... Да будет
Твой пышен стол и жизнь твоя роскошна, —
А мне одна лишь пища: дух свободный.
360 Я не желаю почестей твоих,
И ты не пожелала б, поразмыслив.
Нет, не отца всех лучшего ты дочь, —
А матери! Все низкой назовут
Предавшую родителя и близких.

Хор

Не надо гнева, ради всех богов!
Взаимно были вам слова на пользу,
Когда б могли друг другу вы внимать.

Хрисофемида

Ах, девушки, успела я привыкнуть
К ее речам и слова б не сказала,
370 Когда б не слух, что страшное несчастье
Грозит прервать ее всечасный плач.

Электра

Какое ж горе мне грозит? О, если
Оно тяжеле прежних, я молчу...

Хрисофемида

Открою все, что привелось узнать.
Они хотят за то, что вечно стонешь,
Тебя схватить и заточить в темницу;
Останется тебе под сводом склепа
Своей несчастной доле гимны петь.
380 Подумай же, чтоб после, пострадав,
Не попрекать меня... Возьмись за ум.

Электра

Так поступить хотят они со мной?

Хрисофемида

Да — лишь Эгисф в Микены возвратится.

Электра

Так пусть же возвращается скорей!

Хрисофемида

Несчастливая! О чем сама ты просишь?

Электра

Пусть приезжает, если решено.

Хрисофемида

Иль хочешь пострадать?.. Где твой рассудок?

Электра

Хочу бежать от вас как можно дальше.

Хрисофемида

Иль жизнью ты своей пренебрегаешь?

Электра

Да... жизнь моя на диво хороша!

Хрисофемида

390 Была бы хороша, будь ты разумна.

Электра

Не обучай меня измене близким.

Хрисофемида

Учу тебя сильнейшим уступать.

Электра

Ну что же — лести... Я действую иначе.

Хрисофемида

А лучше все ж не гибнуть безрассудно.

Электра

Погибну, если надо, за отца.

Хрисофемида

Но сам отец, я знаю, нас простит.

Электра

Тебя одобрят лишь дурные люди.

Хрисофемида

Упорствуешь? Со мной ты не согласна?

Электра

Нет, не настолько я сошла с ума.

Хрисофемида

400 Так я пойду, куда меня послали.

Электра

Куда?.. Кому несешь ты эту жертву?

Хрисофемида

Мать возлиянья шлет на холм отца.

Электра

Как?... Больше всех он был ей ненавистен...

Хрисофемида

И ею был убит,— сказать ты хочешь...

Электра

Кто ж из друзей внушил ей эту мысль?

Хрисофемида

Ей, кажется, приснился страшный сон.

Электра

О боги предков! Ныне будьте с нами!

Хрисофемида

Тебя приободряет страх ее?

Электра

Скажи, каков был сон, тогда отвечу.

Хрисофемида

410 Не знаю, рассказать могу не много.

Электра

Все ж говори: не раз от двух-трех слов
И падали и возносились люди.

Хрисофемида

Ей снилось, говорят, что снова с нею
Родитель наш, вернувшийся обратно
На этот свет... И будто взял он скипетр,
Который прежде сам держал,— но держит
Теперь Эгисф,— и водрузил его
На очаге — и жезл процвел, и отпрыск
Покрыв ветвями весь микенский край.
420 Так передали мне: она при людях
Рассказывала сон свой богу Солнцу.

Вот все, что знаю... да еще что с жертвой
Меня послала в страхе... Умоляю
Богами рода, слушайся меня,
Не погуби себя своим безумьем:
Сама в беде меня ты призовешь.

Электра

Нет, милый друг, не вздумай возложить
Дары на холм: нести богопротивно
Отцу от ненавидящей вдовы
430 Заупокойный дар и возлиянья.
Нет, по ветру пусти их иль поглубже
Зарой, чтоб им не прикасаться к месту
Его упокоенья. Пусть сама,
Когда умрет, клад обретет сохранным.
Не будь она преступнейшей из женщин,
Не вздумала б возлить вино и мед
Убитому ее рукой супругу!
О, посуди,— как принял бы он почесть
440 От той злосчастной, что его сразила
И, тело изувечив как врагу,
Отерла кровь о голову его,
Чтобы себя омыть. И веришь ты,
Что ей помогут жертвы очищенья?
О нет! Оставь! Ты, от кудрей своих
Отрезав прядь, родителю снеси...
И от меня, от злополучной, тоже —
Ничтожный дар, нет лучшего, увы! —
Клок трепаных волос и пояс бедный...
450 Колена преклони, моли, чтоб встал он
Из-под земли и одолеть врагов
Помог нам благосклонно, чтоб Орест
Был жив и, мощный, их попрал ногами
И мы смогли бы щедрою рукой
Могильный холм отца пышной украсить!
О, верю, верю: неспроста из гроба
Он ей послал зловещий этот сон.
О, помоги, сестра, о, послужи
Себе, и мне, и нашему отцу
Любимейшему, чей приют в Аиде.

Х о р

460 Благочестива речь ее, и если
Разумна ты, все, милая, исполнишь.

Х р и с о ф е м и д а

Исполню. Если ясен долг, для спора
Уж места нет,— и надо торопиться.
Но, милые, молчите — заклинаю —
О том, что я решаюсь предпринять:
Ведь если мать проведает, тогда
Придется мне жестоко поплатиться.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

СТРОФА

470 Если отроду я
Не безрассудна
И провидчива мысль моя,—
Вижу я, что Правда
Грядет, неся с собой возмездье правое.
Дитя мое!
Грянет кара,
Близок срок!
Душой воспряла я, едва вняла рассказу
Про сулящий радость сон.
Помнят, помнят злое дело
480 И отец твой, царь в Элладе,
И старинный двухсторонний
Меднокованный топор,
С коварством беспощадным
Его сразивший!

АНТИСТРОФА

В засаде грозно таясь,—
Медяноstopна,
Многонога и многорука —
Близится Эриния!

490 Те двое непотребной страстью ввергнуты
В запретный брак,
Преступленьем
Оскверненный.

И ныне верю я, что горем неизбежным
Вещий сон грозит злодеям
И пособникам злодейства.
Или смертным не дано
В снах, в божественных вещаньях
Глас пророческий постигнуть,—
Иль сон ее полуночный
Исполнится!

эпод

500 О древняя пагуба,
Ристанье Пелопово!
О, сколь омрачило ты
Этот край,
С тех пор как в волнах морских,
Под корень подрубленный,
С золотой колесницы той
В бесчестии сверженный,
Навеки почил Миртил,—
510 Сколько лет
Своих многотрудных бед
Не может избыть дом Пелопа!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Клитемнестра

Ты вновь, я вижу, бродишь на свободе!
Эгисфа нет,— он не дал бы тебе
Из дома выходить, бесчестить близких.
А без него ты ни во что не ставишь
Родную мать. Ты рада всем твердить,
Что я резка, что я несправедлива,

Тебя, мол, оскорбляю и твоих.
Я ж вовсе не резка,— на речи злые
520 Невольно отвечаю речью злой.
А у тебя одно на языке:
Что мной убит отец твой. Это верно,
Убит, не отрицаю. Но убила
Не только я: его убила Правда.
Будь ты умна, ты пособила б ей.
А твой отец, о ком ты вечно плачешь,
Из эллинов один нашелся: дочь,
Сестру твою, богам принес он в жертву!
Отцу-то что? — а мать родит в мученьях...
530 Пусть так... Но объясни: кого же ради
Он заколол ее? Аргивян, скажешь?
Они не вправе дочь мою убить.
Или в угоду брату Менелая?..
И как убийца мог не ждать возмездья?
Иль не было детей у Менелая?
Им больше подоabila б смерть: виновны
В морском походе их отец и мать!
Иль сладостней Анду пожирать
540 Моих детей, а не ее? Иль нежность
К моим исчезла в изверге-отце
И возлюбил детей он Менелая?
Ужели то не черствость, не порок?
Так думаю,— пусть ты иного мненья.
Она — покойница — сказала б то же,
Когда б могла... Себя я не виню.
А коль сужу, по-твоему, неверно,
Себя проверь — и близких не кори.

Электра

Ты не докажешь мне, что твой ответ
550 Моей сегодня вызван злобной речью.
Но если позволяешь, я всю правду
И об отце скажу и о сестре.

Клитемнестра

Прошу. Когда б всегда ты начинала
Так, как сейчас, нетрудно было б слушать.

Итак... Ты говоришь — отца убила.
 По праву, нет ли... — но бывало ль в мире
 Гнусней признанье?... Слушай же меня.
 Не справедливость правила тобою,
 А негодяй, с которым ты живешь!
 Охотницу спроси ты Артемиду,
 560 За что в Авлиде ветер задержала?
 Сама скажу... грех вопрошать ее.
 Охотился отец в лесу богини.
 Вот шумными шагами поднял он
 Рогатого чубарого оленя,
 Убил и похваляться стал, — и что-то
 С уст сорвалось... И в гневе дочь Латоны
 Ахейцев задержала, чтоб отец
 Ей в жертву дочь принес взамен, за зверя.
 Вот отчего погибла: не открылся б
 570 Иначе путь ни к дому, ни под Трою.
 Отец боролся долго... Против воли
 Ее убил — не ради Менелая!
 Но будь по-твоему: пусть он совершил
 Все ради брата... Но твоей рукой
 Зачем убит он?.. По какому праву?
 По этому же праву ты себе
 Не уготовь раскаянья и бед!
 Коль проливать начнем мы кровь за кровь,
 Ты первая умрешь — и по заслугам.
 580 Нет, лживый ты придумала предлог.
 Благоволи ответить мне, зачем
 Творишь дела, которых нет постыдней?
 С убийцей спишь, с кем моего отца
 Сразила ты, детей с ним приживаешь,
 А нас, рожденных раньше, в браке честном,
 Детей своих же, честных, ты отвергла?
 Как не винить тебя? Быть может, скажешь:
 И это все — возмездие за дочь?
 Позор не меньше! Стать женой врага
 590 И ради дочери — постыдно. Впрочем,
 Не надо б мне увещевать тебя:

Ведь ты твердишь всегда, что укоряю
Родную мать... Но я в тебе не мать,
А грозную властительницу вижу,
Сама живя в беде, постылой жизнью,
Которой ты причина и твой друг!
А сын, едва избегший ранней смерти,
Орест несчастный, дни влачит в изгнание.
600 Меня винишь ты часто, что лелею
В нем мстителя... О да, не сомневайся:
Я отомстила б, если бы могла!
Зови меня, коль хочешь, перед всеми
Злонравной, дерзкой на язык, бесстыжей:
Раз эти свойства отроду во мне,
Родительницы, значит, я достойна.

Х о р

Смотри: она от гнева задохнется! —
Не думает уже, права иль нет.

К л и т е м н е с т р а

610 Как я могу к ней проявлять заботу,
Когда она так оскорбляет мать?
Ведь не дитя!..
(К хору.)
Как думаешь — пожалуй,
Бесстыдная на все решиться может?

Э л е к т р а

Хоть ты мне и не веришь, знай: мне стыдно
Сейчас самой. Конечно, поведением
Я против лет и званья погрешила.
Но ненависть твоя, твои поступки —
Вот что меня толкнуло: их вини.
Дурной пример всегда дурному учит.

К л и т е м н е с т р а

Тварь наглая! Словами и делами
И впрямь я развязала твой язык!

Электра

620 Как поступаешь, так и говоришь —
Твои слова в согласии с делами.

Клитемнестра

За дерзость — Артемидою клянусь! —
Поплатишься, когда Эгисф вернется!

Электра

Вновь из себя выходишь?.. Разрешив
Мне вольно говорить, не хочешь слушать...

Клитемнестра

Я разрешила, да... Но этим криком
Ты жертву мне мешаешь принести!

Электра

О нет! Прошу, настаиваю, — жертвуй!
На голос мой не жалуйся, — молчу.

Клитемнестра

630 Подай плоды, служанка, — я решила
С мольбой к владыке Фебу обратиться,
Чтоб отогнать меня объяввший страх.
Феб-Покровитель! О, услышь мою
Речь тайную, — тут не друзья со мною:
Всего не должно выставлять на свет,
Когда она здесь рядом, чтобы в злобе
По городу болтливым языком
Потом не разнесла молвы напрасной.
Я тихо буду говорить, — внемли!
640 Тот вещий сон, что мне сегодня ночью
Приснился дважды, — если он к добру, —
Да сбудется! Но если, царь Ликейский,
Он зло сулит, пусть для врагов свершится.
Не допусти, чтоб кто-нибудь коварно
Меня лишить державства захотел.
Впредь дай мне жить, как ныне, без урона,
Владеть дворцом и скипетром Атридов,
Вкушая счастья дни среди всегдашних

650 Друзей моих и с теми из детей,
Чья неприязнь меня не оскорбляет.
Будь, Аполлон Ликейский, благосклонен
К моей мольбе, ко всем, тебя просящим!
Ты — бог, и сам, я думаю, ты знаешь
Все остальное... то, о чем молчу.
Всё в мире зрят рожденные от Зевса.

Входит наставник.

Н а с т а в н и к

Вы, жены, вижу, здешние: скажите,
Не это ли дворец царя Эгисфа?

Х о р

Да, чужестранец, — это он и есть.

Н а с т а в н и к

660 А это, как могу предположить,
Его супруга? Видно, что царица!

Х о р

Не иначе — царица пред тобой.

Н а с т а в н и к

Привет, царица! Я тебе с супругом
От друга весть приятную несу.

К л и т е м н е с т р а

Я рада слышать, — но сперва хочу
Осведомиться, кем сюда ты послан?

Н а с т а в н и к

Фокейцем Фанотеем, с важным делом.

К л и т е м н е с т р а

С каким же, гость? О, говори! От друга
Лишь дружеских я ожидаю слов.

Н а с т а в н и к

Короче говоря — Орест скончался.

Электра

670 О, горе мне! Теперь погибла я...

Клитемнестра

Что, что сказал ты, гость?.. Ее не слушай...

Наставник

Я повторю: Ореста нет в живых.

Электра

Пропала я, несчастная... Конец...

Клитемнестра

Ты здесь при чем?.. А ты, о чужестранец,
Всю правду мне скажи: как он погиб?

Наставник

Я для того и прислан, все скажу.

Прибыв на место знаменитых игрищ
Всеэллинских — дельфийских состязаний —

680 И услышав глашатая призыв,
Он встал в ряду для первого забега —

Он весь сиял, все восхищались им —

И, бег закончив у исходной точки,

Почетную награду получил...

Но буду краток: в жизни я не видел

Ни подвигов таких, ни торжества.

Да, знай: во всех судьей провозглашенных

Соревнованьях первым был Орест.

Едва глашатай выкрикал: «Аргивец

690 Орест, сын Агамемнона, который
Собрал Элады доблестную рать!» —

Все повторяли радостно: «Счастливец!»

Так дело шло... Но если бог начнет

Преследовать, и сильный не спасется...

Наутро прибыл он с восходом солнца

На колесничные бега, — немало

Еще возниц в тот день соревновалось:

Ахеец и спартанец, два ливийца,

Искусники однояремной править

700 Четверкою; с упряжкой фессалийских
Кобыл, Орест был пятым; на буланых
Шестым шел этолиец, и магнет —
Седьмым; восьмым — эниец шел на белых;
Девятый прибыл из Афин, богами
Воздвигнутых; в десятой колеснице
Был беотиец родом. Колесницы
Построили по жребию, труба
Знак подала — и ринулись вперед!
Вот, на коней загилав, как один,
Взметнули вожжи. Грохотом колес
710 Наполнилось ристалище. Взвилась
Пыль. Мчались ровно, скопом, не жалели
Стрекал. Стремился каждый обогнать
Соседнего возницу и храпящих
Его коней — на спины и колеса
Летели клочья пены с конских морд.
Орест едва ступицей не задел
О крайний столб. Он, правой пристяжной
Дав волю, левой сдерживал стремленье.
В порядке колесницы шли. Но вот
720 Энийца туго ввнузданные кони
Вдруг понесли — и в сторону... Когда же
На круг седьмой уже переходили,
Вдруг сшиблись с колесницею баркейца
Враз две беды! Разбились в прах и грудой
Свалились друг на друга, — поле Крисы
Обломками покрылось колесниц.
Увидев это, ловкий афинянин
Взял вбок и придержал, проход давая
Смешавшемуся конскому потоку.
730 Орест последним шел, своих коней
Не припускал, в конце нагнать надеясь.
Но, увидав, что лишь один остался
Соперник, он ретивых зычным криком
Погнал вперед. Помчались, дышло в дышло,
И то одна четверка, то другая
Опережала на голову. Так
Благополучно все круги злосчастный
Прошел, — и сам и кузов были целы.

Но он ослабил левую вожжу
740 И не заметил, как на повороте
Задел за крайний столб. И вмиг ступица
Вся вдребезги! И соскользнул Орест
И пал на землю, путаясь в ремнях.
Упал, а кони по полю помчались.
Народ же, увидав, как с колесницы
Низвергся он, завыл: свершив так много
Отважных дел, такую муку принял! —
Влачится по земле, ногами к небу!
750 Тут конники, с трудом его коней
Остановив, распутали Ореста, —
А он был весь в крови — никто из близких
Несчастливого не смог бы опознать!
И тотчас на костре его сожгли мы,
И тело мощное — горсть пепла! — в урне
Сюда несут фокейские послы,
Чтобы в земле родимой упокоить.
Вот что случилось... Тяжело и слушать, —
Ну а для нас, все видевших воочью,
Нет в целой жизни горя тяжелей.

Х о р

760 Увы, увы мне! — с корнем вырван весь
Старинный род властителей микенских...

К л и т е м н е с т р а

О Зевс! Что приключилось?.. Счастье?..
Горе...
Спасительное все же?.. Не пойму...
Ах, тяжко жизнь спасти ценой несчастья!

Н а с т а в н и к

Но чем ты так смутилась, госпожа?

К л и т е м н е с т р а

Что значит мать!.. Нас оскорбляют дети,
А нам возненавидеть их нет сил...

Н а с т а в н и к

Выходит, что некстати наш приход.

К л и т е м н е с т р а

770 Некстати?.. Нет, и быть того не может,
Раз ты пришел свидетелем надежным,
Что умер он — дитя моей души.
Забыв, что я его кормила грудью,
Бежал он на чужбину и не видел
Меня с тех пор... и все винил в убийстве
Отца и страшной местию мне грозил,
Так, что ни днем, ни ночью сладкий сон
Мне не смыкал очей. За годом годы
Я верной смерти каждый день ждала.
780 Отныне я избавлена от страха
Пред ним... и ею. Злейшей мне напастью
Была она — живя со мной, пила
Кровь чистую души моей. Сегодня
День проведем мы без ее угроз.

Э л е к т р а

О, горе! Вот когда вдвойне пристало
Тебя оплакивать, Орест: ты умер,
А мать язвит!.. Как хорошо, не правда ль?!

К л и т е м н е с т р а

Ему-то хорошо, тебе — едва ли.

Э л е к т р а

Умершего услышь, о Немесида!

К л и т е м н е с т р а

Услышала... и все уже свершила.

Э л е к т р а

790 Что ж, оскорбляй... Ты нынче торжествуешь.

К л и т е м н е с т р а

Тебе ль с Орестом мне язык связать?

Электра

Язык наш нем... Тебя ль молчать заставим!

Клитемнестра

Тебя я наградила б, гость, когда бы
Ты мог прервать ее истошный крик.

Наставник

Так я отправлюсь — выполнил я дело.

Клитемнестра

Нет! И меня то было б недостойно,
И друга, кем с известьем прислан ты.
Войди в наш дом... Пускай она тут стонет
Над братом дорогим и над собой!

Клитемнестра и наставник входят во дворец.

Электра

(хору)

800 Вы думаете — мучится она,
Злосчастная? Плакивает горько
Ужасную погибель сына? Нет!
Ушла смеясь!.. О, горе, горе мне...
Орест мой милый! Ты убил меня
Своей кончиной, вырвал из души
Последнюю надежду, что ты жив
И отомстить вернешься за отца
И за меня, несчастную! Куда же
Деваться мне?.. Одна я, нет тебя,
810 Нет и отца... Вновь быть в рабах придется
У самых ненавистных мне людей,—
Его убийц... Не славная ли жизнь!
Но нет! Остаток дней влачить не стану
Под кровлей их. Здесь лягу за порогом
И без друзей одна иссохну! Пусть
Из челяди дворцовой кто-нибудь
Меня убьет, коль буду в тягость. Смерть —
Отрада мне, жизнь — мука. Жить нет сил.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

СТРОФА 1

820 Где ж молнии Зевса?
Светлого Солнца
Где же огонь?
Боги всё видят
И могут спокойно
С неба взирать!

Электра

Увы мне, увы!

Хор

Что, милая, плачешь?

Электра

Ах!

Хор

Полно, уймись...

Электра

Губишь меня...

Хор

830

Чем?

Электра

Не возбуждай
В сердце надежду,—
Оба сошли
В темный Аид...
Ах, лишь сильнее
Ты растравляешь
Злое мое
Горе.

Хор
АНТИСТРОФА 1

840 Слушай же: царь
Амфиарай
Был золотым
Ожерелием женским
В землю сырую
Сведен,— а теперь...

Электра
Горе! Увы!

Хор
...властвует, мощный!

Электра
Ах!

Хор
Все же, злодейка...

Электра
...мзды дождалась!..

850 Хор
Да!

Электра
Знаю, о, знаю:
Прибыл радетьель
И за погибшего
Ей отомстил.
А у меня
Мстителя нет...
Был... но и тот —
Отнят.

Хор
СТРОФА 2

860

Бедная!
Горек твой удел!

Электра

Понимаю, я все понимаю сама,—
Льется жизнь моя годы за годами — мутный
Злоключений и бедствий поток...

Хор

Мы твою скорбь
Видели...

Электра

Не отвлекай от горя,
Дай мне скорбеть,— отныне...

Хор

Что?

Электра

870

Нет уж надежды,
Нет опоры,—
Он не придет,—
Единокровный брат мой!

Хор

АНТИСТРОФА 2

Но умирать —
Всех смертных удел...

Электра

Умирать, но не так, как злосчастный погиб,—
На ристанье стремительном дух испустил,
Искалечен, опутан ремнями!

Хор

Страшное дело,
Нет слов...

Электра
 Нежной рукой сестра
 Не прибрала его...

Хор
 Горе!..

Электра
 Так и сожжен
 Был на чужбине,—
 Я не почтила
 Брата плачем надгробным!..

Входит Хрисофемида.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Хрисофемида

890 Меня, родная, подгоняет радость —
 Забыв приличье, со всех ног бегу.
 Весть радостная! Близко избавленья
 От долгих бед, тебе — от горьких слез!

Электра

Где помощь ты нашла моим страданиям,—
 Их не найдется средства исцелить!

Хрисофемида

О, слушай! Здесь — Орест! Он рядом, близко...
 Он здесь — как я перед тобой стою.

Электра

Несчастная!.. Да ты сошла с ума!
 Над нашим общим горем ты смеешься?

Хрисофемида

Нет,— очагом отеческим клянусь! —
 Не насмехаюсь, нет. Поверь, он — здесь!

Электра

Увы тебе! Откуда эту новость
900 Узнала ты, чтоб так поверить ей?

Хрисофемида

Своим глазам я верю, а не слухам:
Беспорные есть признаки — он здесь!

Электра

Несчастливая! Какой могла ты видеть
Беспорный знак, чтоб так воспламениться?

Хрисофемида

Молю богами, выслушай меня!
Потом решай, в рассудке я иль брежу!

Электра

Что ж, говори, коль говорить охота...

Хрисофемида

Все расскажу, что видела сама.
910 Придя к отцовской родовой могиле,
Вдруг вижу: струйки молока, недавно
Разлитого, по ней текут и холм
Цветами всевозможными увенчан.
Я изумилась, озираюсь — нет ли
Кого-нибудь поблизости. Но, видя,
Что тихо все, вплотную подошла.
И что же! Вижу на краю могилы
Прядь лишь недавно срезанных волос.
Тут у меня, у бедной, милый образ
920 В душе возник внезапно! — верный знак:
Признала я любимого Ореста.
Я прядь взяла благоговейно, молча,—
И слезы счастья брызнули из глаз.
Я и сейчас не сомневаюсь: он,
Он и не кто иной почтил могилу.
Кто мог бы это сделать, кроме нас?..
Но ведь не мы... да ты и не могла бы,
Когда и помолиться-то вне дома

930 Не можешь безнаказанно... А мать
К подобным жертвам не склонна... И мы
За ней бы уследили... То, бесспорно,—
Ореста поминальные дары!
Приободрись же, милая! Судьба
Изменчива. Пусть наша до сих пор
Печальной была. Но этот день
Нам, может быть, сулит большое счастье!

Электра

Увы! Какое жалкое безумье!..

Хрисофемида

Как! Мой рассказ не радует тебя?

Электра

Сама не знаешь, где блуждаешь мыслью.

Хрисофемида

Но мне ль не знать, что видела сама?

Электра

940 Он — умер... о несчастная! Спасенья
Не жди через него, не уповай.

Хрисофемида

О, горе мне!.. А кто принес известье?

Электра

Принес свидетель гибели его.

Хрисофемида

Но где же вестник?.. Я поражена...

Электра

Там, в доме, гость — он матери приятен!

Хрисофемида

Увы, увы! Но щедрыми дарами
Кто ж мог почтить могильный холм отца?

Электра

Наверно, кто-нибудь дары принес,
Чтоб помянуть покойного Ореста...

Хрисофемида

950 Увы, увы!.. А я сюда бежала
На радостях... Не знала, как далеко
Зашли мы в горе. Вижу — к старым бедам
Нежданная прибавилась беда!

Электра

Да, это так... Послушайся меня —
И сбросишь гнет постигших нас несчастий!

Хрисофемида

Но я не в силах мертвых воскрешать!

Электра

Не то хочу сказать: я не безумна.

Хрисофемида

Но что ж ты предлагаешь мне по силам?

Электра

Решиться все исполнить, что велю.

Хрисофемида

960 Не откажусь... была бы только польза.

Электра

Знай, что успех дается не легко.

Хрисофемида

Я знаю... но исполню, что могу.

Электра

Так слушай же, что я решила сделать.
Ты понимаешь — нет у нас теперь
Поддержки близких — отнял их Аид,—

И мы одни на свете. До сих пор
Я слухам верила, я полагала — брат
Жив и здоров, надеялась: придет он
Когда-нибудь и за отца отмстит.
970 Но умер он — надежда на тебя.
Решись, вдвоем с сестрой, убить того,
Кто умертвил отца своей рукою...
Убить... Эгисфа... Все пора сказать...
Доколь еще терпеть ты будешь молча?
На что глядишь с надеждой? Ропщешь ты,
Что лишена наследственных сокровищ,
Что будешь ты за годом год стареть
Без ложа мужнина, без песен брачных?
980 Так не надейся, что когда-нибудь
Достигнешь этих благ! Не так-то прост
Эгисф: он не допустит, чтобы род
Продолжился от нас ему на гибель.
А ежели ты примешь мой совет,
То благочестьем угодишь отцу,
Что в преисподней, и родному брату.
Рожденная свободной, ты свободу
Себе вернешь и в брак достойный вступишь.
Все одобряют славные дела.
Иль не предвидишь, как молва бы стала
990 Нас прославлять, когда б ты согласилась?
О, кто из горожан иль чужестранцев,
Увидев нас, не стал бы нас хвалить:
«Смотрите, други: вон те две сестры,
Которые спасли очаг отцовский
И, мстя врагам, державшимся года,
Распорядились их позорной жизнью!
Любить их должно, окружать почетом
На праздниках, в общественных собраниях
За доблесть их!» Так отзовется каждый.
1000 В живых ли будем мы или умрем,
Не разлучится с нами наша слава.
Склонись, родная! Послужи отцу
С сестрой в союзе, чтобы мы от бедствий
Избавились — мы обе, — сознавая,
Что срам для благородных в сраме жить.

Хор

Нужна здесь осмотрительность — обеим,
И той, что говорит, и той, что внемлет.

Хрисофемида

Родные, не сойди она с ума,
Едва ль была б такой неосторожной,
1010 Как вот сейчас... Скажи, на что надеясь,
Такой ты преисполнилась отваги
И помогать зовешь меня? Подумай:
Ты женщина, не муж. Твоя рука
Слабей руки противников твоих.
День ото дня к ним счастье благосклонней,
А наше — ускользает... нет его.
Стремясь сразить такого человека,
Как избежать опасности смертельной?
1020 Смотри: и так уж мы в беде... но худших
Бед наживем, коль вдруг услышат нас...
Не даст нам избавленья, не поможет
Нам злая смерть, хотя б и с доброй славой.
Но худшее — не смерть: ужасней смерти
Жить год за годом с жаждой умереть.
О, заклинаю: чтобы не погибнуть
И нам самим и род свой не сгубить,—
Умерь свой пыл! А я твои слова
Забуду, словно их и не бывало...
1030 Одумайся, сестра, еще не поздно,
И — слабая — могучим покорись.

Хор

Прислушайся: всего полезней в жизни
Предусмотрительность и здравый смысл.

Электра

Я этих слов ждала. Отлично знала,
Что предложенье ты отвергнешь. Пусть!
Исполню все одна, своей рукою,
Но не оставляю замысла, поверь!

Хрисофемида

Увы!

О чем ты раньше думала, когда
Отец наш пал? Тогда б и сделать дело!

Электра

1040 Мой нрав был тот же — разум был незрел...

Хрисофемида

Всегда старайся думать, как тогда.

Электра

Так. Значит, ты не заодно со мною?

Хрисофемида

Плох замысел — плох будет и конец.

Электра

Хвалю твой ум и презираю трусость.

Хрисофемида

Меня похвалишь, может быть, потом...

Электра

Нет, этого не будет никогда.

Хрисофемида

Со временем увидим, кто был прав.

Электра

Ступай! Ни в чем ты мне помочь не можешь.

Хрисофемида

Могла б помочь... но ты не хочешь слушать...

Электра

1050 Пойди скажи все матери своей!

Хрисофемида

Не столь ты ненавистна мне, сестра...

Электра

Пойми, что ты внушаешь мне бесчестье!

Хрисофемида

Бесчестье? Нет, забочусь о тебе.

Электра

Так я должна признать, что ты права?

Хрисофемида

Разумна будь — тебя признаю правой.

Электра

Благие речи, только невпопад.

Хрисофемида

Твои слова относятся к тебе.

Электра

Как? Ты меня неправую считаешь?

Хрисофемида

Подчас и правота чревата злом.

Электра

¹⁰⁶⁰ По этой правде жить я не хочу.

Хрисофемида

Лишь все свершив, ты мой совет оценишь.

Электра

И совершу — ты не смутишь меня.

Хрисофемида

Решила ты?.. Не хочешь передумать?

Электра

Что может хуже быть дурных советов!

Хрисофемида

Со мной ни в чем ты, видно, не согласна.

Электра

Мое решение принято давно.

Хрисофемида

Так лучше мне уйти: ты слов моих
Не одобряешь, я — твоих поступков.

Электра

1070 Ступай же в дом... Я никогда с тобою
Не соглашусь, как страстно ни желай.
Безумие — за пустотой гоняться!

Хрисофемида

Ну, если ты себя считаешь правой,—
Считай. Но если попадешь в беду,
Тогда мои припомнишь ты советы.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

СТРОФА 1

В небе высоко

1080 Умных видим мы птиц: они
Старых своих питают, жизнь
Им даровавших, дневный корм
Им приносивших усердно... А мы?
Что ж не берем мы в пример пернатых?
Зевса молнией поклянусь
И Фемидой небесною —
Не миновать возмездья!
Мертвые слышат живущих молвь.
В царство теней достигни, крик,
Сыну Атрея неси — зловещ —
Весть безотрадную,
Весть позора!

АНТИСТРОФА 1

Скажи, что ныне
 1090 В доме его — разлад; скажи,
 Что меж детей его — раздор,
 В распре взаимной двух сестер
 Гибнут мирные дружбы дни.
 Бурей томима, одна, Электра
 О погибшем родителе,
 Злополучная, слезы льет,
 Как соловей тоскливый.
 Что страдалице смерть? — ничто!
 Ей не нужно сияния дня.
 1100 Нет, не страшно ей умереть —
 Только бы двух
 Погубить чудовищ!

СТРОФА 2

Нет, и в бедственной жизни
 Чистый сердцем пятнать не захочет
 Доброе имя свое,
 И ты, сестра,
 Избрала
 Слез удел и скорби,
 Вооружилась против зла,—
 1110 Двойная честь тебе: слыви
 Разумною и дочерью примерной.

АНТИСТРОФА 2

Под пятою врагов
 Ныне томишься,— взнесись же над ними
 Силой и счастьем, дочь!
 Да, тяжелы
 Дни твои,
 Но и в горькой доле
 Благочестиво ты блюдешь
 Законы, что превыше всех,
 1120 И с несравненным рвением Зевсу служишь.
 Входят Орест и Пилад с двумя спутниками.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

О р е с т

Скажите, — верно ль путь нам указали
И правильно ли к цели мы идем?

Х о р

Что надобно тебе? Чего ты ищешь?

О р е с т

Все разузнать хочу — где дом Эгисфа?

Х о р

Вот дом его — тебе сказали правду.

О р е с т

Кто мог бы в дом войти — оповестить
О нашем благовременном прибытье?

Х о р

Одна из их семьи — она и скажет.

О р е с т

1130 Пойди, скажи им, девушка, что люди
Фокейские хотят Эгисфа видеть.

Э л е к т р а

О, горе мне!.. Не принесли ли вы
Той страшной вести явных доказательств?

О р е с т

Не знаю, что за весть... но старец Строфий
Нам поручил поведать об Оресте.

Э л е к т р а

О, что с ним, странник?.. Я дрожу от страха.

О р е с т

Как видишь, в этой урне мы несем
Скончавшегося бранные останки.

Электра

Увы мне, бедной... так и есть... все ясно.
У вас в руках моей печали бремя...

Орест

1140 Да, если плачешь о судьбе Ореста.
Знай: в этой тесной урне — прах его.

Электра

О, если здесь он скрыт,— молю богами,
Дозволь мне, странник, урну в руки взять,
Чтоб мне оплакать вместе с этим пеплом
И самое себя, и весь наш род.

Орест

(спутникам)

Вручите ей,— кто б ни была она:
Не видно в ней враждебности — из близких
Она ему или родня по крови.

Электра

(держа урну)

1150 О, памятник того, кто всех любимей!
Душа Ореста — здесь... Увы, о том ли
Мечтала я, когда его спасала!
И вот держу в руках своих — ничто...
А уходил ты, милый мой, цветущим!
Зачем я раньше не лишилась жизни,
Чем в край чужой отправила тебя! —
Похитила вот этими руками
И жизнь тебе спасла... В тот день погибнув,
С отцом бы ты могилу разделил.
1160 И вот вдали погиб ты, как беглец,
Без родины, без дома, без сестры.
Мне не пришлось любовными руками
Твой прах омыть. Увы! Я из костра
Не вынесла, как должно, скорбной ноши.
Чужими ты руками прибран был,—
Вернулся... горстью пепла в тесной урне!
Увы мне, бедной! Стало быть, напрасен

1170 Был сладостный мой труд, когда, бывало,
Я нянчила тебя. Милей ты не был
И матери своей родной. Там, в доме,
Тебя одна воспитывала я.
Как ласково ты звал меня: сестрица!
И вот все вдруг исчезло в день один.
Все умерло с тобою. Ты ушел
И все унес, как буря... Нет отца,
Я — я убита... Ты — погиб... Враги же
Смеются! В исступлении ликует
Мать... нет, она не мать!.. А ты мне слал
Известья потайные, что вернешься
1180 Ей отомстить... Но счастье, нам с тобою
Враждебное, развеяло все вдруг
И мне прислало не тебя, любимый,
А горстку пепла, призрачную тень.
Увы, увы!

О, прах плачевный!
Увы, увы! Ужасной ты дорогой,
Любимый, прибыл... Ты сгубил меня,
Вконец сгубил, любимый мой, родной!
Прими, прими сестру в приют свой тесный!
1190 Ничтожная, да перейду в ничто...
За гробом вместе будем жить! Ведь здесь
Одной мы жизнью жили... Умерев,
Хочу с тобой я разделить могилу.
Умершие не ведают скорбей!

Х о р

Ты — смертного отца дитя, Электра.
Был смертен и Орест. Не убивайся:
Единая всем участь суждена.

О р е с т

О, что мне говорить? Борюсь с собою...
С чего начать... Сдержать язык нет сил...

Э л е к т р а

Чем ты смущен? Что говоришь ты, гость?

Орест

1200 Не вижу ль я светлейший лик Электры?..

Электра

Да, видишь ты ее — и видишь в горе.

Орест

О, тягостная, бедственная доля!

Электра

Не обо мне ль вздохнул ты, чужеземец?

Орест

(в сторону)

Краса ее поругана безбожно...

Электра

Зловещие слова ко мне подходят.

Орест

К твоей безбрачной, злополучной жизни!

Электра

Что так глядишь и стонешь, чужеземец?

Орест

Еще не знал я всех своих печалей...

Электра

Но из каких же слов ты их узнал?

Орест

1210 Я вижу муки тяжкие твои.

Электра

Лишь небольшую долю их ты видишь.

Орест

Что мог бы я узнать еще ужасней?

Электра

Что вместе я с убийцами живу.

Орест

Убийцы?.. Чьи?.. На что ты намекаешь?

Электра

Отца... К тому же я у них в рабах.

Орест

Но кто ж тебя принудил стать рабою?

Электра

Мать... по прозванию... в остальном — не мать.

Орест

Лишеньями неволит иль насильем?

Электра

Лишеньями, насильем... всем неволит.

Орест

¹²²⁰ И некому помочь и заступиться?

Электра

Нет... Был один... ты прах его принес.

Орест

Злосчастная! О, как тебя мне жаль!

Электра

Один ты, гость, и пожалел меня!

Орест

Да... я один сочувствую тебе.

Электра

Но ты ведь нам, пришелец, не сродни!

Орест

Коль это люди верные, — отвечу...

Электра

О, верные! — свободно говори.

Орест

Оставь же урну — и узнаешь все.

Электра

Не отнимай! Молю богами, странник!

Орест

1230 Послушайся — не будешь сожалеть.

Электра

Не отнимай сокровище мое!

Орест

Брось урну, говорю.

Электра

Ужель — о, горе! —
Лишусь и похорон твоих, Орест!

Орест

Не надо мрачных слов — скорбеть не должно!

Электра

Скорбеть не должно об умершем брате?

Орест

Тебе нельзя так говорить о нем.

Электра

Покойного ужель я недостойна?

Орест

Достойна всех... Но урна — ни при чем...

Электра

Однако я держу Ореста пепел!

Орест

1240 Нет... не Ореста!.. Выдумано все...
(Берет урну из рук Электры.)

Электра

А где ж его, злосчастного, могила?

Орест

Не может быть могилы у живых.

Электра

Что говоришь ты, юноша?

Орест

Лишь правду.

Электра

Он, значит... жив?!

Орест

Поскольку я — не мертв.

Электра

Ты, значит... он?

Орест

Смотри: отцовский перстень...
Теперь суди о правде слов моих!

Электра

О, счастья день!

Орест

Поистине — день счастья!

Электра

Твой слышу голос?..

Орест

Да, не чей иной!

Электра

В моих объятьях ты?..

Орест

О, навсегда бы!

Электра

1250 Сograжданки, подруги дорогие!
Вот, вот Орест, скончавшийся притворно
И в тот же день притворством воскрешенный!

Хор

Мы видим, о подруга... Дивный случай!
От радости невольно слезы льются.

Электра

СТРОФА

Родное дитя
Того, кто на свете
Был нам всех драгоценней!
О, наконец ты здесь! —
Нашел, увидел тех, кого так жаждал.

Орест

1260 Да, я пришел... но помолчи до срока.

Электра

Зачем?

Орест

Чтобы никто там, в доме, не услышал.

Электра

Клянусь хранящей девство Артемидой!
О нет! Не мне
Дрожать перед толпою женщин,
Весь век сидящих в доме
Беспользным грузом земли.

Орест

Смотри, Арей вселяется и в женщин:
Ты это знать по опыту должна.

Электра

1270

Увы! Увы! Напомнил
Ты вновь о нашем горе...
Его не затуманить!
Увы, его нет силы
Ни отвести, ни позабыть!

Орест

О, знаю все... Дай сроку подойти...
Припомнятся их черные деянья!

Электра

АНТИСТРОФА

1280
Всегда и всечасно
Повторять не устану
Справедливые пени.
Я дождалась — теперь
Стал наконец свободен мой язык!

Орест

Так ты и береги свою свободу.

Электра

Что ж делать?

Орест

Не вовремя не говори, сдержись.

Электра

Сам посуди, кто заменил бы слово
Молчанием,
Когда ты снова здесь, вернулся
Негаданно-нежданно
Ко мне, потерявшей надежду!

Орест

¹²⁹⁰ Пришел, лишь только побудили боги.

Электра

Еще светлее радость
Ты возвещаешь, если
К родимому порогу
Тебя направил Феб!
Я узнаю бессмертных дело!

Орест

Боюсь я радость сдерживать твою,—
Но ей не предавайся через меру.

Электра

эпод

¹³⁰⁰ О, дорогою желанной
Удостоивший прибыть
Ко мне!
Зная все мои печали,
Ты не должен...

Орест

Чего не должен я?

Электра

Лишать меня
Радости тобою любоваться!

Орест

Не допущу, чтоб и другой лишил!

Электра

Согласен?

Орест

Еще бы!

Электра

1310

Не надеялась, подруги,
Я услышать этот голос,
Не сдержала ликования,
Крика радости своей!
Здесь, опять со мною ты,
Я вижу
Дорогое мне лицо!
Я его и в бедах не забыла.

Орест

1320

Не надо лишних слов, не говори
Про злую мать, про то, как в царском доме
Богатство тратит нашего отца
Эгисф, как им сорит, как расточает,—
Упустим мы благоприятный миг.
Как поступать нам лучше, посоветуй:
Где появиться, где засесть в засаду,
Чтоб оборвать веселие врагов.
Смотри, чтоб мать тебя не увидела
Сияющей, когда войдем мы в дом.
Стенай и плачь о не бывавшем горе.
Успешно все закончим — и тогда
Порадуемся, вволю посмеемся!

Электра

1330

Не бойся, брат, я поведу себя,
Как ты желаешь: ведь моя вся радость
Не мной порождена, она — твой дар!
Не впрок мне прибыль, если огорчу
Тебя хоть малость, плохо послужила б
Я богу-покровителю... Ты знаешь,
Конечно, сам, что делается здесь:
Ты слышал, что Эгисфа дома нет,

А мать — в покоях... Не страшись, она
Мое лицо веселым не увидит:
1340 К ней накопела ненависть во мне!
К тому ж я обрела тебя — и буду
Лить слезы... радости! О, как не плакать,
Когда домой сперва ты прибыл мертвым,
Потом — живым! Так дивен твой приход,
Что, если б и отец вернулся к жизни,
Его возврат я не сочла бы чудом,
Глазам своим поверила б... Итак,
Распоряжайся мной! Но знай, что если б
1350 Я и одна была, то или с честью
Спасла б себя, иль с честью бы погибла!

О р е с т

Молчи... я слышу: к выходу идут.

Э л е к т р а (Оресту и Пилладу)

Входите, чужестранцы! Дар такой
Несете вы, которого никто
Не может не принять, хоть он и скорбен.

Входит наставник.

Н а с т а в н и к

Безумные! И где у вас рассудок?
Иль ни во что не цените вы жизнь?
Иль потеряли вы свой ум врожденный?
Ужель не видно вам, что вы стоите
1360 Не на краю, а в самой бездне бед?
Когда б давно на страже я не стал
Там, у дверей, намерения ваши
Вошли бы в дом скорее вас самих.
Но я щитом поставил осторожность.
Оставьте ж речи долгие и крики
Восторга ненасытные, — входите!
В подобном положенье медлить — гибель.
Благоприятен миг — пора кончать.

Орест

Что в доме ждет меня, когда войду?

Наставник

Все хорошо,— никем не будешь узнан.

Орест

1370 Ты, значит, сообщил, что умер я?

Наставник

Тебя считают там жильцом Аида.

Орест

Небось, ликують? Что там говорят?

Наставник

Скажу, когда покончим. А пока
Там всё за нас... и даже то, что худо.

Электра

Кто он такой? — скажи мне, ради бога...

Орест

Не узнаешь?

Электра

Ума не приложу...

Орест

Кому меня ты отдала,— не помнишь?

Электра

О ком ты, брат?

Орест

О том, кто в край фокейский
Меня увел, как ты предусмотрела.

Электра

1380 Он — тот, который нам остался верен
Единственный, когда отца убили?

Орест

Он самый. Не спрашивай, довольно.

Электра

О, благодатный день! О ты, единый
Блюститель Агамемнонова дома!
Ты, ты ли это, спасший нас обоих
От стольких мук? О, руки дорогие!
Стопы, на счастье несшие тебя!
Ты здесь давно — и не открылся мне!
Ты радость нес, — а сам разил словами!
1390 Привет, отец! — отцом тебя зову...
Привет! — и знай, в один и тот же день
Ты был всех ненавистней и любимей!

Наставник

Довольно! Много впереди ночей
Свершит свой круг и много дней, Электра, —
Успеешь все в подробностях узнать.
(Оресту и Пилладу.)

А вам обоим говорю: скорее!
За дело! Клитемнестра там одна.
Мужчин с ней нет. Подумайте же: стоит
Промедлить вам, — одолевать придется
1400 Врага умней да и числом поболее.

Орест

Итак, не надо больше говорить.
Пилад, приступим к делу. Во дворец
Войдем немедля, — но вперед почтим
Отеческих богов, хранящих сени.

Орест и Пилад входят во дворец вместе с наставником.

Электра

Царь Аполлон! Внемли им благосклонно!
И мне внемли, которая столь часто
Несла тебе усердно, что могла.
О бог Ликейский! Ныне, без даров,
1410 Прошу тебя, простерлась, умоляю:
Будь нам и делу нашему поборник
И людям покажи, какую мзду
За их неблагочестье платят боги!
(Входит во дворец.)

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор
СТРОФА

О, посмотрите! Грядет Арей:
В очах его — месть,
Из уст пышет кровь.
Настал час, и, мчась,
Под кров их влетел
Сонм Псиц,
И нет сил
1420 Отвесьть месть, —
Богинь нюх
Злодейств чует след!
Свершится скоро — близок срок —
Пророческая греза, сон души моей!

АНТИСТРОФА

Он подошел — отмститель теней —
Украдкой проник
В хоромы отца,
Где клад сбережен
1430 Старинных богатств.
Несет гнев,
Несет кровь,
Изострил дух
Совершить месть.

Гермес, Майи сын,
К цели прямой ведет его,
Ведет, окутав тьмой лукавство мстителя!
Входит Электра.

ЭКСОД

Электра
СТРОФА

О милые подруги, в миг один
Они свой замысел исполняют... Тише!

Хор

Что делают?

Электра

Царица украшает
1440 Пустую урну... а они — с ней рядом...

Хор

А ты что ж вышла из дому?

Электра

Следить,
Чтобы Эгисф нас не застал за делом.

Клитемнестра
(за сценой)

Увы! Друзья покинули мой дом,—
Убийцы в нем, убийцы!

Электра

В доме крик!
Вы слышите? Вы слышите, подруги?

Хор

Я слышу... О, ужас!..
Горе мне... я вся дрожу...

Клитемнестра
(за сценой)

Увы! Спасите!.. Где же ты, Эгисф?!

Электра

Вот... снова крик!

Клитемнестра
(за сценой)

1450 Сын, сын мой, пощади
Родную мать!

Электра

Но ты не пощадила
Ни сына, ни родителя его!

Хор

О город, о род злополучный!
Час настал.
Волей судьбы ты погибнешь,
Погибнешь!

Клитемнестра
(за сценой)

А!.. Убивают!..

Электра

О, рази еще!

Клитемнестра
(за сценой)

Я гибну!.. А!..

Электра

Погибель и Эгисфу!

Хор

1460 Возмездья час... Ожил тот,
Кто в земле погребен.
Давно умершие встают,

Тянутся к крови, точат
Кровь убийц своих!

Входят Орест и Пилад.

АНТИСТРОФА

Идут... Обагрены их руки жертвой
Кровавою. Но их я не виню.

Электра

Орест, свершилось?

Орест

Все благополучно,—
Коль Аполлон на благо нам вещал.

Электра

Преступница погибла?

Орест

Да, не бойся,—
Отныне мать тебя не оскорбит.

Хор

1470

Тихо!.. Я вижу:
Вон Эгисф... Это он...

Электра

Не скрыться ль вам?

Орест

Где увидали вы
Эгисфа?

Электра

Вон — по пригороду едет,
Веселый... прямо к нам.

Хор

Скорее в дом, свой первый подвиг славно
Свершили вы — свершайте ж и второй!

О р е с т
Смелей! Покончим все...

Э л е к т р а

Иди же в дом.

О р е с т

Иду, иду.

Э л е к т р а

А здесь — моя забота.

Х о р

Будь сейчас кроткой с ним,
Обольсти слух его.

1480 Пусть устремится прямо
На верную погибель!
Тайный суд, свершись!

Входит Э г и с ф.

Э г и с ф

Кто скажет мне, где гости из Фокиды,
С известием явившиеся, будто
Орест погиб в крушенье колесничном?
Тебя, тебя я спрашиваю, раньше
Столь дерзкую — ты, чай, всех ближе к сердцу
Весть приняла! — так лучше всех ответишь.

Э л е к т р а

1490 О да! Как мне не знать?.. Не сторониться ж
Мне от своей возлюбленной родни!

Э г и с ф

Так где же чужестранцы? — говори.

Э л е к т р а

Там — путь привел их к ласковой хозяйке.

Э г и с ф

Весть принесли, что вправду умер он?

Э л е к т р а

Не только весть — воочью показали.

Э г и с ф

Он, значит, здесь? Его увидеть можно?

Э л е к т р а

Да... только незавиден вид его.

Э г и с ф

Ты против воли радуешь меня.

Э л е к т р а

О, радуйся,— коль есть на то причина.

Э г и с ф

1500 Теперь приказ — молчать! И двери — настезь!
Пусть видят все микенцы и аргосцы!
И, если кто еще питал надежду,
Признают пусть, его увидев труп,
Мою узду,— чтобы, карая дерзость,
Мне не пришлось бичом их вразумлять!

Э л е к т р а

Я доказала преданность, сумела
С годами стать покорной власть имущим.

На авансцену выдвигается постамент с трупом, закрытым покровом.
Рядом стоят Орест и Пилад.

Э г и с ф

1510 О Зевс!.. Он пал по зависти богов...
Но если неужодно Немесиде,—
Я замолчу... Откройте же лицо,—
Прах родственник хочу почтить слезою.

О р е с т

Ты сам отдерни ткань — я здесь чужой.
Тебе и зреть и чтить останки эти.

Э г и с ф

Совет хорош, приму его...
(К Электре.)

А ты

Зови сюда царицу, если дома.

О р е с т

Она здесь рядом... глаз не отводи.

Э г и с ф

(приподымая покров)

Что вижу я?!

О р е с т

Чего ж ты испугался?

Или — не он?..

Э г и с ф

Кто вы? О я, несчастный!

В какую же ловушку я попал!

О р е с т

1520 Не чувствовал, что говоришь с живыми,
Как с мертвыми?

Э г и с ф

Увы, ясна загадка...

Ты... ты — Орест! Орест... не кто иной...

О р е с т

Такой пророк — так долго ошибался?

Э г и с ф

Погиб я, злополучный... Но дозволю
Еще сказать...

Э л е к т р а

Богов всех ради, брат,
Не допускай, чтобы в пустых речах

Он время расточал! На что отсрочка
Преступнику? — смерть все равно близка!
Рази его скорей! А труп отдай
1530 Могильщикам, которых он достоин.
Пусть унесут подальше... с глаз долой...
По мне, лишь так бывшее зло искупим.

О р е с т
(Эгисфу)

Входи скорее! Спор у нас идет
Не о словах, а о твоей душе.

Э г и с ф

Зачем же в дом? Коль ты добро задумал,
Что ж ищешь тени?.. Бей!

О р е с т

Забудь приказы.
Ступай туда, где был убит тобою
Отец мой... Так же ты умрешь и там же!

Э г и с ф

Иль этот дом навеки обречен
Несчастья видеть рода Пелопидов?

О р е с т

1540 Нет, лишь твое, — я прорицатель верный.

Э г и с ф

Ты в этом деле вышел не в отца.

О р е с т

Вновь говоришь — и медлим мы... Ступай!

Э г и с ф

Иди вперед.

О р е с т

Ты — первым проходи!

Э г и с ф

Боишься — убегу?

О р е с т

Не так умрешь,
Как хочешь сам. Конец тебе готовлю
Горчайший. Всех карать подобной карой
Нам надлежит, кто преступил закон,—
Всех умерщвлять. Злодейства будет меньше.

Х о р

1550 О Атреев, познавший все бедствия, род!
Наконец ты желанной свободы достиг,—
Осчастливленный нынешним делом!

СТРОЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Границы основных частей греческой трагедии определяются выступлениями хора — *пародом* и *стасимами*, то есть песнью хора при входе его на оркестру — круглую площадку, служившую местом действия хора и актеров, — и песнями, которые хор поет, стоя на оркестре. Между песенными выступлениями хора заключены разговорные, диалогические части — *эписодии*, в которых главная роль принадлежит не хору, а отдельным действующим лицам, причем хор выступает в эписодиях на тех же правах, как и отдельные актеры. Поэтому в эписодиях обычно выступает от лица хора или его предводитель — *корифей*, или отдельные *хоревты*.

Кроме упомянутых частей трагедии — *парода* и *стасимов*, в основное ее деление входят еще начальная часть — *пролог*, то есть, по определению Аристотеля, особая часть трагедии перед выступлением хора (*пародом*), и *эксод*, или «исход», то есть заключительная часть трагедии, после которой, как говорит Аристотель, не бывает песни хора.

Песни хора обычно разделяются на соответствующие друг другу *строфы* и *антистрофы*, которые заключаются конечной песней — *эподом*. Песни, исполняемые отдельными актерами (песни «соло»), называются *монодии*.

ЦАРЬ ЭДИП

1. Пролог. 1—150.

Действие происходит перед дворцом Эдипа в Фивах. В первой сцене — беседа Эдипа с жрецом Зевса; вторая сцена — появление Креонта и диалог с ним Эдипа.

2. Парод. 151—218.

3. Эписодий первый. 219—438.

Сцена первая: обращение Эдипа к хору и диалог с хоревами — 219—302. Сцена вторая: разговор с Тиресием, которого приводит мальчик-поводырь, — 303—438.

4. Стасим первый. 439—484.

5. Эписодий второй. 485—839.

Сцена первая: разговор Креонта с корифеем хора — 485—504. Сцена вторая: выход Эдипа — 505—621. В сцене третьей (выход Иокасты) имеется лирическая часть — *коммос* («плач»), исполняемый хором, Эдипом и Иокастой, — 622—674. В четвертой сцене содержится рассказ Эдипа о том, как он убил неизвестного ему старика (то есть Лая); Эдип решает послать за пастухом, который сопровождал убитого, — 675—839.

6. Стасим второй. 840—885.

7. Эписодий третий. 886—1058.

Первые три сцены этого эпизода определяются выходами 1) Иокасты, 2) вестника из Коринфа, 3) Эдипа. Заключительная сцена — короткий разговор корифея хора с Эдипом.

8. Стасим третий. 1059—1084.

Этот стасим написан в виде плясовой песни (*гипорхемы*), выражающей чувства не теряющего надежды хора. Этим подчеркивается трагическое значение дальнейшего развития действия.

9. Эписодий четвертый. 1085—1160.

Эдип узнает о своей ужасной судьбе.

10. Стасим четвертый. 1161—1200.

11. Эксод. 1201—1490.

В эксоде четыре сцены: 1) рассказ домочадца с репликами корифея — 1201—1272, 2) *коммос* хора и ослепившего себя Эдипа — 1273—1339, 3) монолог Эдипа — 1340—1390, 4) заключительная сцена — 1291—1490.

ЭДИП В КОЛОНЕ

1. Пролог. 1—116.

Входят слепой Эдип и Антигона. Действие происходит в Колоне около рощи Евменид. Три рода растений — лавры, виноград и маслины (17) посвящены были Аполлону, Дионису и Афине. Пролог состоит из трех сцен, из которых вторая определяется появлением и уходом сторожа.

2. Парод. 117—237.

Начиная со стиха 132 стасим переходит в коммос хора и актеров.

3. Эписодий первый. 238—664.

Эписодий этот разделяется на две части посредством вставки коммоса — 494—545.

4. Стасим первый. 665—748.

5. Эписодий второй. 749—1082.

Этот эписодий прерывается лирическими песнями — 862—877 и 910—925.

6. Стасим второй. 1083—1146.

7. Эписодий третий. 1147—1261.

8. Стасим третий. 1262—1297.

9. Эписодий четвертый. 1298—1607.

Посредине эписодия коммос — 1496—1550.

10. Стасим четвертый. 1608—1625.

11. Эксод. 1626—1825.

В эксоде коммос — 1717—1796.

АНТИГОНА

1. Пролог. 1—98.

Разговор между сестрами — Антигоной и Исменой перед дворцом Креонта.

2. Парод. 99—168.

3. Эписодий первый. 169—339.

1) Выход Креонта и разговор его с корифеем хора — 169—229, 2) сцена между Креонтом и стражем — 230—339.

4. Стасим первый. 340—387.

Первый стасим, так же как и следующие второй и третий, заключается маршевой песнью — *анapestами* хора (или кори-

фея), под звуки которой входит страж с Антигоной — 380—387.

5. Эпизодий второй. 388—585.

Две сцены: 1) допрос стража и Антигоны, 2) диалог между Креонтом, Исменой и Антигоной.

6. Стасим второй. 586—642.

Под заканчивающиеся стасим *анапесты* (638—642) входит сын Креонта, жених Антигоны — Гемон.

7. Эпизодий третий. 643—792.

1) Спор Креонта с Гемоном — 643—777, 2) корифей спрашивает Креонта о его решении — 778—792.

8. Стасим третий. 793—811.

Анапесты, заключающие этот стасим (807—811), сопровождают выход Антигоны под стражей.

9. Эпизодий четвертый. 812—960.

Сцена первая этого эпизодия (812—899): *коммос*, который поют Антигона и хор. Сцена вторая: появление Креонта, после слов которого следует предсмертный монолог Антигоны — 900—960.

10. Стасим четвертый. 961—998.

11. Эпизодий пятый. 999—1126.

Здесь две сцены: 1) грозные предсказания Тиресия и спор с ним Креонта — 999—1102, 2) хор убеждает Креонта изменить его решение — 1103—1126.

12. Гипорхема, заменяющая стасим пятый. 1127—1158.

13. Эксод. 1159—1347.

Сцена первая: выход вестника — 1159—1186, вторая: выход жены Креонта, Евридики, — 1187—1247, третья: разговор коринфян и вестника, заключаемый *анапестами* корифея, под которые входит Креонт, — 1248—1264. На руках Креонта — труп Гемона, сзади несут труп Антигоны. Закljučается эксод *коммосом* — 1265—1341 — и последними словами хора.

ТРАХИНЯНКИ

1. Пролог. 1—93.

Пролог разделяется на две сцены: 1) монолог жены Геракла, Деяниры, который она произносит перед дверьми своего

дома, и краткий совет кормилицы. Слова кормилицы Деяниры служат переходом к следующей сцене. 2) Разговор Деяниры с ее сыном Гиллом, которого она посылает на поиски Геракла.

2. П а р о д. 94—148.

3. Э п и с о д и й п е р в ы й. 149—508.

Первый эпизодий разделяется на несколько сцен: 1) обращение Деяниры к хору и краткая реплика хора — 149—187, 2) выход вестника — 188—212, 3) плясовая песнь хора (*гипорхема*) в ответ на призыв Деяниры в ст. 210 — 213—237 (ср. ниже, 647—676, «Царь Эдип» — 1059—1084, и «Антигона» — 1127—1158), 4) появление Лихаса и разговор с ним Деяниры в присутствии Иолы — 238—347, 5) вестник говорит Деянире о том, что Лихас обманул ее, — 348—405, 6) обличение Лихаса — 406—448, 7) признание Лихаса — 449—508.

4. С т а с и м п е р в ы й. 509—544.

5. Э п и с о д и й в т о р о й. 545—646.

Здесь две сцены: 1) Деянира открывает хору свой замысел — 545—611, 2) отправление Лихаса к Гераклу с отравленной одеждой — 612—646.

6. С т а с и м в т о р о й. 647—676.

Этот стасим имеет характер *гипорхемы*.

7. Э п и с о д и й т р е т ь и й. 677—834.

Здесь две сцены: 1) раскаяние Деяниры — 677—747, 2) появление Гилла и рассказ его о мучениях Геракла. На оркестре остается хор — 748—834.

8. С т а с и м т р е т ь и й. 835—874.

9. Э п и с о д и й ч е т в е р т ы й. 875—958.

Рассказ кормилицы о самоубийстве Деяниры.

10. С т а с и м ч е т в е р т ы й. 959—982.

11. Э к с о д. 983—1284.

В эксоде содержится лирическая песнь (*мелос*), исполняемая не хором, а актерами — Гераклом, Гиллом и старцем-врачом. Эта печальная песнь по существу — *коммос*, но не называется так потому, что *коммос* — песнь, исполняемая актерами и хором.

АЯКС

1. П р о л о г. 1—133.

Пролог разделяется на три сцены: 1) диалог между Одиссеем и (согласно театральной условности) не видимой

ему, но видимой зрителям Афиной — 1—90, 2) диалог между Афиной и Аяксом, которого она дважды (71—73 и 89—90) вызывает выйти из палатки, — 91—117, 3) диалог между Афиной и Одиссеем после ухода Аякса — 118—133.

2. П а р о д. 134—202.

Парод начинается анапестами корифея хора — 134—171 — и заканчивается песнею хора — 172—202.

3. Э п и с о д и й п е р в ы й. 203—609.

Первый эпизодий делится на три сцены. 1) Выход Текмессы и рассказ ее хору. Начало этой сцены — анапесты, строфа и антистрофа хора (203—262) — представляет собой по своей музыкальной структуре неразрывное продолжение парода. Диалог между корифеем хора и Текмессой (263—347) заканчивает эту сцену. 2) Появление Аякса. Его песнь, прерываемая репликами корифея и Текмессы (348—444), монологи Аякса и Текмессы (445—541) и диалог между Аяксом и Текмессой, после которого приводят Еврисака (542—559). 3) Монолог (завешание) Аякса и диалог его с Текмессой (560—609).

4. С т а с и м п е р в ы й. 610—657.

5. Э п и с о д и й в т о р о й. 658—704.

Монолог Аякса, заключающий вместе со следующим стасимом первую половину трагедии.

6. С т а с и м в т о р о й. 705—738.

7. Э п и с о д и й т р е т и й. 739—1213.

Этот эпизодий разделяется на семь сцен: 1) рассказ вестника — 739—805, 2) выход Текмессы, после ухода которой вслед за хором действие переносится на морской берег, — 806—833, 3) предсмертный монолог Аякса — 834—884, 4) выход (парод второй) хора и затем Текмессы — 885—1001, 5) приход Тевкра и диалог его с корифеем и Текмессой — 1002—1075, 6) появление Менелая и диалог между ним и Тевкром, после чего Менелай уходит, — 1076—1196, 7) возвращение Текмессы с Еврисаком, монолог Тевкра — 1197—1213.

8. С т а с и м т р е т и й. 1214—1259.

9. Э к с о д. 1260—1457.

Эксод разделяется на четыре сцены: 1) возвращение Тевкра и приход Агамемнона — 1260—1354, 2) появление Одиссея и диалог между ним и Агамемноном — 1355—1410, 3) Одиссей и Тевкр — 1411—1438, 4) монолог Тевкра и заключительные слова хора — 1439—1457.

ФИЛОКТЕТ

1. Пролог. 1—134.

Диалог между Одиссеем и Неоптолемом.

2. Парод. 135—223.

Лирические песни хора соединены с ответами Неоптолема, написанными анапестами — основным размером парода.

3. Эписодий первый. 224—683.

Первый эписодий разделяется на три сцены: 1) диалог между Филоктетом и Неоптолемом, перемежаемый двумя песнями (строфой и антистрофой) хора — 224—549, 2) появление «купца» и диалог между ним, Неоптолемом и Филоктетом — 550—635, 3) диалог между Филоктетом и Неоптолемом после ухода «купца» — 636—683.

4. Стасим первый. 684—741.

5. Эписодий второй. 742—834.

Разговор Неоптолема с мучимым болью Филоктетом, который после нового припадка засыпает.

6. Стасим второй. 835—879.

7. Эписодий третий. 880—1096.

Третий эписодий разделяется на две сцены: 1) Неоптолем открывает Филоктету замысел ахейских вождей — 880—988, 2) диалог между Одиссеем, Филоктетом и Неоптолемом, после которого Одиссей и Неоптолем уходят, — 989—1096.

8. Стасим третий. 1097—1192.

Третий стасим, непосредственно связанный с первой сценой следующего за ним эксода, состоит из лирических песен Филоктета и хора.

9. Эксод. 1193—1495.

Эксод разделяется на пять сцен: 1) лирический разговор Филоктета с хором — 1193—1240, 2) появление Одиссея и Неоптолема после ухода Филоктета в пещеру. Диалог между ними, заканчивающийся обращением Неоптолема к Филоктету, которого он вызывает выйти из пещеры, — 1241—1286, 3) появление Филоктета, которому Неоптолем отдает его лук; Филоктет едва не убивает Одиссея, но Неоптолем его останавливает, и Одиссею удается уйти — 1287—1328, 4) диалог Филоктета и Неоптолема, в котором Филоктет убеждает Неоптолема увезти его на родину, — 1329—1431, 5) появление Геракла — 1432—1495.

ЭЛЕКТРА

1. Пролог. 1—119.

Пролог разделяется на две сцены: 1) диалог между наставником Ореста (Талфибием) и Орестом перед дворцом Атридов — 1—85, 2) лирическая песнь Электры (*монодия*), в которой она оплакивает отца, — 86—119.

2. Парод. 120—246.

Парод написан в форме плачевной песни (*коммоса*) хора и Электры.

3. Эписодий первый. 247—467.

Первый эписодий разделяется на две сцены: 1) разговор Электры со старшей девушкой (*корифеем*) хора — 247—323, 2) появление Хрисофемиды и диалог ее с Электрой — 324—467.

4. Стасим первый. 468—511.

Хор поет о вешем сне Клитемнестры и о судьбе рода Пелопидов.

5. Эписодий второй. 512—818.

Второй эписодий разделяется на три сцены: 1) появление Клитемнестры и диалог ее с Электрой — 512—655, 2) выход Талфибия и рассказ его о мнимой гибели Ореста — 656—799, 3) монолог Электры после ухода Клитемнестры и Талфибия — 800—818.

6. Стасим второй (*коммос*). 819—886.

Плач хора и Электры.

7. Эписодий третий. 887—1074.

Хрисофемида, прибежав от могилы отца, уверяет Электру в том, что Орест жив. Электра не верит и предлагает сестре план мести за смерть Агамемнона, от которого Хрисофемида отказывается.

8. Стасим третий. 1075—1120.

Хор благословляет Электру на подвиг.

9. Эписодий четвертый. 1121—1412.

Четвертый эписодий разделяется на две сцены: 1) появление Ореста и узнавание его Электрой (эта сцена содержит радостную песнь Ореста и Электры) — 1121—1354, 2) появление Талфибия и диалог между ним, Орестом и Электрой — 1355—1412.

10. Стасим четвертый. 1413—1436.

11. Эксод. 1437—1551.

Эксод разделяется на четыре сцены: 1) убийство Клитемнестры (за сценой) — Электра, хор и голос Клитемнестры — 1437—1462, 2) появление Ореста и Пилада — 1463—1482, 3) приход Эгисфа — 1483—1506, 4) Орест и Пилад нападают на Эгисфа и (за сценой) убивают его — 1507—1551.

Ф. Петровский

КОММЕНТАРИИ

ЦАРЬ ЭДИП

О времени постановки трагедии документальных свидетельств не сохранилось¹. Современные исследователи чаще всего датируют ее первой половиной 20-х годов V века, исходя из следующих доводов: 1) трудно отказаться от мысли, что, изображая в «Царе Эдипе» моровую язву, не известную из других источников, Софокл мог избежать впечатлений от эпидемии, трижды поразившей Афины с 430 по 426 год; 2) в аристофановских «Ахарнянах» (425 г.) и «Всадниках» (424 г.) можно предполагать пародию на отдельные стихи из «Царя Эдипа», что имело смысл, если трагедия была поставлена незадолго до этого. Название «Царь Эдип» было дано трагедии, вероятно, в более позднее время, чтобы отличить ее от другого софокловского «Эдипа», действие которого происходит в Колоне.

Миф, положенный в основу трагедии, был известен уже из гомеровских поэм, где он, однако, не получал столь мрачного завершения: хотя Эдип по неведению и женился на собственной матери (эпос называет ее Эпикастой), боги вскоре раскрыли тайну нечестивого брака. Эпикаста, не вынеся страшного разоблачения, повесилась, а Эдип остался царствовать в Фивах, не помышляя о самоослеплении («Одиссея», XI, 271—280). В другом месте («Илиада», XXIII, 679 сл.) сообщается о надгробных играх по павше-

¹ Вступительные тексты в комментариях принадлежат В. Ярхо, а примечания — Ф. Петровскому.

му Эдипу,— вероятно, он погиб, защищая свою землю и свои стада от врагов.

Дальнейшее развитие миф получил в не дошедшей до нас киклической поэме «Эдиподия», о которой мы, однако, знаем, что четверо детей Эдипа (Полиник, Этеокл, Антигона и Исмена) изображались в ней рожденными от его второго брака. Таким образом, над ними еще не тяготело проклятье нечестивого происхождения.

Первым, кто отступил в этом отношении от эпической версии, развил мотив преступного рождения детей Эдипа от кровосмесительного брака, был, по-видимому, Эсхил, поставивший в 467 году свою фиванскую трилогию. Две ее первые части — «Лай» и «Эдип» — также не сохранились, и некоторые заключения о их содержании мы может делать только на основании последней, дошедшей трилогии — «Семеро против Фив».

Многие мотивы, связанные с прошлым Эдипа и его опознанием, являются, как сказано во вступительной статье, нововведениями Софокла.

21. У пророческой золы Исмена — у святилища Аполлона на реке Исмене в Фивах, где делались предсказания по золе или пеплу сжигаемых жертв.

36. *Безжалостная вещунья* — крылатое чудовище с туловищем львицы и с головою и грудью женщины (см. ст. 470—484, где это чудовище названо «крылатою девой»). Называлось оно Сфинкс (по-гречески — женского рода). Появившись около Фив, эта «вещунья» предлагала всем проходящим разгадать ее загадку. Никто этого сделать не мог, и все гибли в страшных лапах чудовища. Но Эдип загадку разгадал, а Сфинкс погибла, бросившись со скалы. (См. 130, 383 и 1171.) Загадка и ответ Эдипа сохранились в греческой поэзии. Вот их перевод:

Есть существо на земле: и двуногим, и четвероногим
Может являться оно, и трехногим, храня свое имя.
Нет ему равного в этом во всех животворных стихиях.
Все же заметь: чем больше опор его тело находит,
Тем в его собственных членах слабее движения сила.

Внемли на гибель себе, злоименная смерти певича,
Голосу речи моей, козней пределу твоих.
То существо — человек. Бессловесный и слабый младенец
Четвероногим ползет в первом году по земле.
Дни неудержно текут, наливается тело младое:
Вот уж двуногим идет поступью верною он.
Далее — старость приспееет, берет он и третью опору —
Посох надежный — и им стан свой поникший крепит.

151. *От златого Пифона...* — Пифон — древнее название Дельфов по змеевидному охранителю города — Пифону, которого убил Аполлон. Златым Пифон назван по богатству своего храма.

155. *Исцелитель-Делиец* — Аполлон, родившийся на острове Делос.

193. *Смерти пламенного бога...* — Речь идет об Аресе, бывшем не только богом войны, но и насылавшим болезни и другие бедствия.

198. *Амфигрита* — жена владыки моря Посейдона.

206. *Царь Ликейский* — Аполлон. Значение эпитета Ликейский спорно.

211. *В горах Ликийских* — в Ликии (Малая Азия).

270—271. Эти стихи, вероятно, позднейшая вставка для объяснения родословной Эдипа.

383. *...от хищной той певуны...* — То есть от Сфинкса. (См. коммент. к ст. 36.)

439. *...скала вещала в Дельфах?* — Дельфы были расположены на скалистой площадке склона Парнаса. Вещанья Аполлона выходили как бы из расщелины скалы, а изрекала их особая жрица — Пифия.

452. *Средоточия земного...* — То есть Дельфов, где было главное святилище Аполлона. В дельфийском храме стоял мраморный конус, «пуп», обозначавший находившееся там, по преданию, средоточие земли.

464. *Полибом рожденный* — Эдип. (См. ст. 750.)

478. *Крылатая дева* — Сфинкс.

711. *Давлия (Давлида)* — горная область около Парнаса.

844. *Олимп* — здесь не гора, на вершине которой помещает богов «Илиада», а небесная обитель.

875. *Олимпия* — равнина в Элиде (в Пелопоннесе), где

был храм Зевса. *Храм Абайский.*— В Абах (в Фокиде) был старинный храм Аполлона.

1078. *Царь Киллены* — Гермес, родившийся на горе Киллене в Аркадии.

1083. *Геликон* — горный хребет в Беотии, обиталище Аполлона и Муз.

1171. *Дева когтистая* — Сфинкс.

1205. *Истр* — Дунай. *Фасис* — кавказская река Рион.

ЭДИП В КОЛОНЕ

Трагедия написана в последний год жизни поэта и поставлена уже посмертно, в 401 году, его внуком, Софоклом-младшим.

В сюжете «Эдипа в Колоне» объединяются два мотива: предсказанное богами вечное успокоение изгнанного из Фив Эдипа в афинском пригороде Колоне и вражда его сыновей, еще более осложнившаяся вследствие проклятья отца.

Первый из этих мотивов получил отражение незадолго до «Эдипа в Колоне» в «Финикиянках» Еврипида (411—408 гг.) и восходит к местной аттической легенде, приуроченной к алтарю Эдипа в Колоне: здесь он был похоронен по указу прорицалища Аполлона в Дельфах, будучи призван охранять землю, которая дала ему последний приют. Выбор Софоклом этой темы был навеян отчасти политическими событиями: в конце 407 года спартанский царь Агис вторгся в пределы Аттики в районе Колона, причем три четверти его конницы составляли беотийцы. Нападение было отбито, и в этом афиняне могли усмотреть благодетельное вмешательство Эдипа, почитавшегося в Колоне как божество. С другой стороны, Софокл, выбирая место действия для трагедии в Колоне, получил возможность прославить край, откуда он сам был родом.

Что касается вражды сыновей Эдипа, то она составляла содержание не дошедшей до нас киклической поэмы «Фиваида» (VII—VI вв.). В одном из сохранившихся отрывков повествуется о том, как Полиник, бывший старшим, подвинул слепому отцу серебряный стол и подал ему золотой кубок, которыми пользовался убитый им по неведению Лай.

Опознав на ощупь эти предметы, Эдип увидел в поведении сына оскорбительное напоминание о своем невольном преступлении и проклял сыновей, пожелав им делить власть мечом. Братья пытались уклониться от проклятья, договорившись царствовать поочередно, но когда Этеоклу пришло время вернуть престол Полинику, он изгнал брата. Тот обосновался в Аргосе, собрал рать, возглавляемую семью вождями, и двинулся против родного города. Война за Фивы и смертельный поединок между братьями были достаточно обстоятельно освещены в уже упоминавшихся «Семерых против Фив» Эсхила и «Финикиянках» Еврипида, так что Софоклу достаточно было напомнить о начале этих событий,— об их исходе зрители уже все знали.

40. *Дочери земли и мрака* — Эринии, богини мщения. В Афинах был учрежден их культ, а сами Эринии получили название Евменид («милостивых»). Об учреждении этого культа см. трагедию Эсхила «Евмениды».

57. *Медный Порог*.— См. ст. 1637. Так назывался каменный кряж перед входом в пещеру, считавшуюся входом в преисподнюю.

86. ...к *Фебу и ко мне*...— О былой вражде между Аполлоном и Эриниями-Евменидами см. трагедию Эсхила «Евмениды».

Вражда между Фебом и Эриниями — символ борьбы между гибнущим материнским и возникающим в героическую эпоху отцовским правом. Феб — представитель отцовского права, Эринии — материнского.

100. ...*Врагов вина*...— Ср. ст. 147—151 и 465. Эриниями приносили в жертву чистую или смешанную с медом воду, но не вино.

296. *На этнейском муле* — то есть на сицилийском. Сицилия, где находится гора Этна, славилась своими мулами и лошадьми.

298. *Фессалийская шляпа* — широкополая шляпа с низкой тульей, которую носили пастухи и путешественники.

338. *Кадмейцы* — фивяне.

383. *Град Кадма* — Фивы, названные так по основателю их Кадму. В ст. 435 Фивы названы *Кадмеей*.

465. *Водой и медом*...— См. коммент. к ст. 100.

470. *Благосклонные* — то есть Евмениды.

559. ...я, как и ты, в чужом дому воспитан...— Согласно сказанию, Тесей был воспитан у своего деда по матери в аргосском городе Трезене. Подобно Гераклу, Тесей совершил много подвигов, из которых самый значительный — убийство критского чудовища с головою быка и туловищем человека, Минотавра, благодаря чему Тесей избавил Афины от дани, которую они должны были платить царю острова Крита, посылая на съедение Минотавру афинских девушек и юношей.

684—687. *Нарцисс и шафран* были посвящены богиням Деметре и Персефоне.

689. *Кефис* — важная река Аттики.

695. *Страна двоегрудая*.— То есть с двумя холмами.

705. ...на острове на Пелоповом // У дорян...— Здесь Софокл нарушает традицию греческих сказаний, согласно которым Пелопоннес был занят дорьянами после Троянской войны, тогда как Эдип жил до нее. Это скорее всего сознательный анахронизм, так как в дальнейших стихах этой строфы можно видеть (как указывает античный комментатор) намек на набег спартанского (дорийского) царя Архидам II, вторгшегося в Аттику в начале Пелопоннесской войны (431 г. до н. э.); Архидам не решился тронуть маслин — деревьев, посвященных Афине.

987. *Ареопаг* — древнейшее афинское судилище и политический совет, учреждение которого приписывали Афине.

1087. ...На берегу... *пифийском*...— То есть у берега Элевсинского залива, где находился храм Аполлона.

1090. *Богини-владычицы* — Деметры и Персефона.

1094. *Евмолпиды* — потомки мифического Евмолпа, жрецы Деметры, установившей, согласно мифу, свой особый культ, носивший название Элевсинских таинств, или мистерий. Центром этого культа был небольшой аттический город Элевсин.

1103. *Эатская вершина* — по-видимому, между Афинами и Элевсином.

1111. *Тесеевы ратники* — афиняне (по имени Тесея).

1275—1287. Четыре первых стиха антистрофы воспроизводят очень распространенное древнее изречение, подвергнутое впоследствии Эпикуром резкому осуждению: «Но еще хуже тот, кто говорит, что хорошо не родиться, а родившись,

как можно скорее пройти ворота Аида» (Письмо к Менекею, 126.— См.: Лукреций. О природе вещей, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1947, с. 593).

1353. *Апийцы* — пелопоннесцы (по имени мифического царя Апия).

1370. *Партенопей* — от греческого слова «партена» — дева.

1585. *Драконовы потомки* — фиванцы, предки которых, по мифу, выросли из посеянных Кадмом зубов убитого им дракона.

1608. *Богиня, очам недоступная* — Персефона, жена Аида, или Айдодея.

1612. *К подземным равнинам стигийским.* — То есть к подземной реке Стиксу.

1618. *Зверь чудовищный* — адский пес Кербер.

1622. *Мрака дочь и Земли* — Смерть.

1641. *Перифой и Тесей* задумали похитить Персефону, но были захвачены Аидом. Тесей (а по некоторым сказаниям и Перифой) был освобожден Гераклом.

1643. Перечисляется несколько колонских святынь, которые нам неизвестны.

АНТИГОНА

Документальных данных о постановке трагедии нет, но сохранилось сообщение, что афиняне избрали Софокла стратегом на 441 год для ведения войны против Самоса, будучи воодушевлены его «Антигоной». Выборы стратегов происходили летом, и, следовательно, «Антигону» надо датировать мартом — апрелем 442 года, когда происходили Великие Дионисии, если даже в этом свидетельстве простая последовательность во времени истолкована как причина и следствие.

История Антигоны примыкает непосредственно к мифу о братоубийственной вражде Этеокла и Полиника, излагаемому в античных источниках более или менее единообразно. Дочерям Эдипа до Софокла почти никакого внимания не уделялось, если не считать финала эсхиловских «Семерых против Фив» (ст. 1005—1078). Здесь выводятся Антигона и Исмена, по-разному реагирующие на приказ городских

властей оставить без погребения тело Полиника: в то время как Исмена проявляет послушание приказу, Антигона отказывается ему повиноваться и вместе с половиной хора уходит хоронить брата. Однако подлинность этого финала была давно заподозрена учеными и до сих пор находится под сомнением по целому ряду достаточно веских причин. Скорее всего, дополнительный финал трагедии, имеющей и без того вполне законченную форму, был дописан для ее повторных постановок в IV веке, чтобы согласовать ее завершение с получившей широкое распространение «Антигоной» Софокла. Поэтому вернее будет считать, что внимание к участию Антигоны в событиях после гибели братьев было впервые привлечено самим Софоклом.

При этом он мог воспользоваться фиванской версией сказания о походе семерых, согласно которой труп Полиника был оставлен без погребения, но Антигоне удалось дотащить его до места сожжения тела Этеокла и положить на еще горящий костер. Правда, никаких санкций по адресу Антигоны не последовало, поскольку жестокость победителей не заходила в Греции так далеко, чтобы не позволить родным отдать последний долг покойнику. Таким образом, и здесь Софокл был первым, кто вывел Антигону слушницей царского приказа и на этом сюжетном материале построил конфликт своей трагедии.

15. *Аргивян войско* — войско, приведенное Полиником для завоевания Фив. (См. «Эдип в Колоне», ст. 1359—1375.)

23. *Этеокл* — брат Полиника, о котором см. «Эдип в Колоне», ст. 1340—1345.

101. *Семивратные Фивы* — в отличие от «стовратных» Фив в Верхнем Египте.

104. *Поток Диркейский* — речка около Фив, из которой брали воду.

126. ...с необорным драконом... — Дракон (или змей), считавшийся непримиримым врагом орла, означает здесь войско фиванцев (ср. «Эдип в Колоне», коммент. к ст. 1585).

133—150. В начале строфы говорится о Капанее. (См. «Эдип в Колоне», ст. 1367.)

146. *Перед Зевсом... сложили доспехи свои.* — То есть пали побежденными, а доспехи их были посвящены как тро-

фей Зевсу. Доспехи Этеокла и Полиника не могли быть посвящены никакому божеству, так как оба оказались победителями, убив друг друга.

599. *Лабдаков дом.*— См. «Царь Эдип», ст. 270.

788. ...*Чтоб осквернению не подвергнуть град.*— Обычай требовал, чтобы осужденные на голодную смерть получали небольшое количество пищи в запас; этим осудившие их осуждались, с точки зрения культовых обычаев, от ответственности за смерть заключенных.

832—843. В этой антистрофе Антигона сравнивает свою участь с судьбой фиванской царицы Ниобы (или Ниобеи), дочери фригийского царя Тантала и внучки Зевса. Ниоба, имевшая семь сыновей и столько же дочерей, похвалилась своим многоплодием перед Латоной, матерью только двух детей — Аполлона и Артемиды. За это дети Латоны умертвили детей Ниобы, а сама она была превращена в камень на горе Сипиле (на своей родине). Но и обращенная в скалу Ниоба продолжает терзаться и постоянно льет слезы. (См. «Илиада», 24, 602—617, «Метаморфозы» Овидия, 6, 146 и «Описание Эллады» Павсания, 1, 21.)

859. ...*Знаменитых ристаньями Фив!* — Фивы славились своими конскими состязаниями. (Ср. ст. 151.)

885. ...*брак... несчастливый...*— Полиник был женат на дочери аргивского царя Адраста, который предводительствовал походом «семерых» на Фивы. См. «Эдип в Колоне» (ст. 1359), где, однако, Софокл вместо Адрата выводит Этеокла (не путать с Этеоклом, братом Полиника).

961. *Даная.*— Согласно греческим сказаниям, аргосскому царю Акрисию было предсказано, что он погибнет от руки своего внука, сына Данаи. Даная была заточена в башню (или подземелье), куда проник Зевс в виде золотого дождя, и Даная родила Персея, впоследствии убившего Акрисию.

970. *Дриантов сын, повелитель эдонян* — царь фракийцев (эдонян) Ликург, противившийся введению культа Диониса.

979—988 и 989—998. Эти строфа и антистрофа говорят о дочери *Борей*, Клеопатре, и о двух ее сыновьях, которых она ослепила и заточила в темницу из мести изменившему ей мужу, царю береговой Фракии (*Салмидеса*) *Финею*.

980. *Боспор фракийский* — Константинопольский пролив. При выходе из этого пролива в Черное море стоят два маленьких острова — «голубые», или «черные», скалы — Симплегады.

981. *Соседний Арей* — святилище Арея около Сальмидеса.

992. ...*Эрехфеева рода*... — Жена Финея была внучкой аттического героя Эрехфея.

1049. *Электр* — сплав золота и серебра, считавшийся в древности особым металлом; центром торговли электром была столица Лидии, Сарды.

1077. *Кони Солнца*. — Бог Солнца, Гелиос, представлялся мчавшимся по небу на колеснице.

1127. *Дева Кадмейская* — Семела, дочь Кадма, мать Диониса (Вакха).

1129. *Италия* упомянута как страна, славившаяся виноделием.

1135. *Сев Дракона*. — См. «Эдип в Колоне», коммент. к ст. 1585.

1139. *Корикийские нимфы*. — По имени этих нимф называлась огромная пещера в 20 километрах к северу от Дельфов, посвященная Пану, Дионису и нимфам. Геродот («История», 8, 36) говорит, что во времена нашествия персов в этой пещере укрывалась большая часть населения Дельфов.

1141. *Кастальский ключ* — около Парнаса.

1143. *Ниса* — название многих гор. Здесь, вероятно, гора на острове Евбея.

1148. *Сраженная молнией мать* — Семела, преждевременно родившая Вакха, пораженная смертью от прикосновения к молнии в руках Зевса.

1156. *Фиалды* — вакханки.

1158. *Иакх* — одно из имен Вакха.

1159. *Амфион* — один из фиванских владык, создатель городских стен, муж Ниобы. (См. коммент. к ст. 832—843.)

1203. *Придорожная богиня* — Геката, божество Луны и Ночи. Изображения ее ставились на перекрестках дорог. Часто ее смешивали с Персефоной.

1305. *Мегарей* — старший брат Гемона, добровольно принесший себя в жертву Ареею при наступлении вражеского войска на Фивы.

ТРАХИНЯНКИ

Хотя о постановке трагедии никаких документальных данных не сохранилось, наиболее вероятным представляется, что «Трахинянки» относятся к числу так называемых «ранних» драм Софокла и хронологически расположены между «Антигоной» и «Царем Эдипом».

Мифологические мотивы, составляющие основу «Трахинянок», были хорошо известны в Афинах из литературных источников. У лирических поэтов — от Архилоха (VII в.) до Вакхилида (V в.) — содержалось объяснение того, почему Геракл попал в Этолию (об этом попросил его в подземном царстве брат Деяниры Мелеагр), как ему пришлось вступить в борьбу с Ахелоем, а потом защищать молодую супругу от посягательств кентавра Несса, которого он сразил отравленной стрелой.

Для другой сюжетной линии (взятие Эхалии, пленение Иолы и роковой подарок, посланный Гераклу Деянирой) наиболее ранним памятником была эпическая поэма VIII или VII века «Взятие Эхалии», где поход Геракла прямо объяснялся его желанием добыть Иолу. В другом источнике — псевдогесиодовском «Каталоге женщин» (не позже VI в.) — уже содержался рассказ о том, как Деянира послала Гераклу через Лихаса пропитанный зельем хитон; надев его, Геракл вскоре умер.

Наконец, прочным элементом мифологического предания была смерть Геракла на вершине Эты, где в новое время были найдены археологические свидетельства существования там достаточно раннего культа Геракла. Расположенный неподалеку от Эты город Трахин был вполне подходящим местом для предсмертных мук Геракла.

Таким образом, отдельные источники сюжета «Трахинянок» достаточно ясны; однако Софокл был, по-видимому, первым, кто объединил их в одно трагическое событие; его изложение в более поздних произведениях основывается в целом на софокловской версии.

6. *Плеврон* — город в Этолии (Средняя Греция), где царствовал Оиней.

9. *Ахелой* — река между Этолией и Акарнанией.

38. *Ифит* — сын Еврита. (См. ст. 283 и 370.)
39. ...в *Трахинском городе*...— Имеется в виду Трахин в Фессалии, на склонах горы Эты (см. ст. 208 и 449) у Мелийского (или Малийского) залива, около Фермопил.
70. ...у одной *лидиянки*...— У Омфалы. (См. ст. 261—293.)
74. *Еврит* — царь Эхалии, отец Иолы и Ифита. (См. ст. 272—296 и 364—376.)
117. *Борей* и *Нот* — северный и южный ветры.
120. *Кадмов сын* — Геракл, родившийся в Фивах, основанных, по мифу, Кадмом.
136. ...*Медведицы* *небесной круговой извечный ход*.— Созвездие Медведицы никогда не заходит за горизонт в Северном полушарии.
202. *Мелийцы* — народ, живший на побережье Мелийского залива.
222. *Артемида-Ортигия* — сестра Аполлона, богиня-охотница; римская Диана. Ортигия — одно из поэтических названий острова Делос, места рождения Аполлона и Артемиды.
283. *Тиринф* — город в Арголиде, где царствовал Еврисфей, по приказу которого Геракл совершил свои двенадцать подвигов.
52. *Ойниадский*.— Ойниады — приморский город Акарнании у устья Ахелоя.
523. ...из *Фив... Вакховых*...— Вакх (Дионис) был сыном Семелы, дочери основателя Фив, Кадма.
571. *Несс* — кентавр, которого убил Геракл стрелой, отравленной желчью Лернейской Гидры, чудовища с девятью головами. (См. ст. 588.)
573. *Евен* — река в Этолии.
648. ...у *горных горячих потоков*...— То есть у Фермопил (дословно: «Горячих ворот»).
650. *Залив Мелиды* — Мелийский. (См. коммент. к ст. 39.)
652. *Пилейские сборища* — собрания представителей разных племен, входивших в состав Фермопильского союза, или Амфиктионии.
728. *Бог Хирон* — кентавр Хирон, нечаянно раненный отравленной стрелой своего друга Геракла; погиб от нее,

так как в свое время пожертвовал своим бессмертием ради освобождения Прометей.

802. *Локрийские холмы* — на южном берегу Мелийского залива.

1008. *Кенейский алтарь* — святилище Зевса на мысе Кеней, что на острове Евбея, против Мелийского залива.

1055. *Зевсова супруга* — Гера, ненавидевшая Геракла, так как он был сыном возлюбленной Зевса.

1100. *Сонм полулюдей-полуконей* — кентавры.

1104. *Трехглавый пес* — Кербер, охранявший область Аида; Геракл, по преданию, привел его к Еврисфею и затем отвел обратно в преисподнюю (двенадцатый подвиг Геракла).

1105. *Дракон* — сторож золотых яблок, подаренных, согласно мифу, Гере богиней Земли и хранившихся на крайнем Западе дочерьми титана Атланта, Гесперидами (одиннадцатый подвиг Геракла).

1172. *Селлы* — додонские жрецы, которые, согласно требованиям культа, обязаны были не мыть ног и спать на голой земле. О них говорит Ахилл в «Илиаде» (16, 233), обращаясь к Зевсу:

Зевс Пелазгийский, Додонский, далеко живущий владыка
Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!

(Перевод Гнедича)

АЯКС

О времени постановки трагедии документальных данных не сохранилось, однако построение парода (анапестическое вступление корифея, предшествующее лирической партии хора), напоминающее его структуру в ряде трагедий у Эсхила, а также довольно активное использование эсхиловской лексики, заставляют предполагать, что «Аякс» является самой ранней из семи дошедших трагедий Софокла и относится ко времени от середины 50-х до середины 40-х годов V века.

Миф, лежащий в основе трагедии, получил первую литературную обработку, по всей видимости, в киклическом эпосе VIII—VII веков. «Илиада» знает Аякса как второго в

греческом войске героя после Ахилла, готового всегда прийти на помощь соратникам и взять на себя самые трудные испытания. Никаких намеков на ожидающую его судьбу в «Илиаде» нет.

Из очень отрывочных свидетельств и позднего пересказа поэм эпического цикла мы можем установить, что спор за доспехи Ахилла и его последствия были отражены в двух произведениях: в «Эфиопиде» и в «Малой Илиаде». В первой из них шла речь о споре, разгоревшемся между Аяксом и Одиссеем, о решении, вынесенном в пользу Одиссея, и о самоубийстве героя, уязвленного несправедливым приговором. (Поэтому и в «Одиссее» при посещении ее героем подземного царства тень оскорбленного Аякса отказалась даже приблизиться к нему — XI, 543—547.) «Малая Илиада» добавляла новый мотив: впад в безумие, Аякс перебил стада скота, приняв их за своих обидчиков — ахейских полководцев. Поэтому после смерти ему было отказано в обычном для героического века почетном сожжении на костре, и он был похоронен в могиле.

На афинской сцене до Софокла к мифу об Аяксе обращался Эсхил, но его трилогия на эту тему не сохранилась, за исключением мелких отрывков.

Для афинян особое значение имело то обстоятельство, что Аякса (вместе с его отцом Теламоном) они считали своим полубожественным покровителем. Его имя носила одна из десяти аттических фил, и его вмешательством объясняли успех, достигнутый в морском сражении при Саламине, когда греческий флот защищал от персов родину легендарного ахейского героя (см. Геродот, VIII, 64, 121).

Действие трагедии происходит перед палаткой Аякса под Троей.

7. *Собака лаконская.*— Лаконские собаки, согласно Аристотелю, происходившие от помеси собаки с лисой, обладали очень острым чутьем.

17. *Звук трубы тирренской.*— В Тиррении (теперешней Тоскане, в Италии) делались особенно звонкие медные трубы.

41. *Доспех Ахилла.*— Доспехи Ахилла, убитого Парисом, были по решению ахейских вождей присуждены не Аяксу, а Одиссею. (См. коммент. к ст. 121.)

44. *Аргивяне*.— Имеются в виду греки, или ахейцы (ахейне). Название это восходит к гомеровскому эпосу.

57. ...*двоих Атридов*...— То есть Агамемнона и Менелая.

121—126. *Горюю об Аяксе*...— Слова Одиссея навеяны Софоклу рассказом Одиссея в «Одиссее» Гомера (11, 541). В эпизоде «вызывания теней умерших» Одиссей говорит:

Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фемида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о! зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
Бодрый Аякс, и лица красотою и подвигов славой
После великого сына Пелеева всех превзошедший.

(Перевод Жуковского)

135. *Саламин* — остров в Сароническом заливе, у берегов Аттики, царем которого был отец Аякса, Теламон.

137. *Данайцы* (или данаи) — племенное название, служащее в поэмах Гомера и в позднейшей греческой поэзии, подобно названиям «ахейцы» и «аргивяне», для обозначения греков вообще.

172. *Артемиды Бычица* — по-греч. «Тавропола», то есть «пасущая быков». Первоначально пастушеская богиня Артемиды отождествлялась с Артемидой Таврической, культ которой, отличавшийся оргиастическим характером и жестокостью, был перенесен в Аттику из Херсонеса Таврического.

179. *Эниалий* — бог войны, отождествляемый с Аресом (Аресом).

189. *Отродье рода Сизифова* — Одиссей. По одному после-гомеровскому сказанию, мать Одиссея, до выхода замуж за Лаэрта, отдалась Сизифу, гостившему у ее отца Автолика. Сизиф, царь Коринфа, отличался преступным лукавством и за разглашение тайн богов людям понес наказание в преисподней, где выполнял тяжелый Сизифов труд: вкатывал на крутую гору огромный камень, который все время скатывался обратно.

204. *Эрехфидов потомки*.— Эрехфидами назывались афиняне — как потомки афинского царя Эрехфея. Но во време-

на Софокла эреxfидами назывались и саламинцы, так как остров Саламин был присоединен к Афинам (ок. 600 г. до н. э.).

212. *Телеванта-фригийца дочь* — Текмесса, дочь фригийского царя, захваченная Аяксом во время одного из его набегов.

257. *Нот* — божество южного ветра.

342. *Тевкр* — сын Теламона и Гесионы, сводный брат Аякса, лучший стрелок из лука в ахейском войске.

394. *О Зевс, прародителей прадед!* — Согласно послемеровским сказаниям, отец Аякса Теламон — брат Пелея, отца Ахилла, — был сыном Эака, рожденного Зевсом от нимфы Эгины.

412. *Зевсова дочь* — Афина.

433. *Скамандр* — река, впадающая в Геллеспонт, у берегов которой стояла Троя.

445. *Ай-ай!.. Аякс!* — Междометие «ай-ай» употребляется в греческой трагедии для выражения страдания и боли. Имя Аякса греки производили или от слова «айетос» (орел), или от указанного междометия. Последней этимологией объясняется то, что в стихе 937 имя Аякса названо «зловещим».

449. *Родитель мой...* — Отец Аякса Теламон участвовал в походе Геракла под Троию. Геракл присудил Теламену первую почетную награду — дочь троянского царя Лаомедонта Гесиону.

450. *Ида* — гора, склоны которой образуют равнину Трои.

573—574. *...питай дыханьем легким ветра // Жизнь юную...* — Легкому и влажному ветру приписывалась питательная сила.

588. *«Широкощитый».* — Имя Еврисак слагается из слов *еврис* (широкий) и *сакос* (щит).

673—674. *...в дар // От Гектора...* — Об обмене дарами между Аяксом и Гектором после поединка, в котором ни один не мог одолеть другого, см. «Илиада» (7, 299—305). Гектор подарил Аяксу «меч... среброгвоздный // Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным», а «сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс».

709. *Киллены кряж.* — Киллена — гора в Аркадии, где зародился культ Пана. Во времена Софокла Пан уже входил в свиту Диониса; поэтому Пан знает нисский и кнос-

ский пляс (гора Ниса и главный город острова Крит — Кнос связаны с культом Диониса).

716. *Море Икарово* — юго-восточная часть Эгейского моря.

765. *Калхант* — прорицатель в греческом войске. В ст. 820 он назван сыном Фестора.

885. *Трудиться* — множить труд трудом. — Это выражение соответствует русскому «чем дальше в лес, тем больше дров».

902. *На Олимпе*. — Здесь имеется в виду троянский «Олимп», то есть гора Ида.

904. *К Босфору*. — То есть к Геллеспонту, который во времена Софокла носил это название.

937. ...*Чье имя зловеще?* — См. коммент. к ст. 445.

1042. ...*рабыни пленной*. — То есть Гесионы. См. коммент. к ст. 342 и 449.

1142. ...*Его обязывали клятвы*. — Клятвы, данные всеми женихами Елены в том, что они придут на помощь ее избраннику, если Елену кто-нибудь похитит. (См. «Филоктет», 72.)

1149. *Вооружен ты луком*... — К стрелам из лука греческие воины, сражавшиеся копьем, относились с некоторым пренебрежением.

1164. *Ты уличен был в краже голосов*. — Указание на несправедливость присуждения Одиссеею успехов Ахилла. (См. коммент. к ст. 41.)

1257. *Суний* — мыс в Аттике.

1330. *Атрей* — отец Агамемнона и Менелая, убивший сыновей своего брата Фиеста и подавший их ему вместо кушанья.

1339. *Лаомедонта дочь*. — См. коммент. к ст. 449.

ФИЛОКТЕТ

Трагедия была впервые показана в 409 году и завоевала первое место. О других драмах, входивших в состав тетралогии, сведений нет.

Ко времени создания Софоклом «Филоктета» миф, составлявший содержание этой трагедии, был хорошо известен его аудитории и уже получил обработку на афинской сцене.

В «Илиаде» Филоктет, сын Пеанта, упоминался как один из фессалийских царей, владевший четырьмя городами в северной ее части; в поход под Трою он отплыл с семью кораблями, но на десятом году войны — момент, к которому приурочено действие «Илиады», — оставался больным на Лемносе. О причине болезни героя сообщали киклические поэмы: во время жертвоприношения на острове Тенедос Филоктет был укушен гидрой и издавал громкие вопли, недопустимые при совершении обряда; кроме того, образовавшаяся рана испускала такое зловоние, что делало общение с ним совершенно невозможным. Поэтому Одиссей по поручению Атридов отвез Филоктета на Лемнос и оставил его здесь в одиночестве. (В других источниках в качестве места жертвоприношения назывался островок Хриса у восточного побережья Лемноса.)

На десятом году войны захваченный Одиссеем в плен троянский прорицатель Елен поведал, что Троя не может быть взята без Филоктета, владеющего луком Геракла. Тогда на Лемнос был отправлен Диомед, который пообещал Филоктету исцеление под Троей. Вылеченный Филоктет убил затем в единоборстве Париса (в древнейшей версии это вело, по-видимому, к окончанию войны), а его возвращение не встречало в эпосе, как видно, особых трудностей.

Миф о Филоктете обработали до Софокла оба знаменитых афинских трагика — Эсхил, а за ним Еврипид (в 431 г.). Сравнительно полное представление об их не дошедших до нас трагедиях мы получаем из двух речей греческого ритора I века н. э. Диона Хрисостома.

Произведение Эсхила отличалось свойственной ему суровой простотой: зрителю предлагалось допустить, что либо явившийся за Филоктетом Одиссей за десять лет неузнаваемо изменился, либо память героя была настолько ослаблена бедами и страданием, что он не узнал в Одиссее своего злейшего врага. Так или иначе, Одиссей — вероятно, во время приступа болезни у Филоктета — завладел его луком, и тому не оставалось ничего другого, как следовать вместе с ним под Трою.

Тоньше и сложнее была представлена вся история у Еврипида. Во-первых, у него Одиссей согласился на трудную миссию только после того, как Афина изменила его внеш-

ность и голос. Во-вторых, в помощники ему был придан Диомед,— таким образом, Еврипид соединил эпическую и эсхилловскую версии. Наконец, Еврипид ввел совершенно новый момент: наряду с ахейцами заинтересованность в Филоктете проявляли троянцы, приславшие за ним на Лемнос свое посольство. В конце концов, ахейцам после бурного объяснения с Филоктетом удалось убедить его отправиться под Трою. Хор и у Еврипида и у Эскила состоял из жителей Лемноса, которые за десять лет успели привыкнуть к страданиям изгнанника.

Софокл, обратясь к мифу о Филоктете, сделал два важнейших нововведения. Во-первых, хор у него состоит из мирмидонских моряков, впервые видящих Филоктета и проявляющих максимум сочувствия к его участи. Во-вторых, в спутники Одиссею он придал вместо Диомеда благородного Неоптолема, юного сына Ахилла, которого Одиссею первоначально удаётся использовать как свое орудие в достижении цели.

1. *Лемнос* — остров на Эгейском море с вулканическими горами.

5. *Мелиец* — родом из Мелиды, в Фессалии.

69. *Страна Дардана* — Троя, основанная царем Дарданом.

72. ...не давая клятвы... — См. «Аякс», коммент. к ст. 1142.

197. *Хриса* — нимфа острова Хриса, около Лемноса, где Филоктета ужалила змея, охранявшая святилище.

248. *Ликомед* — дед Неоптолема, отец его матери.

267. ...*Владелец я Гераклова оружия...* — Филоктет получил лук и стрелы Геракла в награду за то, что зажег костер, на котором Геракл хотел предать себя сожжению, мучимый страданиями.

269. *Кефалленян царь* — Одиссей. Кефалленянами назывались греки, жившие на острове Итака и других островах около острова Кефалления.

331. *Скирос* — остров в Эгейском море, родина Неоптолема.

397. *Гейя* — богиня Земли.

398. *Пактол* — золотоносная река в Лидии, один из центров культа Матери богов.

422. *Тидеево отродье* — Диомед, друг Одиссея. (См. «Илиада», 10.)

423. ...*Сизифом проданный Лаэрту*... — См. коммент. к ст. 189 «Аякса».

428. *Пилиец Нестор* — царь Пилоса, старейший из предводителей греков под Троей.

448. *Терсит* — демагог греческого войска, карикатурно обрисованный во второй песни «Илиады».

454—455. ...*лукавца // Нам из Аида возвращать!* — Намек на Сизифа (см. «Аякс», коммент. к ст. 189), который, по преданию, уговорил подземных богов отпустить его обратно на землю.

556. *Пепариф* — островок около Скироса, известный своим виноделием и в глубокой древности, и во времена Софокла.

570. *Старый Феникс* — воспитатель и друг Ахилла.

633. *Отец его* — Сизиф.

685. *Грозный Крона сын* — Зевс.

686. *Иксион* — царь лапифов, желавший овладеть супругой Зевса Герой. За это он был привязан в преисподней к вечновращающемуся огненному колесу.

738. *Меднощитый муж* — Геракл.

808. ...*сожги в огне лемносском*... — То есть «брось в кратер вулкана».

1041. *Обманщик* — Одиссей, притворившийся безумным, чтобы не идти в поход под Трою, что он обязан был сделать как один из женихов Елены.

1351. ...*к стражу-змию*... — См. коммент. к ст. 197.

1357. *Асклепия сыны* — воины-врачи Махаон и Подалирий. Асклепий — сын Аполлона, обожествленный греками в исторические времена; у Гомера он не бог, а человек.

ЭЛЕКТРА

Поскольку о времени постановки трагедии не сохранилось ни прямых, ни косвенных данных, определяющими для ее датировки являются композиционные и стилистические признаки, которые сближают «Электру» с «Филоклетом» и «Эдипом в Колоне» и заставляют относить ее к последнему

десятилетню творчества Софокла (вероятно, ок. 415 г.). (Вопрос о хронологическом соотношении «Электры» Софокла с одноименной трагедией Еврипида здесь не может быть рассмотрен.)

Фигура Электры в древнегреческой драме самым тесным образом связана с мифом о трагических событиях в доме микенского царя Агамемнона. Жертвоприношение им Ифигении вызывает затаенную ненависть к нему его супруги Клитемнестры, которую поддерживает в ней ее любовник Эгисф, и вместе они убивают вернувшегося с войны царя. Через семь лет возмужавший на чужбине Орест возвращается, чтобы отомстить убийцам отца, и в его мести какую-то роль всегда играет Электра.

Впрочем, гомеровский эпос еще не знает ее имени. Впервые оно появилось, по-видимому, у лирического поэта VII века Ксанфа и затем у его преемника Стесихора, который в свою двухчастную поэму «Орестея» ввел мотив грозного сна, привидевшегося Клитемнестре. Чтобы умилостивить подземных богов, царица посылала дары на могилу убитого царя, прибегая при этом к помощи Электры. Какое-то участие девушка должна была принять и в последней встрече Ореста с матерью.

Во всяком случае, сохранилась краснофигурная аттическая ваза первой половины V века, на которой подписаны имена изображенных на ней персонажей. Мы видим здесь убитого и свалившегося с трона Эгисфа, слева от него — Электру, а справа — Ореста с мечом и позади него — Клитемнестру с занесенной над сыном секирой. Электра, протянув руку к брату, призывает его оглянуться, дабы уклониться от угрожающего ему удара. О положении Электры после убийства отца, ее ожидании Ореста как мстителя и спасителя царского дома и об ее участии в подготовке Ореста к мести мы можем судить на основании «Хозфор» Эсхила — средней части его трилогии «Орестен» (458 г.), целиком до нас сохранившейся.

5. *Дочь Инаха* — Ио, дочь речного бога Инаха, родившая от Зевса Эпафа, родоначальника аргосских царей.

6. *Волчий рынок*. — Перевод условный, так как греческий термин «ликейский» для нас неясен, как эпитет.

7. *Волкоубийца*.— Имеется в виду Аполлон.

10. *Пелопиды* — потомки Пелопа (или Пелопса), предка Агамемнона и Менелая.

49. *Пифийские игры* — одно из национальных греческих празднеств, справлявшееся близ Дельфов.

148. *Итис* — сын Прокны, дочери афинского царя Пандиона. Узнав об измене своего мужа, Прокна обезумела и убила своего сына. По преданию, Прокна была превращена в соловья и с тех пор все время безутошно зовет своего сына. Пение соловья в греческом языке передается звукоподражательно «итю-итю».

150. *Ниобея*.— См. «Антигона», коммент. к ст. 832—843.

159. *Ифианасса*.— Имя этой дочери Агамемнона известно лишь из «Илиады» (9, 145) и из поэмы Лукреция «О природе вещей», где Ифианасса отождествлена с Ифигенией. У Софокла Ифианасса упоминается только здесь.

180. *Криса* — место близ Дельфов.

191. *Скорбный голос* — плач пленницы Агамемнона, пророчицы Кассандры.

281. «*Агамемноновский*» праздник.— Намек на греческую поговорку в значении роковой, смертоносный пир.

440. ...*тело изуевич как врагу*...— Для того чтобы, по поверью, оградить себя от мести убитого.

508. *Миртил* — возница Гипподамии, к которой сватался Пелопс. Добыв Гипподамию, благодаря предательству Миртила, Пелопс отправился на родину на колеснице, запряженной крылатыми конями, и по дороге сбросил Миртила в море. За это род Пелопидов был проклят богами, и на его представителей в разных поколениях обрушилось много страшных кар.

560. *Авлида* — гавань в Беотии, откуда греческий флот должен был отплыть под Трою.

566. *Дочь Латоны* — Артемиды.

697. *Два ливийца* — граждане греческой колонии в Северной Африке.

702. *Эниец*.— Энийцы (или эниане) — обитатели одной из областей Фессалии, жившие в исторические времена в Эпире.

840. *Амфиарай* — мифический прорицатель, муж Эрифилы, сестры аргосского царя Адраста. Когда Адраст от-

правлялся в поход на Фивы по просьбе Полиника, Амфиарай отказался участвовать в этом походе. Полиник подкупил Эрифилу драгоценным ожерельем, и она потребовала, чтобы Амфиарай отправился в поход, хотя и предвидел свою смерть. Он завещал своему сыну Алкмеону отомстить за себя. Алкмеон, по долгу мести, убил свою мать и удовлетворил этим тень отца.

1076. Умные птицы — аисты, которые, как гласит поверье, кормят своих старых родителей.

1133. Строфий — отец Пилада.

Ф. Петровский
В. Яrho

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Ярхо. Софокл и его трагедии</i>	5
---	----------

ТРАГЕДИИ

<i>Царь Эдип. Перевод С. Шервинского</i>	31
<i>Эдип в Колоне. Перевод С. Шервинского</i>	95
<i>Антигона. Перевод С. Шервинского и Н. Познякова</i>	175
<i>Трахинянки. Перевод С. Шервинского</i>	229
<i>Аякс. Перевод С. Шервинского</i>	279
<i>Филоклет. Перевод С. Шервинского</i>	335
<i>Электра. Перевод С. Шервинского</i>	399
<i>Ф. Петровский. Строение греческой трагедии</i>	463
<i>Комментарии Ф. Петровского и В. Ярхо</i>	472

Софокл
С68 Трагедии./Пер. с древнегреч. С. Шервинского;
Вступ. статья В. Ярхо; Комментар. Ф. Петровско-
го и В. Ярхо; Худож. В. Носков.— М.: Худож.
лит., 1988.— 495 с. (Б-ка античной лит-ры).
ISBN 5-280-00324-7

В очередной том «Библиотеки античной литературы» вошли все дошедшие до нас трагедии великого древнегреческого драматурга Софокла (ок. 496—406 гг. до н. э.): «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Трахинянки», «Аякс», «Филоклет», «Электра».

С 4703000000-217 192-88
028(01)-88

ББК 84(0)3

Софокл
ТРАГЕДИИ

Редакторы Е. Маркович и Е. Тарусина
Художественный редактор Л. Калитовская
Технический редактор О. Ярославцева
Корректоры О. Наренкова и Н. Усольцева

ИБ № 5196

Сдано в набор 02.09.87. Подписано к печати 14.03.88. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,92. Усл. кр.-отт. 29,27. Уч.-изд. л. 20,49. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2886. Заказ № 1135.
Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

ΕΣΟΦΟΚΛΗΤΡΑΓΣΔΜΗ

ΕΠΙΣΤΗΜΟΛΟΓΙΑ ΚΑΙ ΤΡΑΓΩΔΙΑ